

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

П.М.ЗАЙКОВ

**БАБИНСКИЙ ДИАЛЕКТ СААМСКОГО ЯЗЫКА
(ФОНОЛОГО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

ПЕТРОЗАВОДСК "КАРЕЛИЯ"

1987

УДК 809.455-087

Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка (фонологическое исследование).

Монография представляет собой описание фонологии, морфологических и морфонологических чередований, морфологии одного из наименее исследованных кольско-саамских диалектов - бабинского. Анализу подвергаются фонемный инвентарь, чередования фонем и их функциональная роль, структура слова и слога, словоизменительные категории имени и глагола, инфинитивные формы глагола.

Книга рассчитана на специалистов по саамскому и финно-угорским языкам.

Ответственный редактор

доктор филологических наук Г.М.Керт

Рецензенты

М.Э.Куусинен, М.И.Мулонен

790422

Научная библиотека
Петрозаводского
государственного
университета
им. О.В.К

I49 I680 - 059 1987
4602010000

С

Карельский филиал АН СССР, 1987

Предисловие

Одной из основных задач саамоведения является исследование малоизученных диалектов во всем многообразии проявления их внутренних закономерностей.

Работа посвящена описанию одного из наименее исследованных кольско-саамских диалектов - бабинского. Лапонистика располагает лишь отдельными сведениями по его морфологии, которые, однако, требуют уточнения и дополнения. Звуковой строй, а также структура и функциональная роль чередований фонем до сих пор не рассматривались. Значительный интерес для лингвистов-саамоведов представляет выявление места и особенностей бабинского диалекта в системе кольско-саамских. Исследование в первую очередь этого диалекта вызвано тем, что он в настоящее время переживает довольно быстрый процесс ассимиляции и сокращения сферы употребления. Описание диалекта построено преимущественно на синхронном и сравнительно-сопоставительном методах исследования.

В качестве фактического материала использованы тексты различного характера, записанные автором на магнитную ленту во время фольклорно-лингвистических экспедиций и расшифрованные с помощью упрощенной финно-угорской транскрипции, грамматические материалы, записанные от руки, а также словари А. Генца¹ и Т.И.Итконена².

Работа состоит из введения, трех основных глав и заключения.

---

¹ G e n e t z A. Kuollan lapin murteiden sanakirja uuden kielennytteitk. Helsingfors, 1891. — Bidrag till kannedom av Finlands Natur och folk, 15.

² I t k o n e n T.I. Kuollanlapin sanakirja. 1-2. Hki:SKS, 1958-. (LSFU; 15). - 1.XI IV. 803 s.; 2. 804-1236 s. Osa 2. - Hki, 1974. - 591 s. - (LSFU; 16,2).

Во введении дана история исследования бабинского диалекта, а также современная языковая ситуация у бабинских саамов.

Первая глава посвящена описанию фонологической структуры диалекта, где выявляются фонемный инвентарь, чередования фонем, структура слова и слога.

Во второй главе исследуются морфологические и морфонологические чередования согласных и гласных фонем в системе словоизменения диалекта.

В третьей главе рассматриваются словоизменительные грамматические категории имени (падеж, число, притяжательность, степень сравнения) и глагола (лицо-число, время, наклонение), а также инфинитивные формы глагола: инфинитив, причастия, герундий, вербальный абессив, отглагольное имя действия.

В заключении даются краткие выводы.

В в е д е н и е

Из истории исследования сабинского диалекта

Саамская ветвь финно-угорских языков подразделяется на два довольно отдаленных друг от друга наречия: западное и восточное¹. Среди восточно-саамских диалектов известное языковое единство представляют диалекты кольских саамов: кильдинский, йоканьгский, нотозерский и сабинский.

На сабинском диалекте в настоящее время говорят саамы, живущие в юго-западной части Кольского полуострова в селе Ёна Апатитского района Мурманской области. Самоназвание (aŋkeiŋaŋma) сабинские саамы получили по названию погоста Бабино (саам. aŋ'k'e'l'siŋt , фин. Akkala), в котором они проживали до переселения в Ёну. В лингвистической литературе к сабинскому диалекту причисляют также язык йокостровских саамов, которые жили рядом с сабинскими в погосте Йокостров (саам. ŋu,kaŋi). Оба погоста были расположены на южном берегу озера Имандра Кольского полуострова. Прямых указаний на время появления и заселения этих погостов найти не удалось, однако, как пишет В.К.Альмов, они были известны уже в XVI веке наряду с такими крупными, как Йоканьгский и Нотозерский².

Сабинские саамы с давних пор интересовали ученых. В 1841 году на Кольский полуостров совершил поездку исследователь финно-угорских и самодийских языков М.А.Кастрен. Он, в частности, писал: "Больше всего привлекали нас лопари деревни Аккала, ибо финские крестьяне уверяли, что они живут

---

¹ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с.18.

² А л м о в В.К. Лопари Кольского полуострова. - Докл. и сообщ. Мурманского об-ва краеведения, 1927, вып.1, с.9.

совершенно отдельно, чуждаясь русских и всех других народов, следовательно, могли сохранить язык и народность свою чище других"³.

Финский исследователь Д.Е.Д.Европеус в 1856 году принял поездку к кольским саамам с целью сбора фольклорного и языкового материала. Он интересовался прежде всего йоканьгским диалектом, однако попутно делал записи от представителей других диалектных групп. Рукописное наследие Д.Е.Д.Европеуса включает в себя две тетради, одна из которых содержит материалы по йоканьгскому, другая - по нотозерскому и бабинскому диалектам. На интересующем нас диалекте имеется список слов, отражающих термины родства, названия растений и животных, частей тела, сторон света, небесных светил, металлов. Кроме этого, имеется топонимы бассейна озера Имандра и начало одной песни-ййки. Наряду с лексическими материалами Д.Е.Д.Европеус приводит парадигмы некоторых существительных, прилагательных и глаголов⁴.

Значительные заслуги в сборе фольклорного и языкового материала по кольско-саамским диалектам принадлежат известному финскому лингвисту А.Генецу. Он посетил все наиболее крупные саамские погосты Кольского полуострова, в которых записывал образцы фольклора, а также с помощью саамов переводил на разные диалекты Евангелие от Матфея (МВ). Шесть глав его (с 23 по 28) он перевел на бабинский диалект⁵. Текст перевода представляет значительный интерес, поскольку отражает фонетическую и морфологическую структуру бабинского диалекта второй половины прошлого столетия. Правильное прочтение текста затруднено, главным образом, особенностями транскрипции, например:

1) маленькая подстроочная *i*, следуя за гласным, означает, что место артикуляции последнего продвигается по ряду вне-

---

³ К а с т р е н М.А. Путешествие по Лапландии, Сев.России и Сибири в 1841-44 г. - Этногр.об., 1858, т.4, с.65.

⁴ I t k o n e n Т.И. D.E.D. Europaeuksen Kuolan-lappalainien saana- ja satukerkeelmä. - Suomi, 1923, 5 jakso, 2 osa, s. 129-133.

⁵ G e n e t z А. Cross-lapp nyelvmutatványok. Máté evangélioma és eredeti textusok. - НЖ, 1881, 17, 123-139 old.

ред. Так, та₁lle, šu₁hke, zo₁rme можно было бы записать, как об этом пишет А.Генец, в виде t₁lle, š₁hke, z₁rme⁶; 2) под ã подразумевается заднеязычный носовой η, например, maĩã (ME, I27) (maĩã)⁷, затем⁸, leĩkeaĩ (ME, I32) (leĩkaĩ) 'он пропоет'; 3) графема θ, означающая гласный переднего ряда ε, например, ten (ME, I33) (tɛn) 'того', galk (ME, I33) (gɛlk) 'надо'; 4) значок ĩ, передающий гласный среднего ряда ĩ, например, viĩtiš (ME, I28) (viĩtiš) 'они вышли', zarnatiš (ME, I39) (zarnatiš) 'они говорили'.

На основании текста Евангелия можно говорить о некоторых сдвигах в фонетической и морфологической структуре бабинского диалекта за период почти в сто лет. Наиболее характерными из них являются:

1) исчезновение гласных второго слога в многосложных словах, например, sãrnavette (ME, I24) (> sarnv'ette) 'вы говорите', tujješekke (ME, I24) (> tuišekke) 'делайте', likkastatte (ME, I24) (> likstatte) 'шевальнуть';

2) распространение дифференциального признака палатализованности-непалатализованности на все согласные, за исключением d, x, ž, š, ž. В тексте по этому признаку коррелирует только согласный n: jenneji (ME, I26) 'много', zu₁ñne (ME, I26) 'тебе', pon'lat (ME, I26) 'он повернется', soan'šmen (ME, I26) 'стоя';

3) монофтонгизация отдельных восходящих дифтонгов: mielt (ME, I24) > m'eł't 'следом за', ellea (ME, I24) > eł'l'a 'нет', leaĩ (ME, I25) > l'ai 'был', jierpe (ME, I26) > jerp'p'e 'вы не';

4) выпадение отдельных аусляутных согласных: š - в формах инфинитива, j - в формах 3 л.ед.числа имперфекта изъявительного наклонения, t - в формах датива-иллатива единственного числа, что привело к изменениям в грамматической структуре, например, va₁nseš (ME, I30) (> vaĩ'n's'e) 'идти', va₁lteš (ME, I26) (> vaĩ't's) 'взять', vu₁lgij (ME, I26) (>

⁶ G e n e t z A. Grosz-lapp nyelvmutatványok. Máté evangélioma és eredeti textusok. - NyK, 1881, 17, 77 old.

⁷ В скобках даются соответствующие формы в современной транскрипции.

⁸ Здесь и далее - переводы наши.

vũl'gi) 'он пошел', silkiĵ : (ME, I26) (> sũl'ki) 'он ска-
зал', tiĵĵit (ME, I27) (> tiĵi) 'вам', siĵĵit (ME, I26)
(> siĵi) 'им':

5) изменение фонетического облика суффиксов причастия
законченного действия -man'č (> minč и дееминутивности aĩč
(> ĵĩč): kavĩman'č (ME, I28) (> kavĩminč) 'нашедший',
roatman'č (ME, I27) (> roatminč) 'пришедший', л ondan'č (ME,
I29) (л ondinč) 'птичка':

6) исчезновение именных форм генитива-аккузатива един-
ственного числа на -u, а также глагольных форм имперфекта
изъявительного наклонения, имеющих гласную основу на -u, на-
пример, vuĵk-олаи vegeret (ME, I36) 'в крови праведника', olmu
θ₁lk (ME, I29) 'сон человека', arĵum (ME, I34) 'я сидел', čol-
kuĩ (ME, I34) 'они плевались'. Эти формы широко употребляются
в диалекте Колтта⁹.

В 1891 году выходит "Словарь кольско-саамских диалектов"
А.Генеца¹⁰, имевший большое значение для современников, по-
скольку в научный оборот впервые вводились материалы по всем
кольско-саамским диалектам, в том числе и по бабинскому. Транс-
крипция, использованная в словаре, полутрубная, с теми же не-
достатками, что были отмечены при анализе текста Евангелия.
В довольно обширном предисловии автор рассказывает о своей
поездке на Кольский полуостров и делится некоторыми этногра-
фическими наблюдениями за жизнью и бытом кольских саамов.
Словарь включает в себя список топонимов и антропонимов, об-
разцы речи, представляющие собой переводы некоторых глав
Евангелия, отдельные легенды и песни.

Первая попытка изложить основы грамматики кольско-саам-
ских диалектов была предпринята венгерским лингвистом И.Хал-
ласом¹¹. Автор исследует главным образом кильдинский диалект,
но приводит сведения и по другим кольско-саамским диалектам.

Работа начинается с очень краткого раздела по фонетике,

⁹ K o r h o n e n M., M o s n i k o f f J., S a m -
m a l l a h t i P. Koltansaamen opas. - Hki, 1973, s. 51,
56, 85-88. Castrenianin toimitteita; 4.

¹⁰ G e n e t z A. Kuollan Lapin murteiden sanakirja...

¹¹ H a l á s z I. Gross-lapp nyelvutany vázlat. - Nyk,
1881, 17.

где И.Халас указывает на явление "усиления" и "ослабления" согласных¹², а также делает интересное наблюдение о сходстве немецкого абляута с чередованием в области саамского вокализма. Но главным образом исследование посвящено описанию морфологии. В разделе "Имя" И.Халас выделяет именные части речи, основные падежи и падежные окончания, анализирует притяжательное склонение и выражение степеней сравнения. В разделе "Глагол" описанию подвергаются сначала финитные, затем инфинитивные формы. Анализируя финитные формы, автор приводит лично-числовые окончания, отмечая при этом, что в кильдинском диалекте окончание I л.ед. числа -ш может опускаться. Далее в работе выделяется грамматический показатель имперфекта, указывается выражение перфекта и плюсквамперфекта. Кроме этого, автор выделяет грамматические флексии сослагательного наклонения и конъюнктива. Отмечается, что в кильдинском диалекте наряду с определенно-личным спряжением существует неопределенно-личное, имеющее свои грамматические флексии для презенса и имперфекта. Среди инфинитивных форм глагола рассматриваются инфинитив, причастия законченного и незаконченного действия, так называемый II герундий и отглагольное имя действия. Все грамматические выкладки автор подтверждает примерами, взятыми из текстов А.Генеца. Очерк И.Халаса включает в себя также краткий раздел по именному и глагольному словообразованию.

Работа И.Халаса была первым описанием морфологии кольско-саамских диалектов, поэтому в ней имеются и некоторые ошибочные сведения. Так, признаком номинатива множественного числа существительных в бабинском диалекте считается -i, в йоканьгском -i (=j), тогда как этот грамматический показатель выступает только в косвенных падежах. Формы же номинатива множественного числа существительных во всех кольско-саамских диалектах образуются посредством внутрифлективных чередований согласных и гласных. Сомнительно также утверждение о том, что в кильдинском диалекте признаком номинатива множественного числа существительных является -ø ("немой полужвук"), так как никаких следов этого форманта исследователи

---

¹² Имеется в виду механизм чередования ступеней согласных.

кильдинского диалекта не отмечают. В очерке приведены, кроме того, падежные окончания паритива по линии единственного и множественного числа, тогда как этот падеж имеет только форму единственного числа. В отдельных случаях к падежным и лично-числовым окончаниям автор относит звуки, принадлежащие основе слова либо являющиеся грамматическими флексиями множественного числа или времени. И все же, несмотря на перечисленные недостатки, работа И.Халаса дала некоторые сведения о морфологии кольско-саамских диалектов и способствовала их дальнейшему исследованию.

Большой вклад в исследование кольско-саамских диалектов внес финский лингвист Т.И.Итконен. Лексика этих диалектов изучалась и систематизировалась им в течение нескольких десятилетий. В 1958 году выходит большой двухтомный "Словарь кольских и колтта диалектов саамского языка"¹³, являющийся до сих пор единственным полным и надежным источником. В нем используется чрезвычайно тонкая, безупречная в научном отношении аллофоническая транскрипция. Пользование словарем, однако, затруднено тем, что заглавное слово приводится по диалекту Паатсойоки, и для того, чтобы найти необходимое слово, надо знать его форму в упомянутом диалекте. По этой причине автор вынужден был прибегнуть к регистру на немецком и финском языках, который помещен во втором томе. Словарь содержит, кроме того, список топонимов и антропонимов. Что же касается бабинского диалекта, то он представлен материалами А.Генеца.

Некоторые особенности морфологии бабинского диалекта в сравнении с кильдинским отмечаются в одной из статей Г.М.Керта¹⁴. К ним относятся: падежное окончание абессива -ta и комитатива -vием, показатель компаратива -р, генитивные формы личных местоимений mi, tu, vu¹⁵. Автор статьи делает вывод

---

¹³ I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja...

¹⁴ К е р т Г.М. Некоторые морфологические особенности бабинского диалекта саамского языка. - MSFOu, Hki, 1973, s. 160-164.

¹⁵ Там же, с.161-163.

о том, что в целом бабинский диалект занимает промежуточное положение между кильдинским и нотозерским¹⁶.

Обзор литературы, непосредственно касающийся бабинского диалекта, показывает, что исследованию подвергались лишь отдельные вопросы морфологии бабинского диалекта, которые тем не менее нуждаются в уточнении и дополнении. Звуковой же строй, а также чередования согласных и гласных и их функциональная роль в грамматике до сих пор анализу не подвергались. Было бы, однако, неправомерно рассматривать исследование бабинского диалекта в отрыве от других кольско-саамских и соседних с ними диалектов, поэтому остановимся на наиболее значительных работах, касающихся этого вопроса.

При описании фонологической структуры бабинского диалекта нами использован сборник финляндских саамоведов "Фонология саамских диалектов"¹⁷, посвященный наиболее сложным вопросам фонологии финско-саамских диалектов.

Наиболее важной является монография Тойво Итконена "Чередование ступеней согласных в русско-саамских диалектах"¹⁸, в которой рассматриваются типы чередований одиночных согласных с их долгими коррелятами, а также количественные чередования различных по качеству сочетаний согласных.

В историческом плане написаны две монографии Э.Итконена "Восточно-саамский вокализм с качественной точки зрения"¹⁹ и "Структура и развитие восточно-саамской количественной системы"²⁰.

М.Корхонен исследовал глагольное словоизменение в саамском языке. В работе "Спряжение в саамском языке (Финитные

---

¹⁶ К е р т Г.М. Некоторые морфологические особенности бабинского диалекта саамского языка. - МСФОу, НКИ, 1973, с.161.

¹⁷ Lapin murteiden fonologiaa/E.Itkonen, T.Itkonen, M.Korhonen, P.Sammallahti. НКИ, 1971. - 110с. - (Cartreniaminin toimitteita; 1).

¹⁸ I t k o n e n Т. Тоиво. Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu Koltan, Kildinin ja Turjan murteiden mukaan. НКИ, 1916. -(МСФОу; 39).

¹⁹ I t k o n e n Э. Der Ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus. НКИ, 1939. - XVI, 386 с. - (МСФОу; 79).

²⁰ I t k o n e n Э. Struktur und Entwicklung der Ostlappische Quantitätssysteme. НКИ, 1946.-(МСФОу; 88).

категории)"²¹ систематизируются глагольные словоизменительные категории в диалектах саамского языка, приводятся их показатели, которые анализируются с точки зрения происхождения и развития. Вторая часть исследования "Спряжение в саамском языке (Именные формы)"²² посвящена рассмотрению инфинитивных форм глагола: инфинитива, герундия, причастий, абессивных форм глагола, сушина, отглагольного имени действия.

Первой сводной работой по истории саамского языка можно считать монографию М. Корхонена "Введение в историю саамского языка"²³.

В советской лингвистике кольско-саамские диалекты привлекали внимание исследователей в период языкового строительства. Диалектной основой недолго просуществовавшего саамского письменного языка явился кильдинский диалект в силу своей распространенности и географического положения, поэтому все внимание обращено на него²⁴. В этот период выходит большая статья А. Эндюковского²⁵, в которой даются некоторые диалектные различия, предлагается латинизированный алфавит саамского языка, классифицируются гласные и согласные, определяются наиболее характерные чередования. Морфология саамского языка рассматривается с позиции частей речи со всеми присущими им грамматическими категориями. В конце статьи имеется небольшой раздел по лексике, а также приводится текст на саамском с переводом на русский язык.

---

²¹ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. I. Die Finiten Formkategorien. Hki, 1967. - 364 s. - (MSFO ; 143).

²² K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. II. Die Nominalen Formkategorien. Hki, 1974. - 227 s. - (MSFOu; 155).

²³ K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan. Hki, SKS, 1981.

²⁴ История саамской письменности изложена в статье: К е р т Г.М. Саамская письменность. - В кн.: Прибалтийско-фин. языковедение. М.;Л., 1967, с.110-115.

²⁵ Э н д ю к о в с к и й А.Г. Саамский (лопарский) язык. - В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.;Л., 1937, с.125-162.

Первым научным описанием кильдинского диалекта является монография Г.М.Керта "Саамский язык"²⁶, в которую входят следующие разделы: "Фонетика", "Морфология" и "Синтаксис".

В разделе "Фонетика" выявляется фонемный состав согласных и гласных, дается их артикуляционная характеристика, определяется дистрибуция фонем. Автор работы оспаривает тезис о трехступенчатом характере количественных чередований согласных и их сочетаний и считает, что в кильдинском диалекте существуют две фонологически релевантные ступени длины согласных.

В разделе "Морфология" анализируется морфологическая структура слова, определяются типы именных и глагольных основ, описываются все части речи с их грамматическими категориями. Следует отметить, что такие вопросы морфологии, как морфологическая структура слова, типы основ, типы склонений и спряжений, значение и употребление падежей, образование сослагательного наклонения аналитическим способом, выражение номинатива множественного числа существительных, разрабатываются в монографии впервые.

Синтаксис кильдинского диалекта включает в себя описание типов как словосочетаний, так и предложений.

Г.М.Кертом опубликованы также статьи по саамскому языку (преимущественно на основе кильдинского диалекта)²⁷.

Современная языковая ситуация у сабинских саамов

По характеру хозяйственной деятельности саамов подразделяют на саамов-рыболовов (*kalastajalappalaiset*), саамов-оленоводов (*raimentolaiset* и *porolappalaiset*) и лесных саамов (*metsslappalaiset*)²⁸. По всем признакам сабинские

---

²⁶ К е р т Г.М. Саамский язык: (Кильдинский диалект). Л., 1971. 356 с.

²⁷ Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, с.155-171. (Языки народов СССР: т.3); Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовский языки. М., 1975, с.203-247.

²⁸ I t k o n e n Т.И. Suomen lappalaiset vuoteen, 1945, I, - Hki, 1948, s. 122-124.

саамы относятся к саамам-рыболовам. Жизненный уклад бабинских саамов предполагал замкнутые миграции по рекам и озерам и продолжительное проживание отдельными семьями. Все это наложило определенный отпечаток на их язык, что проявляется, во-первых, в хорошо развитой рыболовецкой терминологии, во-вторых, в существовании специфических "семейных" черт, проявляющихся на всех уровнях языка.

В силу территориальной разобщенности бабинские саамы, как утверждают они сами, почти не контактировали с крайневосточными - кильдинскими и йоканьгскими и, напротив, были очень близки с соседствующими с ними на северо-западе гирвозерскими саамами, которые проживали в верхнем течении реки Гирвас и в бассейне Гирвасозера. По общепринятой классификации гирвозерский говор относят к диалекту Колтта²⁹. Существовали и до сих пор существуют браки между бабинскими и гирвозерскими саамами, что не могло не отразиться на языке исследуемой группы. Различия в языке бабинских и гирвозерских саамов хорошо прослеживаются и осознаются говорящими, они распространяются на все языковые уровни. К таковым в области фонетики относятся:

1) в бабинском, как и в кильдинском и йоканьгском диалектах³⁰, сохраняются сочетания носового с глухим смычным согласным (nt, nk, mp, ns, nš), в гирвозерском говоре на месте первого компонента сочетаний выступает среднязычный j; loñt - lojt³¹ 'птица', küñte - kuñted 'нести', feñk-fejk 'деньги' (ном.ед.ч.), šiñka - šiikka 'собирать', vñmp - vñjrp 'сестра', güñp - güip 'болячка, нарив', vañ'siñ - vaicciñ '(они)шли', kiñca - kiiccad 'есть, кушать', vññc - vñcñc 'мясо', šiñce - šiuoicced 'стоять';

2) сочетаниям носового и звонкого согласного ng, nd, mb, nž, nž̄ бабинского диалекта соответствуют в гирвозерском говоре звонкие геминаты gg, dd, bb, žž, žž̄: šieñgiñ-šeggiñ 'прозрачный', šañg - šağc 'шанги' (ном.ед.ч.), mienda -

²⁹ K o r h o n e n M. Lapin murteiden keskingisistä suhteista. - Lapin tutkimusseuran vuosikirja, 1964, V, s.51-52.

³⁰ Ibid., s.55.

³¹ Бабинский диалект - гирвозерский говор.

miedda 'прочь', koñd - kōdd 'дикие олени', ламбеа - лаб-
беа 'овцы', лумбел - луббел 'озерко в разливе реки', kēñzam -
кєззам 'я ем', vāñzam - vāzzam 'я иду', vuonjam - vuoz-
jam 'я достаю';

3) на месте согласных ě, ž бабинского диалекта в гир-
возерском говоре выступает среднеязычный j, например: iĝĝ -
ijj 'годы', reĝiĭ - rejjii 'через', hierĝ - hierj 'быки',
ĉirĝenti - ĉirjenti 'онеметь', nuĝ - nujj 'ножья', ěj -
ejj 'отцы', kējam - kejjam 'я спрошу', tej - tejj 'концы';

4) сочетаниям согласных ěs, kě бабинского диалекта со-
ответствуют xs, xě в гирвозерском говоре: jaĝs - jaxs
'раздеть', roĝi - roxs 'намазать', saĝs - saxs 'грязный',
axě - ax 'топор';

5) согласные k, ě исследуемого диалекта во многих слу-
чаях представлены в гирвозерском говоре соответственно t, t̃:
muĝsik - muĉsit 'кукиш', veĝk - vej̃t 'сумерки', kōrak -
kōrat 'дубинка', kieĝs - tieĝs 'лето', kolstelaĝi - tolst-
telaĝi 'лгать', hoĝant - hoifant '(он) прыгает';

6) аллофоном фонемы /v/ в позиции после гласного в ба-
бинском диалекте выступает билабиальный [ɸ], в гирвозерском
говоре - [ɸ̃], например: jaɸr̃ - jaɸr̃ 'озеро', ñeɸlam - ñeɸlam
'я продаю нитку', uɸdas - uɸdas 'вперед, дальше', keɸi -
aɸi 'крючок для подвешивания котла', ŝoɸj - ŝoɸj 'живот'.

Из морфологических различий следует отметить следующие:

1. В результате отпадения ауслытного d, являвшегося
составной частью суффикса, отдельные морфологические аффиксы
бабинского диалекта приобрели специфическую оформленность в
сравнении с соответствующими аффиксами гирвозерского говора,
где этот согласный сохранился:

а) показателем инфинитива глаголов в первом является -e,
во втором -ed, например, vuĝke - vuĝked 'пойти', kurrĝ -
kurrĝed 'курить', keĝke - keĝked 'высекать огонь', riĝtte -
riĝtted 'пороть', ĥuĝke - ĥuĝked 'сказать';

б) падежным окончанием генитива-аккузатива множествен-
ного числа в бабинском диалекте является -i, в гирвозерском
говоре -id, например: sēni - sēnid 'саней', kuĝi - kuĝid
'рыб', kiĝi - kiĝid 'кукушек', sējmi - sējmid 'сетея',
kōtki - kōtkid 'муравьев'.

2. В гирвозерском говоре существуют формы генитива-аккузатива единственного числа существительных, признаком которых является гласный -и. В бабинском, как и в других крайневосточных диалектах³², этот признак отсутствует. названные формы образуются посредством чередования согласных и гласных корня, например: suolla - sullu 'острова', maā - mañu 'луны', роһе - роһеһи 'олена', сиюһь - сиюһри 'лягушки', һорг - һоркку 'утки-нырка'.

3. В гирвозерском говоре гласный -и является, кроме того, признаком имперфекта изъявительного наклонения, в бабинском диалекте соответствующая грамматическая категория выражается посредством гласного -і, например, һиһкім - һорккум 'я свистел', саһниһ - зарниһ 'я рассказал', сиеһлім - сиеһлһм 'я был', кіркниһ - тіркниһ 'я успел', курриһ - курриһм 'я курил'.

4. В результате деназализации сочетаний согласных отдельные словоизменительные и словообразовательные суффиксы гирвозерского говора отличаются от соответствующих признаков бабинского диалекта:

а) показателем компаратива в бабинском диалекте является -һр, в гирвозерском -р, например: иһсаһр - иһсар 'меньше', һиһлаһр - һиһлар 'глубже', ваһлаһр - ваһлар 'короче', кіһсаһр - кіһсар 'тверже', рәһтлаһр - рәһтлар 'острее';

б) признаком отдельных существительных и деминутивных форм в исследуемом диалекте являются -һнһ, -һн, в гирвозерском говоре -һһ, -һ, например: саһлһнһ - саһлһһ 'саам', каргаһнһ - каргаһһ 'караел', руоһлһнһ - руоһлһһ 'русский', киедгһнһ - киедгһһ 'камышек', һиддһнһ - һиддһһ 'девочка', роуһнһ - роуһһ 'медвежонок';

в) признаком причастий в бабинском диалекте являются -һнһ, -һн, в гирвозерском говоре - һиһ, -һи: рһһнтһнһ - рһһнтһи 'пришедший', роһтһнһ - роһтһи 'евший', сһһрһнһ - сһһрһи 'рубивший', алкһнһ - алкһи 'начавший', куоһтһнһ - куоһтһи 'спитый'.

В языке бабинских и гирвозерских саамов имеется, кроме

---

³² К е р т Г.М. Саамский язык..., с.141.

того, лексические различия. Приведем здесь некоторые из них: jinn - summ 'голос', šaít - laht 'пол', šuńń - puolaš 'мороз', šaīv - sajt 'пещня', kešī - aūī 'крючок для подвешивания котла', žannix - vittim 'жених', rođk - rańr 'туловище', pišim - kōrat 'корыто', rišk - kahk 'лепешка', pińš - riđt 'грудь', mejt - meik 'молоко', pašši - vaštt 'места (пол)', suhkke - suollađ 'грести', pańšče - vuohrje 'грести задними веслами', riehkki - lojke 'плакать', końsje - morná 'проснуться'.

Приведенные фонетические, морфологические и лексические различия довольно стабильно удерживаются в языке сравниваемых групп саамов. Следует, однако, отметить, что в результате длительного общения отдельные фонетические, а через них и морфологические черты гирвозерского говора начинают проявляться в языке бабинских саамов. Так, в условиях свободного варьирования находятся согласные k и t: kodda ~ todda 'весной', rođanna ~ rotanna 'голодом', kehte ~ tehte 'варить'. Отдельные деназализованные морфологические аффиксы употребляются параллельно с собственно бабинскими: -ińš, -ińš ~ -iš, -iš; -mp ~ -p: kargmińš ~ kargmiš 'карел', kahtmińš ~ kahtmiš 'покрытый', jań*amp~jań*ap 'больше', tiřkamр ~ tiřkar 'быстрее'. Падежные окончания комитатива множественного числа -guim (баб. диал.) и -vuim (гирв. говор) являются в исследуемом диалекте в настоящее время алломорфами: aigiguim ~ aigivuim 'с сыновьями', juigiguim ~ juigivuim 'ногами', pińņiguim ~ pińņivuim 'с собаками', piessiguim ~ piessivuim 'берестами'.

Привычный хозяйственный уклад в жизни бабинских саамов был значительно изменен в период коллективизации, когда на Кольском полуострове создавались оленеводческие и рыболовецкие колхозы. В результате укрупнения сел многие саамские погосты исчезли. Жители погоста Ёкостров разъехались по разным городам и селам Мурманской области, а бабинские саамы в 1937-1938 гг. переехали в село Ёна, где создавался оленеводческий колхоз. В настоящее время бабинские саамы живут и трудятся в совхозе "Ёна" и в близлежащих поселках. По сведениям Ёнского поселкового совета, в совхозе насчитывается 51 саам, на ст. Ёна - 21, в п. Риколатва - 5, в п. Калижное - 2, в п. Ава-

губа - I, т.е. всего 80 человек. Однако практически саамским языком владеет едва ли их треть, так как дети дошкольного и школьного возраста на родном языке не говорят и не понимают его, а среднее поколение (до 35-40 лет) употребляет лишь отдельные фразы, но в целом понимает саамскую речь.

Следует отметить, что в рассматриваемом регионе проживают также финны. В совхозе "Ёна" их насчитывается 30 человек, имеются смешанные финско-саамские семьи. Отдельные саамы в наиболее типичных ситуациях понимают финский язык, хотя и не говорят на нем. Данный факт представляет определенный научный интерес и мог бы послужить темой самостоятельного исследования.

Некоторые теоретические вопросы фонологического описания

О фонологическом аспекте исследования звукового строя языка

Звуковой строй языка имеет два аспекта: фонологический (или функциональный) и фонетический, которые настолько связаны между собой, что невозможно заниматься одним в отрыве от другого¹. Данное положение, однако, не отрицает того, что в каждом конкретном случае можно заострить внимание на одном из аспектов звукового строя, т.е. либо изучать физические свойства звуков, до известной степени отвлекаясь от их функции в языке, либо исследовать функции этих звуков, не вникая в детали их акустико-физиологических характеристик². В данной работе основное внимание уделяется функциональному аспекту, приобретающему в саамоведении все большее значение. В зарубежной лапонистике интерес к фонологии саамского языка возник, главным образом, в связи с составлением фонологических транскрипций для всех финно-угорских языков. Дialeкты саамского языка в аспекте фонологии оказались слабоизученными. Финляндские саамоведы издали сборник "Фонология саамских диалектов"³, который явился первым опытом создания фонологических транскрипций применительно к разным диалектам саамского языка. В этой работе нашли отражение наиболее сложные вопросы фонологии саамского языка, связанные с разграничением фонем и аллофонов, определением фонологически релевантных долгот согласных и гласных, представлением сведений о дистрибуции фонем; определением фонологического статуса палатализации⁴. Позже М. Корхонен опубликовал статью "К

¹ Ш е р б а Л.В. Очередные проблемы языковедения. - В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.5.

² З и н д е р Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960, с.10.

³ Lapin murteiden fonologiaa / E. Itkonen et al. ...

⁴ См. след. рецензии: V i i t s o Т.-R. Itkonen E., Itkonen T., Korhonen M., Sammallahti P. Lapin murteiden fonologiaa. - Сов. фин. -угроведение, 1974, 2; I t k o n e n Т. Uraliläisten kielten fonologiaa. - Vir., 1974, 4.

фонологии диалекта Колтта саамского языка"⁵, в которой, кроме того, определяются дистинктивные признаки фонем, а также анализируется структура слога. Фонологическую транскрипцию одного из кольско-саамских диалектов - кильдинского - предложили в своей работе американский лингвист Д.Е. Бьярнсон⁶. Он останавливается на двух проблемах фонологии саамского языка: определении фонологической роли палатализации и интерпретации долгот согласных и гласных. С позиции генеративной фонологии отдельные проблемы саамского языка рассматриваются в статье Р.Хармса⁷. Следует отметить недавно вышедшую работу П.Саммаллахти "Фонетика норвежско-саамского диалекта Восточное Энонтекиэ"⁸, в которой фонологический анализ диалекта производится в терминах релевантных признаков. В монографии Г.М.Керга "Саамский язык" звуки речи определяются прежде всего с позиции их смысловозначительной роли, в результате чего анализу подвергаются в основном фонемы, точнее, их типичные оттенки, аллофонам же уделяется незначительное внимание.

Фонемы и аллофоны

Центральная задача фонологии заключается в том, чтобы в данном языке (диалекте) выделить такие звуки, которые используются для различения звуковых оболочек слов и их форм, т.е. выделить фонемы, являющиеся наименьшей линейно неделимой звуковой единицей языка⁹.

Фонема - относительно абстрактная единица в том смысле, что ее нельзя полностью отождествлять ни с одной конкретной

---

⁵ K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltlappischen. - In: Symposium Phonologische Analyse der uralischen Sprachen. Berlin, 17-20. September 1974. Berlin, 1975.

⁶ B j a r n s o n D.E. A phonemic transcription of Lovozero (Kildin) Lappish. Bloomington, 1976.

⁷ H a r m s R. Problems in Lapp phonology. - In: CIFU III, Tallinn, 1975, pars 1.

⁸ S a m m a l l a h t i P. Norjansaamen Itä-Enontekiön murteen äänneoppi. Helsinki, 1977. - 281 s. - (MSFOU: 160).

⁹ З и н д е р Л.Р. Общая фонетика ..., с.35.

звуковой единицей языка. Фонема воплощается во множество оттенков, однако, как отмечает Л.В.Шерба "среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым привычным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде и собственно он один только и создается нами как речевой элемент"¹⁰. В практике выявления и описания фонем приходится иметь дело с этими типичными оттенками, являющимися реальными звуковыми единицами с присущими им физическими характеристиками. Этими характеристиками и наделяют соответствующие фонемы.

Чрезвычайно важным в учении Л.В.Шербы является необходимость четкого разграничения фонем и их конкретных проявлений — аллофонов или оттенков фонем. В принципе каждая фонема воплощается в бесчисленное множество аллофонов, но лингвистически значимыми будут лишь те, которые носят обязательный характер для всех говорящих на определенном языке или на одном из его диалектов. Так, в бабинском диалекте аллофонами /u/ будут: *iu*, *ɥ*, *ɥ̃*, *ɥ̄*, появление которых обусловлено позицией: *uk̄a* 'дверь', *n'ɥ̄š̄em* 'язык', *ɥ̄tt* 'такой', *ɥ̄d̄'n'e* 'мне'. Появление того или иного аллофона, как отмечает Л.Р.Зиндер, не следует искать только в фонетической обусловленности позиции. В противном случае состав аллофонов, появляющихся в одинаковых позициях, был бы одинаковым во всех языках¹¹. Появление же в сходных позициях различных аллофонов в разных языках объясняется языковой традицией. Лингвистическое значение аллофонов заключается еще и в том, что они являются зародышами будущих самостоятельных фонем¹².

Необходимость учета и фиксации аллофонов наряду с фонемами доказывается тем, что в слове они переплетены в единое целое и что слово воспринимается как состоящее из тех и других единиц¹³. Так, если игнорировать произношение звука

¹⁰ Шерба Л.В. Фонетика французского языка. Л., 1956, с.19.

¹¹ Зиндер Л.Р. Общая фонетика ..., с.47.

¹² Там же, с.48.

¹³ Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению. М., 1937, с.267.

[ц], являющегося аллофоном фонемы /v/ в позиции после гласных, например, в таких словах, как jačt 'озеро', hačt 'яма', čotčt 'развязать', lečtje 'петь', и произносить на его месте фонему /v/, то слова в большинстве случаев будут узнаны, однако необычный характер произношения сразу же будет замечен. Основное различие между фонемами и аллофонами состоит в том, что замена фонем дает новое или абсурдное слово, тогда как употребление одного аллофона вместо другого не дает нового слова, а лишь затрудняет его понимание и мешает речевой коммуникации.

Сильные и слабые позиции для различения фонем

Существенное значение для выявления состава фонем приобретает определение сильных и слабых позиций.

В сильных позициях происходит максимальное различение фонем, а равно и их дифференциальных признаков. Так, в саамском языке сильной позицией для разграничения палатализованных и непалатализованных согласных является положение перед всеми гласными, кроме /i/ и /i̥/, а также позиция абсолютно конца слова.

В слабых позициях или позициях нейтрализации не происходит максимального различения фонем, их дифференциальные признаки затухают либо совпадают с таковыми других фонем. В таких позициях число выявляемых фонем меньше, чем в позициях максимального различения¹⁴. Так, в кольско-саамских диалектах дальше первого слога редко встречаются лабиализованные гласные /â, u, o/, в бабинском диалекте в непервых слогах не встречается гласный /â/. Слабой позицией для носового сонанта /n/ является позиция перед смывными взрывными /k, ɣ/, где он нейтрализуется в заднеязычном сонанте /ŋ/, например, kaŋ-garŋa 'к кому', miŋ-čuiŋka 'для чего'. Н.С.Трубецкой, выдвинувший понятие нейтрализации, считал, что в этой позиции противопоставление фонем снимается и на месте нейтрализующейся фонемы выступает архифонема, понимаемая как совокупность смысловозначительных признаков, общих

---

¹⁴ Т р у б е ц к о й Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с.256.

для двух фонем¹⁵. В некоторых работах по фонетике саамского языка¹⁶ в этом понимании используется термин "архифонема". Более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения, в соответствии с которой нейтрализация не есть замена нейтрализующихся фонем архифонемой, а есть отсутствие использования противопоставления фонем в определенных позициях¹⁷. Так, если происходит нейтрализация глухого согласного /p/ в позиции соседства с сонорным согласным (tun *vielma* 'на ту сторону': tun 'tot' (ген.-акк.ед.ч. от *tūt* 'tot') и *riella* (дат.-илл.ед.ч. от *riēli* 'половина'), то на его месте мы имеем конкретный звонкий согласный /b/, который является таким же самостоятельным согласным, как и его глухой коррелят. В сознании говорящих нейтрализующаяся фонема может быть легко восстановлена при отчетливом и замедленном произношении. Явление утраты дифференциального признака — факт речи, а не языка, однако, это не отрицает возможности того, что речевые проявления могут существенно влиять на языковые.

Дистрибуция фонем и аллофонов

В каждом языке существуют свои запреты на появление того или иного звука в конкретной позиции, поэтому при описании языка или диалекта большое значение имеет определение дистрибуции фонем и аллофонов, что связано с определением позиций и окружений, в которых звуковые единицы могут либо не могут встречаться. Так, например, фонема /a/ исследуемого диалекта обладает максимально широкой дистрибуцией: она возможна в начале, середине, конце слова, после твердых и мягких, перед твердыми и мягкими согласными. В свою очередь, гласный среднего ряда /i/ ограничен в своей дистрибуции: он не может следовать после палатализованных согласных.

Немаловажное лингвистическое значение имеет определение дистрибуций сочетаний фонем, которые подчинены в языке

¹⁵ Трубенкой Н.С. Основы фонологии..., с.37.

¹⁶ См., например, Sammalanti P. *Norjansammen Itä-Enontekiön murteen äänneoppi...*

¹⁷ Зиндер Л.Р. Общая фонетика..., с.58.

своими особыми правилами. При определении дистрибуций сочетаний фонем "необходимо, во-первых, установить, какие фонемы вообще сочетаются между собой в данной позиции, а какие исключают друг друга, во-вторых, необходимо установить, в какой последовательности эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции, и, в-третьих, должно быть указано число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в данной позиции"¹⁸.

Типы дистрибуций характеризуют также и аллофоны, которые находятся между собой в отношениях дополнительной или комплементарной дистрибуции. Дополнительная дистрибуция связывает два (или более) таких элемента, один из которых встречается в таком окружении, где не встречается другой, и наоборот¹⁹. Не встречаясь в одной и той же позиции, аллофоны не могут быть противопоставлены друг другу в качестве различителей разных языковых знаков.

При описании языка важное значение имеет тип дистрибуции, называемый свободным варьированием. В этом случае определенные фонемы могут замещать друг друга без какого-либо искажения смысла слова или его формы. В бабинском диалекте в отношениях свободного варьирования находятся следующие согласные и гласные фонемы: /k/ ~ /t/: *kassa* ~ *tassa* 'летом', *kořt* ~ *tořt* 'он летит', *kolmín* ~ *tolmín* 'с колокольчиком'; /b/ ~ /v/: *heabaš* ~ *heavaš* 'лошадь', *šejb* ~ *šejv* 'хвост'; /u/ ~ /j/: *vułkiš* ~ *viłkiš* 'они пошли', *ũdas* ~ *jũdas* 'вперед', *luin* ~ *viin* 'около'; /ε/ ~ /j, i/: *gak* ~ *gjak* 'надо', *seřviš* ~ *siřviš* 'гирvas', *pašse* ~ *pašēi* 'подметать (пол)', *ieijiš* ~ *iiijiš* 'они были'; /oa/ ~ /ua/: *joašie* ~ *juašie* 'разговаривать', *koagam* ~ *kuagam* 'я шью', *šoaas* ~ *šuaas* 'березовый трухлявый пенёк', *roaz* ~ *ruaz* 'олень'. Явление свободного варьирования фонем свидетельствует об определенных сдвигах в звуковой структуре диалекта. Так, чередования /ε/ ~ /j, i/, /oa/ ~ /ua/ отражают тенденцию гласных первого и второго

¹⁸ Трубецкой Н.С. Основы фонологии..., с.282.

¹⁹ Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974, с.167.

словов к сужению, что имеет место во многих языках мира²⁰.

Методы выявления и описания единиц звукового строя

Единицы звукового строя исследуемого диалекта определяются методом подбора минимальных пар или квазимонимов, которые наиболее наглядно демонстрируют существование тех или иных единиц, например, /u/ и /j/: rǫlv 'колени' - rjǫlv 'облако', /n/ и /ɲ/: jinn 'голос' - jɲɲ 'лед', /n/ и /ɲ/: kolla 'он слышит' - kofɲ 'золото' и т.д. Л.В.Щерба, однако, предупреждал, что квазимонимов случайно может и не оказаться в языке, и тогда "... достаточно противоположения двух звуков в сходных фонетических условиях для того, чтобы они играли роль отдельных фонем"²¹. Для того, чтобы отграничить, например, палатализованные согласные от непалатализованных, достаточно их различения в сильных позициях: перед любыми гласными, кроме /i, j/, либо в аусляутной позиции: puolam 'я разгружаю' - pjuollam 'стрела', nuur 'молодой' - nujeit 'веревка'.

Подбор минимальных пар или словоформ, в которых разные фонемы оказываются в сходных фонетических позициях, есть не что иное, как экспериментирование в широком смысле этого слова. Лингвист не является пассивным наблюдателем, а ставит объект исследования в необходимые для него условия. Как известно, эксперимент в фонетике осуществляется двумя методами: на слух и с помощью специальной аппаратуры. Первый из них назван Л.В.Щербой субъективным. В данном исследовании фонемный и аллофонный состав определяется посредством субъективно-слухового метода. Состав аллофонов кольско-саамских диалектов в значительной мере зафиксирован в словаре Т.И.Итконена²², по аналогии с которыми выявляются наиболее типичные и тем самым лингвистически значимые аллофоны бабинского диалекта. Считая субъективно-слуховой метод основным, мы тем не менее старались расширить его, насколько это возможно, и

²⁰ Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с.66-70.

²¹ Щерба Л.В. Фонетика французского языка..., с.56.

²² I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapin sara- kirja...

вторгнуться в область, отводимую объективному методу²³. Так, например, долгота первого компонента сочетаний согласных во многих случаях не сразу стала осознаваться бабинскими саами, так как их функциональная роль оставалась как бы в тени других средств противопоставления слов и их форм. В чередованиях типа $\bar{x}u \sim xz$ осознавались прежде всего чередования второго компонента сочетаний по глухости-звонкости, например, $si\bar{j}t$ 'погост' - $si\bar{j}d$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.); чередования же первого компонента сочетаний по количеству оставались за порогом сознания. Лишь после того, как были приведены примеры типа $\bar{n}a\bar{i}m$ 'рот' - $\bar{n}a\bar{i}m$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $p\bar{i}\bar{r}t$ 'дом' - $p\bar{i}\bar{r}t$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) и др., где чередования первых компонентов сочетаний согласных по количеству играют основную роль в различении форм слова, количественные чередования согласных стали осознаваться также и в тех случаях, где наряду с ними вторые компоненты сочетаний чередуются по глухости-звонкости. Тем самым то, что находилось за порогом сознания говорящих, стало достоянием их сознательного отношения к языковым фактам.

В отдельных случаях, особенно при выявлении главных способов образования грамматических категорий, в процессе работы использовался метод обучения информанта письму на основе русской графики. В подобных случаях точность записи значительно страдает, но тем не менее нам удалось выявить ведущие, находящиеся в сфере сознания говорящих, способы образования наиболее сложных грамматических категорий.

С методом выявления состава фонем и аллофонов тесно связан вопрос о стилях произношения. Еще Л.В.Шерба указывал на необходимость различения в языке полного и разговорного стиля²⁴. При полном стиле слово произносится ясно и отчетливо, в

---

²³ Ш е р б а Л.В. Субъективный и объективный метод в фонетике. - В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.138.

²⁴ Ш е р б а Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова. - Там же,

"идеальном фонетическом составе" при разговорном возникает так называемые аллегрвные формы²⁵, в которых гласные непрерывных слогов, а в определенных позициях и гласные первых слогов произносятся кратко, отдельные слова теряют второй слог, становясь односложными и т.д. Варианты полных и аллегрвных форм хорошо видны в следующих живых формах бабинского диалекта: tobjn ~ tobjn ~ tobn ~ tob 'там', māsat ~ māsãt ~ māst ~ mā̃s 'обратно'. В синхронном плане аллегрвные формы саамского языка представляют собой уже самостоятельные единицы, поскольку относятся и к нормальному темпу речи, подчиняются фонетическим и морфологическим законам языка. Отдельные аллегрвные формы могут существенным образом влиять на изменение, в частности, морфологической структуры диалекта. Так, например, употребление аллегрвных форм типа jeŋŋip' 'мы живем', čurŋit' 'они живут' вместо полных jeŋŋer, čurət', в которых гласные второго слога /e/, /a/ оформляют основы презенса в противовес основам имперфекта на /i/, вызывает совпадение основ презенса и имперфекта изъявительного наклонения глаголов. Конечно, причины совпадения основ кроются не только в сфере разговорной речи. Этого не происходило бы, если лично-числовые окончания презенса совпадали с соответствующими окончаниями имперфекта, как, например, в финском языке. При отчетливом произношении основы презенса и имперфекта пока еще различаются, но не исключено, что под влиянием аллегрвных форм это различие будет размываться.

При выявлении фонемного инвентаря диалекта мы опираемся на морфологическую структуру и систему морфологических и морфологических чередований. Фонологический анализ не предшествует морфологическому и не оторван от него, а производится в связи с ним. К. Па́йк отмечает, что фонемы могут анализироваться лишь в соответствии с грамматическими фактами²⁶. Пред-

²⁵ Lapin murteiden fonologiaa/ E. Itkonen et al., s. 37-40; Saamallahi P. Norjansaamen Itš-Erontekiön murteen kirjallisuus, s. 100.

²⁶ Pike K.L. Grammatical prerequisites to phonemic analysis. - Word, 1947, vol. 3, 3, p. 156; Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 286.

ставляется, что подобный анализ звуковой структуры диалекта является надежным и в достаточной степени экономным, ибо в противном случае можно получить разные единицы для разных уровней диалекта.

Фонемный инвентарь бабинского диалекта

Фонемный инвентарь бабинского диалекта саамского языка состоит из 54 согласных и гласных фонем: /p, p̄, b, b̄, t, t̄, f, d, d̄, k, k̄, g, ḡ, f, f̄, v, v̄, u, s, s̄, z, z̄, ʃ, ʃ̄, x, h, h̄, c, c̄, ʒ, ʒ̄, ʂ, ʂ̄, m, m̄, n, n̄, ŋ, ŋ̄, l, l̄, r, r̄, i, ε, a, ā, u, o, ɔ, ä/.

Если дифтонги и трифтонги считать однофонемными образованиями, которых насчитывается 27 /ua, oa, uā, ea, uo, ue, au, ou, iu, au, iu, uɔ, ie, iε, ia, ai, aī, aī, ui, ei, iɛ, oi, ii, uai, uɛi, uoi, uei/, то фонемный инвентарь исследуемого диалекта будет составлять 81 единицу.

Все звуки саамского языка делят на гласные и согласные. С физиологической точки зрения гласные определяются как звуки, образуемые воздушной струей, которая может проходить через рот свободно, без всякой задержки; при образовании согласных выход может быть временно задержан или же направлен сквозь значительно суженный проход, о стенки которого происходит трение воздуха. Критерием различения гласных и согласных звуков является также способность их участвовать в слогообразовании. В саамском языке слог образуют только гласные.

Состав гласных фонем и их основных аллофонов

Г л а с н ы е   ф о н е м ы   п е р в о г о   с л о г а,
и х   о с н о в н ы е   а л л о ф о н ы

Практика выявления фонемного состава гласных показывает, что целесообразно сначала провести анализ гласных первого, а затем — непервых слогов. Объясняется это тем, что в первом слого выделяется полный инвентарь гласных фонем, тогда как в непервых — гласные представлены беднее.

В первом слого слова выявляются все восемь гласных фонем /i, ε, a, ā, u, o, ɔ, ä/.

Артикуляционно гласные различаются по ряду, подъему и

положению губ. По признаку ряда гласные делятся на гласные переднего /i, ε, ə/, среднего /i̇, а/ и заднего /u, o, ɑ/ ряда. По признаку подъема различают гласные верхнего /i, u, i̇/, среднего /ε, o/ и нижнего /a, ə, ɑ/ подъема. По признаку огубленности-неогубленности коррелируют, с одной стороны, /u, o, ɑ/, с другой - /i, ε, i̇, а, ə/.

Описание гласных может основываться на одном из трех названных признаков. По сложившейся традиции за основу описания берется признак ряда, и, таким образом, анализируются сначала гласные переднего, затем среднего и заднего ряда.

Гласные фонемы переднего ряда, их основные аллофоны

/i/ : [i] - гласный переднего ряда высокого подъема неогубленный. Идентичен гласному i в словах с переднерядной огласовкой в финском и карельском языках: ikk 'год', ij 'нет', silm 'глаз', tizzin 'я тянул', iigtalam 'я трогаю'.

[i̇] - звук, который произносится с несколько отодвинутым назад языком по сравнению с произношением [i]. Появляется перед или после твердых согласных: i̇st '(он) сидит', viigam 'я унесу', siäbr 'серебро', ti̇st лок.ед.ч. от tij 'вы'.

[i̇̄] - назализованный гласный, появляющийся между носовыми согласными: ni̇̄mme 'сосать', ni̇̄q̄q̄ias 'самка', ni̇̄l̄s 'вымя', ni̇̄mi 'ничто'.

/ε/ : [ε] - гласный переднего ряда более низкого подъема, чем [i]. По произношению близок к русскому "э" в начале слова: shk 'ночь', seiv 'лось', ralam 'я обожь', kempar'p'e'vni шумите'.

[ε̄] - закрытый оттенок гласного [ε], появляется в позиции после палатализованных согласных: kehr 'иглица', neil 'игла', iε̄afjam 'я пов', reklišam 'я полощу'.

[ε̄̄] - сильно продвинутый вперед закрытый оттенок гласного [ε], выявляется между палатализованными согласными: šerš 'щипцы' (ном.ед.ч.), meit 'с. вместе', rep'a 'пня', šelše 'желеть'.

[ε̄̄̄] - назализованный гласный, обусловленный позицией между носовыми согласными: mlam 'я пойду', mē'n' 'яйцо', nētam 'я называю'.

/ə/ : [ə] - гласный переднего ряда нижнего подъема. По

произношению сближается с переднерядным ä прибалтийско-финских языков. В словаре Т.И.Итконена этот звук обозначен ä. Он отсутствует в кильдинском диалекте²⁷, но типичен для диалектов Колтта²⁸ и Инари²⁹: a^hk 'женщина, старуха', za^hm 'сеть', t^hä^hest^h 'здесь', va^hp^hsim 'я шел', sa^hgata^hlim 'я помещивал'.

[ä] - сильно продвинутый вперед гласный. Появляется между палатализованными согласными. Употребление данного знака чисто условно и не имеет ничего общего с гласным ä прибалтийско-финских языков. По артикуляции [ä] саамского языка значительно больше продвинут вперед, чем /ä/ прибалтийско-финских языков: pä^hm 'рот', sä^his 'вода', pä^hkim 'я мездрил', pä^hfjata 'без веретена'. Этот звук считается аллофоном фонемы /ä/, а не /a/, поскольку звуки [ä, a] фонетически близки³⁰.

[ä̃] - назализованный оттенок, появляющийся между носовыми согласными: p^hä^hl^ht^hem 'такой', pä^hŋŋ 'кожа'.

Гласные фонемы среднего ряда, их основные аллофоны

/a/ : [a] - гласный среднего ряда нижнего подъема неогубленный, произносится как соответствующий гласный прибалтийско-финских языков: a^hxä 'топор', la^hhr 'тоня', ja^hmatam 'я живу', ja^hnnamg^hzist 'у родителей'.

[ä] - назализованный гласный, выявляющийся между носовыми согласными: mä^hŋda 'затем', mä^hŋŋ 'невестка', mä^hntälä 'заманить'.

²⁷ Кер т Г.М. Саамский язык...с.66-67; В j a r n s o n D.E. A phonemic transcription of Lovozero (Kildin) Lappish... р.14; I t k o n e n Т о i v o. Venajänlapin konsonanttien astevaihtelu..., с.7.

²⁸ K o r h o n e n M., M o s n i k o f f J., S a m m a l l a h t i P. Koltansaamen opas..., с.13; K o r h o n e n M. Ehdotus Koltanlapin Suonikylän (nyk. Sevettijärven) murteen fonemaattiseksi transkriptioksi. - IMF, 1971, с.74.

²⁹ I t k o n e n E. Ehdotus inarinlapin fonemaattiseksi transkriptioksi. - IMF, 1971, с. 43.

³⁰ Ibid., с.44.

/ɨ/ : [ɨ] - гласный среднего ряда верхнего подъема не-
лабиализованный. Произносится несколько оттянутыми назад
губами, как и при произношении "ы" русского языка. Не высту-
пает после мягких согласных: ɨt 'рядом', ɨlv 'облако',
ɨstim 'ложка', kɨlmɨlmɨs 'самый холодный'.

[ɨ̃] - назализованный согласный: ɨ̃nnim 'я ушел', ɨ̃nna
'чего-то'.

Гласные фонемы заднего ряда, их основные аллофоны

/u/ : [u] - гласный заднего ряда, слегка продвинутый
вперед не максимально высокого подъема огубленный. Идентичен
гласному /u/ финского языка: ucc 'маленький', maigi 'ягод',
kuttalsim 'я пробовал бы'.

[u̟] - продвинутый вперед гласный, выступает после и между
палатализованными согласными. В последнем случае продви-
тость вперед больше, чем в первом: ɨ̟x̟ 'лебедь', ɨ̟x̟em
'язык', ɨ̟t 'сто'.

[u̠] - отодвинутый назад [u]. При артикуляции губы находят-
ся в нейтральном положении, язык оттянут назад. По слухово-
му восприятию напоминает гласный [ɨ], встречается редко:
ɨt't 'такой', ɨkkiä 'щука', ɨttiä 'они ставили невод'.

[ū] - назализованный гласный, встречается между носовыми
согласными: ɨ̃n'n'e 'мне', ɨ̃mb 'другой', ɨ̃mb 'мороз'.

/o/ : [o] - гласный заднего ряда среднего подъема огуб-
ленный, образуется слабой губной артикуляцией: kofe 'коль-
цо', otc 'он бежит', kossim 'я косил', ontvet'te 'вы дае-
те'.

[õ] - назализованный вариант, появляющийся между носовыми
согласными: ɨ̃nn 'я'.

/ä/ : [ä] - гласный заднего ряда более низкого подъе-
ма, чем [o], огубленный. Артикулируется как звук средний меж-
ду [a] и [o], при произношении которого рот открыт больше,
чем при произношении [a] и [o]: ävv 'маленький', äññ 'сей-
час', jäd'ät 'они идут', jähtmaššata 'без голубики'.

Фонологический статус гласных первого слога наглядно
доказывается существованием в языке минимальных пар или про-
тивопоставлением фонем в сходных позициях.

/i/ : /ɨ/: ɨt 'полка для посуды' - ɨt 'рядом', ɨl

'ум' - mi^uл 'мыло', iⁱi 'Илья' - i^uл 'крутой';

/i/ : /ε/: ki^uс 'ноготь' - ke^uс 'кэнс' (саамское блюдо), ki^uskim 'я тонул' - ke^uскам 'я тону', mi^unim 'я ушел' - mi^unam 'я ухожу';

/a/ : /i/: la^ust 'щепка' - li^ust 'лист', ka^usk 'грызи' - ki^uck 'тонк';

/u/ : /i/: pi^ulv 'колено' - pi^ulv 'облако', mi^un^un^ua 'мне, в меня' - mi^un^un^ua 'что-либо';

/a/ : /ε/: va^ujj 'он кроит' - va^uj 'крои', ka^umas 'каньги' (вид обуви) - ke^ume^u 'место токования глухарей';

/ε/ : /u/: ke^uim 'замерзни' - ki^uim 'бровь', me^un^un^u 'яйцо' - mi^uni^u 'мороз', se^uim 'глаз' - si^uim 'пролив';

/o/ : /u/: jo^unn 'большой' - ju^uni^u 'уже', ko^uram 'я связываю' - ki^uram 'я курю', ko^uck 'сухой' - ki^uck 'порог';

/ε/ : /u/: ta^uiv 'зима' - tu^uiv 'половодье', sa^uks 'грязный' - si^uks 'червь', va^urrⁱ парт. от va^urr^g 'гора' - vu^urrⁱ 'дурак', ke^ulam 'я брежу' - ki^ulam 'я слышу';

/o/ : /ε/: lo^uhk 'замок' - la^uhk 'потолок', ko^uss 'коса' - ka^uss 'кошка', ko^uvas 'кувакса' (получалаш) - ka^uvas 'икона';

/a/ : /ε/: pa^uss 'сердитый' - pa^uss '(он) дует', pa^uj^uni^u 'красить (пол)' - pa^uj^uni^u 'скручивать (нитку)', ka^uss 'ушная сера' - ka^uss 'коса' (девичья);

/a/ : /ε/: a^uni^usk 'Аня' - a^uni^u 'теперь', ka^uv^u 'изгиб' - ka^uv^u 'молодая жена', sa^uv^u 'глина' - sa^uv^u 'шов';

/a/ : /a/: sa^uj^um 'сеть' - sa^ujj 'место', pa^uj 'все' - pa^ujj 'ива', t^ua^uhk 'комелек' - ta^uhk 'точильный камень'.

Фонологический статус гласных фонем доказывается, кроме того, морфологическими и морфонологическими чередованиями, в которые они вступают. Более подробно эти чередования будут рассматриваться в соответствующем разделе, здесь же приведем некоторые из них:

/a/ ~ /ε/: ra^ujka дат.-илл.ед.ч. - re^ujk 'дыра'; je^ulam 'я живу' - je^uller 'мы живем';

/a/ ~ /i/: pe^ujam 'я кладу' - pi^ujjim 'я положил', i^uam 'я есть' - i^ujjim 'я был';

/ε/ ~ /i/: ke^ujam 'я спрашиваю' - ki^uhssim 'я спросил';

рѣлам 'я боюсь' - рѣлѣм 'я боялся';

/o/ ~ /ä/: kozzam 'я кашляю' - kass 'он кашляет',
рōлдам 'я сжигаю' - рāлт 'он сжигает';

/a/ ~ /ä/: ahkka дат.-илл.ед.ч. от айк 'старуха',
vānзам 'я иду' - vāп'сѣм 'я шел';

/o/ ~ /u/: hōrgam 'я свищу' - hūrkim 'я свистел', роhe
'он болсет' - рhссѣм 'я болел',

Гласные фонемы первого слога можно представить в виде таблицы.

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	i	ı	u
Средний	ε		o
Нижний	a	a	ä

К в а н т и т а т и в н ы е ч е р е д о в а н и я г л а с н ы х п е р в о г о с л о г а

Анализируя количественную структуру гласных первого слога, необходимо различать одно- и двусложные слова. Краткость-долгота гласных первого слога в двусложных словах не полностью самостоятельна, а связана с сильной или слабой степенью согласных или сочетаний согласных на границе первого и второго слога, например, kēlam 'я бреду', но kaifer 'мы бредем', jūgam 'я пью', но jūkker 'мы пьем'. В большинстве односложных слов количественная структура гласных первого слога также связана с сильной или слабой степенью согласных или сочетаний согласных jinn 'голос' - jinta (аб.ед.ч.), šoit 'горло' - šōnd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), однако имеется ряд односложных слов, в которых краткость-долгота гласных не зависит от последующих согласных и даже служит единственным средством различения форм слова: řess 'ружье' - řēss 'ружья', vūss 'кожаный мешок' - vūss 'мешки', koss 'коса' - kōss 'косы'. Краткость-долгота гласных в односложных словах является фонологически релевантной. Установив этот факт для односложных слов, мы имеем полное право распространить его и на гласные первого слога дву- и многосложных слов, хотя в последних

квантитет гласных не настолько самостоятелен, как в первых. И нет необходимости, как об этом пишет Э.Итконен³¹, искать и объяснять условия появления долгих и кратких гласных в первом слове многосложных слов. Приведем примеры на противопоставление кратких и долгих гласных в первом слове слова:

а - ā: vaīī 'гора' - vāīīst (лок.ед.ч.), kała 'лоб' - kālata (аб.ед.ч.), saīn 'он рассказывает' - sānnam 'я рассказываю', vaal 'он летит' - vāli 'он лил';

о - ō: roīī 'крошка' - roīi (ген.-акк.мн.ч.), koīm 'бровь' - kōīm (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), hoīke 'свисеть' - hōigam 'я свисну', korr 'он связывает' - kōgam 'я связываю';

и - ī: siīm 'палец' - sīrmta (аб.ед.ч.), murr 'дерево' - murīāt (лок.ед.ч.), kurr 'он курит' - kūgam 'я курю', juīkkim 'я пил' - juīim 'мы пили';

ā - ā: laīk 'потолок' - laī (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), šāv 'глина' - šāvta (аб.ед.ч.), jaht 'он идет' - jadam 'я иду';

э - ē: saīm 'сеть' - sāimi (ген.-акк.ед.ч., ном.мн.ч.), n'āit 'веретено' - n'āit (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), vaīti 'они взяли' - vāidi 'он взял', vaīse 'идти' - vāizam 'я иду';

и - ī: viīc 'баран' - vīrcta (аб.ед.ч.), siīt 'погост' - sījdiat (лок.ед.ч.), ittīm 'я показался' - īdim 'мы показались', sirrim 'я играл' - sīrim 'мы играли';

і - ī: kiīc 'ноготь' - kīnzi (ген.-акк.мн.ч.), kiīr 'кора' - kīrta (аб.ед.ч.), kiīcīm 'я хлебал' - kīnziim 'мы хлебали', kiīcīm 'я спросил' - kīziim 'мы спросили';

э - ē: saīr 'черника' - sāri (ген.-акк.мн.ч.), sīk 'сын' - sīgīat (лок.ед.ч.), vājam 'я крою' - vaījim 'я крою', raītaīim 'я пугал' - raīteliim 'мы пугали';

Таким образом, в бабинском диалекте в первом слове слова по признаку краткости-долготы чередуются все 8 кратких и долгих гласных: а - ā, о - ō, и - ī, э - ē, ā - ā, і - ī, і - ī, э - ē.

³¹

I t k o n e n E. Ehdotus inarinlapin..., s. 50.

Гласные фонемы непервых слогов, их основные аллофоны

Как отмечалось ранее, фонемный инвентарь гласных непервых слогов беднее, чем первого слога. Из 8 гласных фонем во втором и последующих слогах не встречается /ä/. Гласные /o, u/ ограничены в своей дистрибуции: в подавляющем большинстве случаев они выступают в составе словоизменительных или словообразовательных суффиксов, которые исторически произошли от самостоятельных слов. Это объясняется тем, что в финно-угорском языке-основе в непервых слогах отсутствовали лабиальные гласные³². В период прибалтийско-финско-саамской языковой общности появляется один лабиальный гласный, предположительно /o/³³, который обнаруживается во втором слоге производных слов, таких как *моком* 'такой', *vuого* 'раз'.

В современном состоянии бабинского диалекта гласные /o, u/ представлены в непервых слогах в следующих словоизменительных и словообразовательных суффиксах:

-*guim* - окончание комитатива множественного числа:
rohseguim 'на оленях', *pinnguim* 'с собаками', *nuottiguim* 'неводами';

-*muu* - признак суперлатива: *roarvamu* 'самый старший', *Joppamu* 'наибольший', *kiŗezamu* 'самый твердый';

-*vuht* - деноминальный суффикс, образующий названия свойств, качеств: *roarŗevuht* 'старость', *moŗŗatvuht* 'красота', *ŗurŗvuht* 'величие';

-*muŗ*, -*uŗ* - deverбальный суффикс, образующий названия действий: *poŗŗmuŗ* 'колдовство', *ŗelmuŗ* 'жизнь', *vuostmuŗ* 'ответ', *ŗanŗelmuŗ* 'охота';

-*ovva* - транслативный суффикс: *kiŗŗovva* 'замерзнуть', *ŗuŗŗovva* 'вспотеть', *ŗuŗŗovva* 'устать';

-*ŗŗkŗette* - инкогнитивный суффикс: *ŗuŗŗŗŗkŗette* 'начать пить', *ŗelŗŗŗŗkŗette* 'запеть', *ŗuŗŗŗŗkŗette* 'заплакать'.

Следует отметить, что в современном состоянии исследуемого диалекта в непервых слогах гласный /u/ обладает большей

³² K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan..., s.98.

³³ Ibid., s. 98.

частотностью употребления, чем /o/, который выступает в нескольких словах второго слога и в составе транслативного (-ovva) и инхотивного (-šküht - 3 л.ед.ч.презент) суффиксов, присоединяющихся ко второму и далее слогу.

/i/: [i]: idäint 'утро', eñiä 'они носили', pialiččim 'я постирал', lehtjışküittim 'я запел', suajnkasaimballist 'во время сенокоса';

[i]: vičkkiä 'сильный', kitkim 'колнбел', pol'n-lädim 'мы повернули', jannamgējist 'у родителей';

/ε/: [ε]: čuhpe 'рубить', avvaster 'приоткрыть', mainstışküättar 'мы будем рассказывать';

[ε]: kučter 'мы слушаем', sugstar'pe 'вы гребете', waitetvet'te 'вы женитесь';

/a/: [a]: jān'amp 'больше', čēikat' '(они) говорят', čoitēdat' '(они) показывают', ruadiškuađat' '(они) придут';

/a/: [a]: sāmla 'саамы', vuolas 'вниз', hičikasta 'медленно', sihpjışkuadam 'я стану бросать';

/i/: [i]: kārglinč 'карел', ärtmanija 'Артамон', čarvivijim 'пещинами';

/u/: [u]: jelmuš 'жизнь', čuvvmuš 'самый светлый', čipralvuht 'глубина', joaleškuađam 'я стану разговаривать';

/o/: [o]: mokom 'такой', vuoro 'раз', viggtovva 'утать', koškedjışküht 'он висушится'.

Отметим, что в бабинском диалекте имена в своей начальной форме не могут оканчиваться на гласный. В двусложных словах конечные гласные отпали, в результате чего значительная группа двусложных имен перешла в группу односложных, например, jađg 'озеро', küht 'вежа', piđt 'дом', nurr 'молодой' и др. (сравни, фин. järvi, kota, pirtti, nuori). Выступающие в аусляте гласные а, ε, i являются грамматическими суффиксами, например, jađga 'в озеро', kōimi 'бровей', hōjke 'свистеть'. На гласные /o, u/ дву- и более сложные слова оканчиваться не могут.

К в а н т и т а т и в н ы е ч е р е д о в а н и я
г л а с н ы х н е п е р в ы х с л о г о в

В непервом слоге слова по признаку краткости-долготы

коррелируют лишь гласные /i/, /ε/, причем они могут чередоваться только во втором слоге. Далее второго слога все гласные краткие. При этом необходимо отметить, что краткость-долгота гласного /i/ независима от того, какая ступень согласного следует за ней. Краткость-долгота гласного /ε/, напротив, связана с сильной или слабой ступенью последующих согласных. Чередование i - Ī наблюдается во втором слоге двусложных слов и входит в разряд морфологических чередований, тогда как чередование ε - ē происходит во втором слоге трех-, четырехсложных слов и рассматривается в качестве морфологического чередования.

i - Ī: tahkdīm 'я стучал' - tahkdĭm 'мы стучали',
kirknīm 'я успел' - kirknĭm 'мы успели', toĭkjīm 'я замесил (тесто)' - toĭkjĭm 'мы замесили (тесто)';

ε - ē: kuttēlīm 'я пробовал' - kuttēlĭm 'мы пробовали',
moĭstēlĭm 'я упомянул' - moĭstēlĭm 'мы упомянули',
vuārštattīm 'я учился' - vuārštēdĭm 'мы учились'.

Дифтонги и трифтонги

В саамском языке слогообразующими элементами, наряду с монофтонгами, являются также дифтонги и трифтонги. Акустически они отличаются от монофтонгов тем, что в их составе имеются два или три гласных, составляющих известное единство. Это единство, как отмечает Л.Р. Зиндер, может быть определено чисто фонетически как "слитность" произношения и фонематически как неразделимость на две или три фонемы³⁴. Слитность произношения заключается в том, что дифтонги или трифтонги произносятся со скользящей артикуляцией, т.е. путем постепенного изменения уклада органов речи, без разрыва между двумя или тремя гласными элементами.

Фонологическая трактовка дифтонгов и трифтонгов должна производиться для каждого языка конкретно, с учетом его слоговой и грамматической структуры. Н.С. Трубецкой, рассматривая вопрос о монофонематичности любого сочетания звуков, предлагает учитывать критерий слоговой членности³⁵, исходя из

³⁴ Зиндер Л.Р. Общая фонетика..., с.215.

³⁵ Трубецкой Н.С. Основы фонологии..., с.62.

которого дифтонги и трифтонги саамского языка следует считать монофонемными образованиями, так как они всегда входят в состав одного слога и слоговая граница никогда не проходит между компонентами дифтонга и трифтонга, например, *tui-jam* 'я делаю', *gusi-ka* 'для'. При фонематической интерпретации дифтонгов и трифтонгов необходимо также учитывать критерий морфологической членимости, в соответствии с которым дифтонг или трифтонг считается однофонемным образованием, если он входит в состав одной морфемы, и бифонемным или трифонемным, если морфологическая граница проходит между компонентами дифтонга или трифтонга³⁶. В исследуемом диалекте дифтонги и трифтонги полностью отвечают первому требованию и никогда не распределяются по разным морфемам. Кроме того, как отмечает Л.Р.Зяндер³⁷, для решения вопроса о моно-или бифонематичности дифтонгов необходимо рассмотреть их с точки зрения существующих в данном языке чередований³⁸. В сабинском диалекте в парадигме слова дифтонги чередуются с дифтонгами и монофтонгами, трифтонги чередуются с трифтонгами, и, таким образом, они ведут себя как единые образования: *ruadam* 'я приду' - *ruõht* 'он придет', *vianav* 'лодка' - *vinsist* (лок.ед.ч.), *vuaivnam* 'я вижу' - *vuiivnim* 'я видел'. Добавим, что дифтонги фонетически (не фонематически) противопоставляются по краткости-некраткости в тех же позициях, что и краткие-долгие монофтонги, например, *šuarvam* 'я кричу' - *šõõrv* 'он кричит' (сравни: *mõnam* 'я ухому' - *mapp* 'он уходит'). Этот факт еще раз подтверждает целесообразность монофонемной интерпретации дифтонгов и трифтонгов.

От дифтонгов (трифтонгов) следует отличать сочетания "гласный (дифтонг) + согласный /j/". Г.М.Керт в своей работе с помощью инструментальных исследований доказывает существование сочетаний "гласный + /j/" в тех словах, где /j/,

³⁶ T r n k a В. A phonological analysis of present-day Standard-English. Prague, 1935.

³⁷ З я н д е р Л.Р. Общая фонетика ..., с.221.

³⁸ Данный критерий вполне приемлем и для трифтонгов.

являясь компонентом сочетаний согласных, вступает в парадигме слова в количественные чередования, например, *kaɣm* 'тезка' - *kaɣm̄* (ном.мн.ч.)³⁹. Подобные сочетания широко распространены также в бабинском диалекте, например, *puɣt* 'оленный жир' - *puɣd* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), *sũɣn* 'сено' - *sũɣnist* (лок.ед.ч.). В этих случаях сочетания "гласный + /j/" входят в состав одной морфемы. Однако во многих других случаях разграничение дифтонгов (трифтонгов) и сочетаний "гласный (дифтонг) + /j/" осуществляется на основании принципа слоговой или морфологической членности. В форме *ɕuaɣtam* 'я показываюсь' можно было бы выделить трифтонг /uaɣj/, так как фонетически в очень закрытом [ɣ] воплощаются две фонемы, а именно /i/ и /j/. Однако такая трактовка была бы неверной, поскольку в других формах этого глагола слогораздел проходит между дифтонгом /ua/ и согласным /j/, например, *ɕua-jat* 'он показывается'. В словах типа *tuffaj* 'он держит', *ieɣta* 'он поет', *suaɣɣaj* 'он сватает', сочетания *aj* можно было бы, на первый взгляд, считать дифтонгами /aj/, так как в конце слова согласный /j/ произносится как краткий закрытый [ɣ]. Однако с позиции морфологической членности слова такое решение было бы неверным по той причине, что /j/ в данном случае является суффиксом моментативности⁴⁰ (сравни: *tuffjam* 'я держу', *ieɣɣjam* 'я пою', *suaɣɣjam* 'я сватаю').

Кроме этого, дифтонги следует отличать от дифтонгоидов. В саамском языке некоторые монофтонги, следуя после палатализованных согласных, получают *i*-образное начало и, таким образом, трактуются в качестве дифтонгоидов. В слове *ri'eiff* 'ухо' сверхкраткий *i* вызван мягким согласным /r̄/, с позиции фонологии саамского языка перед нами дифтонгоид ⁱe, а не дифтонг /ie/, так как в противном случае мы получим слово *ri'eiff* 'половина'. Часто бывает не легко решить вопрос о том, истинный это дифтонг или дифтонгоид. Единственным

³⁹ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.69-70.

⁴⁰ К е р т Г.М. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова. - *Fenno-Ugristica*, 1975, вып.344, I, с.164.

критерием отличия дифтонгов от дифтонгоидов в этом случае является то, что дифтонг представляет собой соединение гласных полного образования, дифтонгоид же состоит из одного гласного полного образования, которому сопутствует сверхкраткий гласный, вызванный в саамском языке палатализованным согласным.

Следует отметить, что бабинский диалект является дифтонгонасыщенным. Если, например, в кильдинском диалекте отмечаются 8 дифтонгов и 1 тридифтонг, то в последующем диалекте имеются 23 дифтонга и 4 тридифтонга.

В зависимости от того, конечный или начальный компонент дифтонга играет роль слогообразующего, все дифтонги подразделяют соответственно на восходящие и нисходящие. В бабинском диалекте восходящими дифтонгами являются: /ua, oa, ũa, ea, uo, ue, ie, je, ia/ . Среди нисходящих дифтонгов выделяются i-овые /ai, ai, ai, ui, ei, ij, ij, oi/ и u-овые (au, ou, iu, eu, ju, uũ/.

В о с х о д я щ и е д и ф т о н г и

/ua/: kuaram 'я шью' (сравни: kūgam 'я курю'), jualam 'я разговариваю', vūāřev 'белка', vūālk 'плечо'.

/oa/: soajam 'я затачиваю', koamat 'третий, vōjǰj 'ручей', gōāht 'он дергает'.

Дифтонги /ua/ и /oa/ во многих словах находятся в отношениях свободного варьирования. В настоящее время, однако, дифтонг /oa/ употребляется значительно реже и вытесняется дифтонгом /ua/.

/ua/: ũuazziš 'медлительный', kūāllēg 'ладонь', kūāš-te 'видеться';

/ea/: ũeavaš 'лошадь', kēārreš 'легкий', gēālk 'грех' (сравни: gīēlk 'сопня');

/uo/: vuondas 'корень дерева' (сравни: vūndas 'песок'), vūōōd 'он спит', tūōōf 'рубанок' (сравни: tūēf 'шкура');

/ue/: ruēgar 'лучше', kūšntar 'мы несем' (сравни: коштар 'мы убиваем'), vūēšš 'теленос' (сравни: vašš 'счастье');

/ie/: piēgam 'я бресь' (сравни: pōgam 'я ем'), piēšš 'гнездо' (сравни: pēšš 'береста'), tiēssi 'тянуть' (срав-

ни: tissi 'мотать');

/iɛ/: vienas 'лодка', piart 'дома', kieras 'твер-
дый';

/ia/: piagam 'я ползу', viāgo 'мешок' (сравни: viġo
'баран'), piācke 'стричь (овец)';

Н и с х о д я щ и е д и ф т о н г и

/ai/: naitlē dam 'я женюсь', čaiji 'заблудиться', kain'
'с кем';

/ei/: vaicīi 'он шел', aigeit' 'рано', aijam 'дедуш-
ка';

/ai/: māinas 'сказка', pāinnim 'я поднялся';

/ui/: čuivis 'светлый', čuigam 'я иду на лыжах', kuin-
dim 'мы несли' (сравни: kōndim 'мы убили'), puittim 'я
пришел';

/ei/: mēin 'с чем', taidvuim 'с вами', jeiī 'ягель';

/ii/: siinam 'я смеюсь', miiji 'нас', iijis 'они
были';

/oi/: hoikke 'швырять', soiji 'заточить', koin 'с
которым';

/ii/: viinlē dim 'мы повидались', viiji 'кровать', rohcī-
vijim 'на оленях';

/ai/: haudam 'я подогрел', naugas 'рена', jaučēdam
'я разденусь';

/ou/: rougam 'я натру', aivivoutla 'гирвозерны',
čoustik 'аркан', čouin 'полусухое дерево';

/iu/: piustovvi 'вспотеть', tiud 'полный', čuigam
'я натяну', tiukkin' 'печь';

/eu/: feunik 'тень', eunis 'паук', beunis 'темный';

/iu/: kiur' 'горб', liut 'продень (нитку)', iutlist
'раньше';

/ui/: ručdaš 'весенний лед', suučjett 'отморозить',
učesk 'площадка перед дверью';

К в а н т и т а т и в н ы е   ч е р е д о в а н и я д и ф т о н г о в

В бабинском, как и в других диалектах саамского языка, сравнительно легко на слух улавливаются две ступени долготы дифтонгов: некраткие, по долготе приблизительно соответствующие нисходящим дифтонгам финского языка, и краткие, оба компонента которых произносятся значительно короче по сравнению с некраткими дифтонгами, например, juogam 'я делю' - jǎõnk 'он делит', kuálist лок.ед.ч. - küǎíí 'риба'. Краткий дифтонг выступает перед сильной степенью согласных, некраткий - перед слабой, т.е. условия появления кратких и некратких дифтонгов соответствуют условиям появления кратких и долгих монофтонгов. По всем признакам краткость-некраткость дифтонгов можно было бы считать фонологически релевантным признаком, тем более что такая трактовка известна в кильдинском диалекте Шонгуи⁴¹ и в диалекте Колтта⁴². В бабинском диалекте в отличие от упомянутых не найдется ни одной пары слов или их форм, которые различались бы только посредством кратких-некратких дифтонгов. Нет также случаев, когда краткие и некраткие дифтонги были бы обнаружены в сходных фонетических условиях, например, те и другие перед сильной или слабой степенью согласных. Поэтому краткость-некраткость дифтонгов в исследуемом диалекте считаем фонологически нерелевантным признаком.

В бабинском диалекте в количественные чередования вступают только нисходящие дифтонги:

ua ~ uä: vuárev (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - vüáǎrev 'белка', kuáivi (ген.-акк.мн.ч.) - küǎiv 'лопата', kuarsam 'я храплю' - küǎǎm 'он храпит', kuandam 'я несусь' - küǎnt 'он несет';

oa ~ öä: voálist (лок.ед.ч.) - vöǎjj 'ручей', soajam 'я затачиваю' - söǎjj 'он затачивает';

ea ~ ää: heavaš 'лошадь' - heǎřsa (дат.-илл.ед.ч.), feagist (лок.ед.ч.) - řeǎik 'грех';

⁴¹ I t k o n e n E. Ehdotus kildinlapin Šonguin murteen fonemaattiseksi transkriptioksi. — LMF, 1971, с.96.

⁴² K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltlappischen..., с.11-13, 32.

uo ~ uō: tuoíta (аб.ед.ч.) - tūóíí 'рубанок', kuor-
gíst (лок.ед.ч.) - kūóřk 'корга', луoštam 'я отпучу' -
lūóšt 'он отпустит', vuořđat 'они ждут' - vūóřt 'он ждет';
ue ~ ūē: vuaežzíst (лок.ед.ч.) - vūēss 'теленок',
šuaeřvta (аб.ед.ч.) - šūēřv 'рог', kuandat 'они отелятся' -
kūēnte 'отелиться';

ie ~ iē: piežzíst (лок.ед.ч.) - piēss 'гнездо', vieš-
vist (лок.ед.ч.) - viēšv 'плавник', pieram 'я бреюсь' -
piērr 'он бреется', siendam 'я сержусь', - siēntim 'я сер-
дился';

ia ~ iā: riędam 'я ползу' - rięhk 'он ползет', rięškam
'я стригу овец' - rięške 'стричь', riędam 'я плачу' - rięhk
'он плачет';

ui ~ uī: ruđđim 'мы пришли' - ruđttim 'я пришел', kuin-
đim 'мы несли' - kuđttim 'я нес', луištđim 'мы отпус-
тили' - луištđim 'я отпустил'.

Т р и ф т о н г и

В бабинском диалекте имеются четыре трифтонга: /ua_i,
ue_i, u_ii, uo_i /, которые стоят вне чередований по квантите-
ту. Они встречаются только в первом слове слова.

/ua_i/: kuaihsiv 'ветка', vuai_inam 'я вижу', шuaig_iš 'гу-
сеница';

/ue_i/: vuae_iinner 'мы видим', guē_ika 'дня';

/u_ii/: vui_iinnim 'я видел', vui_iiđđim 'я дышал', ru_iiit 'ко-
нечность';

/uo_i/: šuo_iik 'он идет на лыжах', vuo_ijam 'я еду'.

Состав согласных фонем и их основных аллофонов

В бабинском диалекте саамского языка насчитывается 46
согласных фонем: /p, p̄, b, b̄, t, t̄, t̄, d, d̄, k, k̄, s, š,
f, f̄, v, v̄, u, s, š, z, ž, š, š̄, ž, j, x, h, h̄, c, č, ž, ž̄,
č, č̄, m, m̄, n, n̄, n̄, ŋ, ŋ̄, l, l̄, r, r̄/.

Релевантными признаками для согласных исследуемого диа-
лекта является глухость-звонкость, палатализованность-непа-
латализованность. Фонологическое противопоставление глухих
и звонких согласных распространяется на следующие пары со-
гласных: /k/ -/g/, /t/ -/d/, /p/ -/b/, /s/ -/z/, /š/ -/ž/.

/c/-/ʒ/, /č/-/ǰ/. В кильдинском диалекте данная корреляция распространяется также на сонорные /l/-/l̃/, /r/-/r̃/, /n/ - /ñ/.

Палатализация, как известно, обусловливается дополнительным поднятием и продвижением вперед средней части спинки языка, степень подъема которой может быть различной. Вследствие этого в саамском языке могут быть сильно и слабо палатализованные согласные. Слабая палатализованность согласных является фонологически релевантной лишь для трех согласных /t̃, d̃, ñ/, которые интерпретируются в качестве полумягких согласных фонем. Для остальных она позиционно обусловлена: обнаруживается в позиции перед /ə, i/ либо в соседстве с палатализованными согласными, например, ãəʒm̃ 'сеть', ãr-kẽ 'в будний день', p̃iẽs̃ 'гнездо'.

Противопоставление твердых-мягких согласных распространяется на следующие пары согласных: /p/-/p̃/, /b/-/b̃/, /k/ - /k̃/, /g/-/g̃/, /t/-/t̃/, /v/-/ṽ/, /s/-/s̃/, /z/-/z̃/, /š/-/š̃/, /n/-/ñ/, /c/-/č/, /ʒ/-/ǰ/, /m/-/m̃/, /ŋ/-/ŋ̃/, /l/-/l̃/, /r/-/r̃/. Тернарная оппозиция распространяется на следующие согласные: /t/-/t̃/-/t̄/, /n/-/ñ/-/n̄/. Релевантный признак твердость-полумягкость присущ согласным /d/-/d̃/. Таким образом, мягких пар не имеют /d/, /x/, /z̃/, твердых - /č/, /ǰ/. Существование фонологически релевантных палатализованных и непалатализованных согласных характерно не только для кольско-саамских, но и кжно-саамских диалектов. Г.Хассельбринк, интерпретируя палатализацию согласных, предлагает три возможных фонологических решения: считать фонологически релевантной твердость-мягкость согласных; считать релевантной передне-задность-непередне-задность гласных; считать палатализацию супraseгментальной фонемой, касающейся одновременно согласных и гласных⁴³. По мнению некоторых лингвистов, первое решение значительно увеличило бы инвентарь согласных фонем, второе увеличило бы состав гласных фонем. Третье решение считается наиболее приемлемым. Следовательно, палатализация

⁴³ H a s s e l b r i n k G. Alternative analysis of the phonemic system in Central South-Lappish. - Bloomington, 1965, vol. 49.

считается супrasegmentальной фонемой⁴⁴. Конкретный материал исследуемого диалекта заставляет нас признать фонологически релевантным палатализованность-непалатализованность согласных, поскольку твердые и мягкие согласные выступают в независимых позициях: перед непереднерялыми гласными и в абсолютном конце слова: taät 'звезда', fassa 'летом', süiff 'соль', süëll 'остров'.

В грамматиках саамского языка вопрос о долгих и геминированных согласных находит различное решение. Обычно они рассматриваются по отношению к одиночным согласным как входящие в структуру чередований ступеней согласных. В грамматике Г.М.Керта "Саамский язык" долгие и геминированные согласные представлены самостоятельными фонемами наряду с одиночными согласными⁴⁵. С позиции фонологического описания следовало бы долгие согласные отграничивать от геминированных, потому что слоговая граница никогда не проходит внутри долгого согласного, тогда как компоненты геминат распределяются по разным слогам: maĵ-ta дат.-илл.ед.ч. от maĵt 'молоко' и nüëĵ-ġa дат.-илл.ед.ч. от nüëĵġ 'веревка'. И если включать долгие согласные в инвентарь фонем, то вряд ли стоило бы считать таковыми геминаты. И все же, есть ли необходимость включать долгие согласные в состав фонем? По-видимому, нет, потому что, во-первых, состав согласных фонем значительно увеличился бы (на 28 единиц), во-вторых, долгие согласные и геминаты удобнее рассматривать как результат количественных чередований согласных, которые в грамматике служат разным целям, являясь морфологическими и морфонологическими, и, в-третьих, подобное решение соответствовало бы интерпретации согласных фонем в других диалектах саамского языка и в целом финно-угорских языков, имеющих чередование сту-

⁴⁴ I t k o n e n В. Ehdotus kildinlapin Šongujn murteen... s. 106-108; K o r h o n e n М. Ehdotus Koltanlapin Suonikylän..., s. 73-74; K o r h o n e n М. Zur Phonologie des Skoltlappischen...s. 15-17; В j a r n s o f D.E. A phonemic transcription of Lovozero (Kilden) Lappish...p.

⁴⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.43-64.

пений согласных.

В бабинском диалекте долгими согласными не могут быть /б, а, к, г, ё, з, ж, з, и, й, н, б/.

Смичные взрывные согласные,
их основные аллофоны

Губно-губные

/р/ : [р] губно-губной взрывной глухой согласный. Имеет широкую дистрибуцию, не встречается в соседстве со звонким коррелятом: рѣбл 'пуговица', рѣаѣа 'плясать', сѣрап 'я рублю', калѣамр 'дороже', коѣрѣип'н 'горбоносый'.

[р'] - смягченный вариант предыдущего согласного, широко распространен в исследуемом диалекте. Появление его позиционно обусловлено: перед переднеязычными гласными /а, и/, в соседстве с палатализованными согласными и /j/ - р'иѣѣим 'я положил', т'аѣр'р'а 'сегодня', ниѣр' 'нож', туѣр' 'морда'.

Следует, однако, отметить, что в отдельных случаях полумягкий [р'] начинает обобщаться и тогда, когда позиционная обусловленность его появления исчезает. Так, обобщение произошло в случаях, когда этот звук выступает в качестве лично-числового окончания I и 2 л.мн. числа презенса изъявительного наклонения, например, ѣипѣт' 'мы подогреем', ѣорѣт' - р'е 'вы упадете'. Большая распространенность этого аллофона и приобретение им морфологической значимости заставляют предположить о возможном получении этим звуком фонологического статуса. И лишь отсутствие минимальных пар, различающихся с помощью этого звука, не позволяет нам трактовать его в качестве фонемы.

Трудность интерпретации полумягких аллофонов заключается в том, что неизвестно, аллофонами каких фонем считать их - твердых или мягких. Видимо, наиболее естественным было бы соотнести их с твердыми согласными саамского языка, так как мягкие являются сильно палатализованными. Палатализованность же смягченных аллофонов является незначительной, поэтому считаем возможным трактовать их в качестве аллофонов твердых фонем.

/р'/ : [р'] - губно-губной смичный глухой палатализованный

ный: *peif* 'ухо', *süärrés* 'мягкий', *vuarštam* 'я учусь',
soibr 'осина';

/b/ : [b] – губно-губной взрывной звонкий. В анляутной позиции выступает только в поздних заимствованиях из русского языка. Не сочетается с глухим коррелятом: *dūbam* 'я дублю кожу', *kumbar* 'гриб', *kībist* лок.ед.ч. от *kihr* 'сажа', *suoib* 'лягушка'.

/b̄/ : [b̄] – губно-губной взрывной звонкий палатализованный. Не встречается в анляутной позиции: *lambeé* 'овца', *zōbta* 'без осины', *ābri* ген.-акк.мн.ч. от *ēbr* 'дождь', *n̄āb* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *n̄ābr* 'дуп'.

Переднеязычные

/t/ : [t] – переднеязычный глухой непалатализованный согласный, дистрибутивно не ограничен: *tit* 'этот', *īūtam* 'я выхожу', *jōštam* 'я пешу лед', *kuorkat* 'он хвастается';

/t̄/ : [t̄] – переднеязычный глухой полумягкий согласный: *t̄āik* 'очаг' (сравни: *fan̄k* 'он токует', *tan̄k* 'он обьет'), *n̄ān̄t̄em* 'такой', *ruad̄at̄* 'они придут';

/t̄̄/ : [t̄̄] – переднеязычный глухой палатализованный: *teim̄is* 'гром', *fazzam* 'я тяну', *ufa* 'Андрюша', *lahtsar* 'положе';

/d/ : [d] – переднеязычный звонкий непалатализованный согласный. В позиции начала слова этот согласный выявляется только в заимствованиях из русского языка: *dennis* 'Денис', *šdam* 'я появляюсь', *kadt̄im* 'я потерял', *kuond* 'неси';

/d̄/ : [d̄] – переднеязычный звонкий полумягкий, не встречается в позиции абсолютного начала слова: *zod̄d̄en* 'волна', *jad̄at̄* 'они идут', *gad̄jam* 'я гадаю', *ruad̄* 'прили'.

Мягкой переднеязычной звонкой согласной фонемы в сабинском диалекте, как и в кильдинском, нет.

Заднеязычные

/k/ : [k] – заднеязычный глухой непалатализованный согласный, дистрибутивно не ограничен: *kjegas* 'твердый', *gūkam* 'я прячу', *šank* 'он рубит', *zīēik* 'спина';

[k̄] – смягченный аллофон фонемы /k/. Выявляется в позиции перед переднерядными гласными и в соседстве с палатали-

зованными согласными: *óelk*at** '(они) говорят', *kaśk*at** '(они) грызут', *śek*k'er** 'мы растягиваем шкуру';

/k/ : [k̠] - заднеязычный глухой сильно палатализованный. Не обнаружен в соседстве с непалатализованными согласными: *kōrt* 'он летит', *hoikēdam* 'я прыгаю', *jeŋka* 'в болото', *kuŋk* 'длинный';

/g/ : [g̠] - заднеязычный звонкий непалатализованный согласный, в анляутной позиции встречается в трех собственно саамских словах: *gēlk* 'надо', *guelka* 'для', *gatt* 'к', *śāgam* 'я одеваю', *jīng* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *jīŋk* 'душа';

[g̠] - слегка палатализованный аллофон фонемы /g/. Выявляется в позиции перед переднерядными гласными, а также в соседстве с палатализованными согласными и после /j/, *rājg*ist* лок. ед. ч. от *rajk* 'дыра', *vuolg*at** '(они) пойдут', *sūg*at** '(они) гребут'.

[ɣ] - звонкий непалатализованный спирант, образуется касанием задней части языка мягкого нёба: *šijɣ* 'хороший', *vaɣs* 'грязный', *rōɣam* 'я сверлю', *misteɣ* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *mistek* 'куст';

/ǰ/ : [ǰ̠] - заднеязычный звонкий палатализованный, не встречается в начале слова: *roǰjam* 'я спорю', *kied*ǰta* 'без камня', *teŋǰi* ген.-акк.мн.ч. от *tiēŋk* 'деньги', *saǰ* 'оттолкни';

[ɣ̠] - звонкий палатализованный спирант. Выявляется как правило, в позиции абсолютного конца слова. Существование спиранта в бабинском диалекте отмечено еще А.Генецем⁴⁶. В анляутной позиции чередуется с /j/: *aŋǰi* ген.-акк.мн.ч. от *ɛlk* 'сын', *loŋǰist* лок.ед.ч. от *loŋk* 'десять', *iŋǰ* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *iŋk* 'год' (*~aŋj, lojj, ijj*).

А ф ф р и к а т ы

/c/ : [c] - переднеязычная глухая непалатализованная краткая аффриката, позиционно не ограничена: *saɣgam* 'я отталкиваю', *kisamr* 'более тухлый', *kiŋc* 'ноготь', *vacc* 'варежки';

[c̠] - слегка смягченный аллофон, выявляется в позиции пе-

⁴⁶ G e n e t z A. Orosz-lapp nyelvmutatványok...

ред переднерядными гласными: kiñ's'a дат.-илл.ед.ч. от kiñc 'ноготь', с'iehkam 'я рублю', с'ii'kim 'я сказал';

/с/ : [ç] - переднеязычная глухая палатализованная аффриката: sañc 'он красит (сети)', šueš'kiš 'холодный', šaišc 'вода', kuñšje 'протухнуть';

/з/ : [ʒ] - переднеязычная звонкая твердая аффриката, не встречается в начале слова: kažamr 'уже', ružim 'я болел бы', ruž 'олень';

/з'/ : [ʒ'] - переднеязычная звонкая палатализованная аффриката, не выступает в абсолютном начале слова: sež'a 'спинны', riäž'ist лок.ед.ч. от rišc 'сосна', kaž'imis 'самый узкий';

/с'/ : [ç'] - палатализованная глухая аффриката со вторым двухфокусным элементом. Дистрибутивно не ограничена, не имеет твердого коррелята: šiiñ'n' 'гусь', reš'keš 'горький', šiiñc 'он стоит';

/з'/ : [ʒ'] - палатализованная звонкая аффриката со вторым двухфокусным элементом: luž'ev 'слабый', šuoñš'im 'я стоял бы', kuñž 'кумки'.

Как известно, аффрикаты могут быть в разных языках моно- или бифонемными образованиями. Для саамского языка этот вопрос имеет немаловажное значение и может быть решен вполне однозначно, по крайней мере, для глухих аффрикат. Как считает Терхо Итконен, монофонемное решение аффрикат является теоретически лучшим при фонологическом анализе, но вполне приемлема (по крайней мере для /ts/) и бифонемная интерпретация⁴⁷. Артикуляция аффрикат имеет сложный характер: начинается со смычки, которая затем переходит в щель, т.е. фонетический облик их представляет собой [ts], [tš], [dž], [dž']. Однако вопрос о том, являются ли эти звуковые комплексы сочетанием звуков или единичными звуками, решается для каждого языка отдельно. При этом во внимание принимается фонетическая структура слова и слога, морфологическая структура и участие интересующих нас звуков в морфологических и мор-

47 I t k o n e n T. Itäruijanlapin foneemianalyysin pulmia Outakosken murteen valossa. - LMP, 1971, s. 28.

фонологических чередованиях. Как будет показано далее, монофонемное решение вполне приемлемо для глухих аффрикат, а звонкие можно считать и моно-, и бифонемными образованиями.

Проанализируем аффрикаты саамского языка с учетом критериев моно- и бифонемности:

1) составные части никогда не распределяются по разным слогам⁴⁸, например, čas-kam 'я бросаю', kič-tam 'я взглянул', van'-zim 'мы шли'.

Иначе обстоит дело, например, в финском языке, где *ts* является сочетанием двух фонем, так как оба его компонента распределяются по разным слогам, например, *it-se* 'сам', *seit-se-män* 'семь'⁴⁹;

2) аффрикаты саамского языка встречаются в таких позициях, где по правилам этого языка невозможны сочетания согласных⁵⁰, а именно в абсолютном начале слова и слога, например, čah's' 'вода', s'errik 'чайка' (озерная), rač'-čim 'выжал бы белье'. Данному критерию вполне удовлетворяют глухие аффрикаты, чего нельзя сказать относительно звонких, которые в названных позициях не встречаются и аналогичны сочетаниям согласных;

3) морфологическая граница никогда не проходит внутри аффрикат, например, ičt'-čim 'я сидел бы', keŋč'-čim 'я ел бы', koŋč'-čim 'я звал бы', n'eč'-stič' 'вырывать';

4) аффрикаты /с, č/ вступают в количественные чередования, как и другие согласные саамского языка. Звонкие аффрикаты в данные чередования не вступают, т. е. ведут себя подобно сочетаниям согласных, что говорит в пользу их бифонемной трактовки: kiŋč'čim 'я смотрел' - kič'čim 'мы смотрели', pič'h's' 'сосна' - pič'hč'čim' (эсс.);

5) на основании слухового восприятия несложно отличить однофонемные образования /č, c/ от *tš, ts*, которые произносятся как сочетания двух согласных. Данные сочетания двух согласных возникают в результате выпадения гласных второго сло-

⁴⁸ Трубецкой Н.С. Основы фонологии..., с.63.

⁴⁹ Там же, с.63.

⁵⁰ Там же, с.66.

га, например, *puartsist* лок.ед.ч. от *puartas* 'лестница',
postvaŋ 'я толкаю' (сравни: *portas* 'он толкает') и др.

6) как покажет далее анализ фонетической структуры слова, аффриката /ʃ/ обладает высокой степенью сочетаемости в качестве второго компонента сочетаний двух согласных и в качестве третьего компонента сочетаний трех согласных, чего нельзя сказать относительно других аффрикат. Данное положение подтверждает монофонемное решение этой аффрикаты.

Таким образом, фонологический анализ аффрикат показывает, что глухие аффрикаты саамского языка необходимо трактовать в качестве монофонемных образований, тогда как подобная трактовка для звонких аффрикат будет в известной мере условной.

Щ е л е в ы е   с о г л а с н ы е,
и х   о с н о в н ы е   а л л о ф о н ы

Г у б н ы е

/f/ : [f] - губно-зубной глухой непалатализованный. В бабинском диалекте встречается только в заимствованиях из русского языка: *fōk* 'Фока', *faidi* 'Фадей', *morf* 'Марфа';

/f/ : [f] - губно-зубной глухой палатализованный. Как и твердый коррелят, выявляется только в заимствованиях из русского языка: *ʃeik* 'Филипп', *ʃodot* 'Федот', *ʃeik* 'Феня';

/v/ : [v] - губно-зубной звонкий непалатализованный: *vveamvas* 'первый', *kavas* 'икона', *rovt* 'деревянная кровать', *ruiv* 'колесо';

[u] - билабиальный "полугласный", представляет собой звук средний между [u] и [v]. При его произношении спинка языка слегка приподнимается, артикуляция губ и языка слабее, чем при произношении [u]. Выявляется только в позиции после гласных: *jaiv* 'озеро', *ʃeiv* 'песня', *ʃoivdam* 'я развязываю';

/v/ : [v] - губно-зубной звонкий палатализованный, дистрибутивно не ограничен: *val* 'еще', *tāvat* 'он хватает', *āivdam* 'я приоткрываю', *šūiv* 'рог';

/u/ : [u] - губно-губной щелевой "полугласный". При произношении его губы округлены значительно сильнее, чем при произношении гласного [u]. Не встречается в начале слова:

āũc̣ nom.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от āũc̣ 'лебедь', āũsta 'без гусеницы', āũt'at' 'они свежуют'. Этот звук приобретает фонологический статус, поскольку, как и согласный, вступает в количественные чередования в качестве первого компонента сочетаний согласных, например, āũc̣ 'осень' - āũc̣ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kuks 'ковш' - kūks (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.). Этот звук отсутствует в кильдинском диалекте⁵¹.

Переднеязычные

/s/ : [s] - переднеязычный глухой однофокусный, дисритуивно не ограничен: saŋk 'вязальная игла', rosvim 'я дул', juŋstam 'я выпью', kaŋs 'обрубать сучья', piŋkas 'голень';

[ṣ] - смягченный согласный, встречается только в позиции перед /a/ и /i/ : ṣ'ajm 'сеть', ṣ'amj 'семья', ṣ'ijam 'я смеюсь';

/š/ : [š] - переднеязычный глухой палатализованный согласный, встречается во всех позициях: šerdam 'я перевязываю (олений)', pišša 'в гнездо', viešviš 'оса', pašes 'тропинка';

/z/ : [z] - переднеязычный однофокусный звонкий непалатализованный. В начале слова не выявляется, за исключением поздних заимствований из русского языка: uzam 'я собираю ягоды', kuzta 'без ели', vizam 'я устаю', kuškniz nom.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от kuškniz 'лучина';

/ž/ : [ž] - переднеязычный однофокусный звонкий палатализованный, не встречается в позиции начала слова: kažža 'котята', vuzžzi gen.-акк.мн.ч. от vūžš 'теленок', lažtam 'я добавляю'. fažž nom.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от tišš 'лето';

/ṣ̌/ : [ṣ̌] - щелевой двухфокусный глухой непалатализованный согласный, встречается во всех позициях: ṣ̌inŋ 'погода', gūšas 'русский', višs 'замешивать', jahtmuš 'голубика';

---

⁵¹ К е р т Г.М. Саамский язык... 356 с.

/š/ : [š] - целевой двухфокусный глухой палатализованный: košk 'сухой', šešše 'жалеть', kiššš 'шкура';

/ž/ : [ž] - целевой двухфокусный звонкий непалатализованный согласный. В агляте встречается только в русских заимствованиях: žennik 'жених', mašslizžam 'я охочусь', vuost-
ližta 'без ответа', želmiž ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от
želmiž 'жизнь'.

Среднеязычные

/j/ : [j] - среднеязычный целевой звонкий, дистрибутивно не ограничен: jaššj 'озеро', vėjam 'я крою', koššjam
'я просыпаюсь', lešštaj 'он поет', šoššj 'живот'.

[j] - полугласный звук, является основным аллофоном фонемы /j/. Артикулируется при более узкой щели, чем /j/. Выявляется в позиции после гласных: piijim 'я положил', miiji 'наш', šoššittim 'я показался'.

Заднеязычные

/x/ : [x] - целевой глухой непалатализованный, не выступает в аусляутной позиции: xozzin 'хозяин', vlahoxlōš'at
'(они) благословят', kroxš 'немного', maht 'как?'.
'(они) благословят', kroxš 'немного', maht 'как?'.

Ларингальные

/h/ : [h] - ларингальный глухой непалатализованный. Представляет собой звук, близкий финскому /h/, закрывающему слог. Выступает в позиции между гласным и глухим взрывным или аффрикатой: šohk 'он затачивает', kiht 'рука', kehp 'иглипа', vahc 'варежка', pašc 'он выжимает белье';

[h] - соответствующий краткий согласный. Выявляется в позиции перед геминированными глухими взрывными и аффрикатами: sihkke 'в туман', kihtta 'в руку', šohpra 'в осину', kišššer
'мы смотрим', ošššim 'я искал'.

/h̄/ : [h̄] - ларингальный глухой палатализованный согласный: šēššh̄k 'грех', šāšh̄c 'вода', šūššh̄p 'осина'. sašh̄ke
'оттолкнуть'.

[h̄] - краткий палатализованный ларингальный, появляется перед геминированными глухими взрывными и аффрикатами: kšh̄ššp
'шапка', jūššh̄kke 'делить', kahtta 'укрывать'.

В крайневосточных диалектах имеется противопоставление долгих и кратких ларингальных согласных, т.е. /h, h̄, h̄́ h̄́́/ ⁵².

В бабинском диалекте долгих ларингальных нет.

В словаре Т.И.Итконена звук [h] обозначается значком о и трактуется в качестве "глухого гласного", выявляемого во всех диалектах саамского языка, кроме диалекта Инари ⁵³. В настоящее время, когда он появляется перед смичными согласными, говорят о явлении преаспирации. С точки зрения Л. Пости, "глухой гласный" является фонетическим заимствованием из скандинавских языков, где также имеется преаспирация ⁵⁴. Эту гипотезу подвергает сомнению П.Равила ⁵⁵, который поддерживает позицию В.Шлахтера ⁵⁶, заключающуюся в том, что этот звук связан с развитием специфической квантитативной системы саамского языка.

Проблема преаспирации находила и находит самое различное решение в фонологических описаниях диалектов саамского языка. Все трактовки преаспирации сводятся к трем: 1) преаспирация считается аллофоном фонемы /h/ ⁵⁷; 2) преаспирация является самостоятельной сегментной единицей, а именно фонемой /h̄/ ⁵⁸; 3) преаспирация трактуется как супрасегментная единица.

---

⁵² К е р т Г.М. Саамский язык..., с.55-56.

⁵³ I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapiin sanakirja..., с.35-36.

⁵⁴ P o s t i L. On the origin of the voiceless Vowel in Lapp. Svenska landsmål och svenska folkliv. 76-te arg, 1953-1954, p. 199-209.

⁵⁵ R a v i l a P. Der sog. stimmlose Vokal im Lappischen. - UAJb, 1956, Bd. 28, Hf. 3-4, s. 184-185.

⁵⁶ S c h l a c h t e r W. Lappisches im lappischen Stufenwechsel. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1954, 5, s. 5-7.

⁵⁷ H a s s e l b r i n k G. Vilheminälapskans ljudlära. Uppsala, 1944, с. 102-104.

⁵⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.55-56; Н а г м а R. Problems in Lapp Phonology, p. 435; I t k o n e n Т. Itäruijanlapiin foneemianalyysin pulmia..., с. 27; S a m m a l l a h t i P. Norjansaamen Itä-Enontekiön murteen äänneoppi..., с. 43.

Первое решение, на наш взгляд, не совсем удачное, так как неизвестно, на каком основании преаспирацию можно считать аллофоном фонемы /h/. Довольно заманчиво третье решение, поскольку появление преаспирации в известной степени обусловлено автоматическими произносительными навыками и позицией перед глухими взрывными и аффрикатами. В соответствии с супrasegmentной трактовкой преаспирации преаспирированные согласные считаются сильными, не преаспирированные — слабыми⁵⁹. Наиболее приемлема, как мы считаем, вторая трактовка, по которой преаспирация является самостоятельной сегментной единицей. Обусловлено это, во-первых, тем, что во всех кольско-саамских диалектах ларингальный глухой коррелирует по признаку палатализованности-непалатализованности, как и остальные сегментные единицы; во-вторых, этот звук коррелирует, кроме того, по количеству, как и подавляющее большинство остальных согласных⁶⁰. Считая преаспирацию сегментной единицей, мы отдаем себе отчет в том, что статус ее менее основателен, чем статус других согласных фонем. Добавим также, что данная проблема фонологии саамского языка еще не полностью решена и требует дальнейшего исследования.

С о н а н т ы и и х о с н о в н ы е а л л о ф о н ы

/m/ : [m] — губно-губной смычный непалатализованный согласный, дистрибутивно не ограничен: *monn* 'я', *kāmm* 'я шумлю', *nigdam* 'я вижу сон', *lambeá* 'овца', *fiimm* 'суп';
 [m̥] — слегка палатализованный согласный, выявляется перед и после переднерядных гласных и в сочетании с /j/ : *m̥æn* 'луна', *s̥g̥j̥m̥* 'сеть', *kāim̥at̥* 'они замерзают';
 /m̥/ : [m̥] — губно-губной смычный палатализованный, дистрибутивно не ограничен: *me̥jn* 'якра', *ku̥ám̥e̥* 'горсть', *š̥u̥e̥im̥* 'пролив';

⁵⁹ *Nasselbrenk G. Die Konsonanten in zentralen Südlappischen unter den Einfluss von Akzent und Silbenstellung.*—UAJb, 1965, 36, s. 101, 102-104.

⁶⁰ *Sammallahti P. Norjansamen Itä-Ehontekiön...*, s. 43.

/n/ : [n] - непалатализованный носовой сонант, позиционно не ограничен: noh̄jam 'я нхжал', piēnni 'собака', jonn 'большой';

/n̄/ : [n̄] - полумягкий носовой сонант: pon̄n̄ 'дно' (ср.: ро̄h̄н̄ 'кривой'), n̄aī 'гвоздь' (ср.: n̄aī 'небольшой комарик'), taī̄*ti 'давить', vaī̄*je 'лежать', mān̄n̄ 'яйцо' (ср.: maī̄n̄ 'невестка');

/ñ/ : [ñ] - мягкий носовой сонант: ñõäzzis 'медлительный', kañ̄nal 'локоть', siñ̄nam̄p 'темнее', mañ̄n̄ 'невестка', ро̄h̄ñ 'кривой';

/ŋ/ : [ŋ] - заднеязычный носовой непалатализованный сонант, не встречается в начале слова: mañ̄ra 'затем, после', tuñ̄pa 'заплата', jiñ̄ 'лед', kuñ̄pa 'вдоль';

/ŋ̄/ : [ŋ̄] - заднеязычный носовой палатализованный сонант, не встречается в начале слова: suañ̄ñ̄je 'сватать', vañ̄kam̄p 'короче', jeñ̄gist лок.ед.ч. - jeñ̄k 'болого', ñañ̄gta 'без шаньги';

/l/ : [l] - переднеязычный боковой веляризованный звонкий сонант. Характерен для всех кольско-саамских диалектов. Не встречается перед /i/ и в соседстве с палатализованными согласными: luñ̄t 'доска', kañ̄ar 'дороже', viñ̄lle 'солить', miñ̄la 'мыло';

/l̄/ : [l̄] - палатализованный звонкий сонант, дистрибутивно не ограничен: ñeñ̄t 'песня', eiñ̄am̄p 'круче', ñañ̄gis 'сладкий', koñ̄i 'золото';

/r/ : [r] - переднеязычный апикальный дрожащий непалатализованный: ruñ̄t 'железо', riñ̄t 'дом', kuñ̄ra 'курить', korr 'он привязывает';

/r̄/ : [r̄] - переднеязычный апикальный дрожащий палатализованный: ñeñ̄t 'берег', viñ̄rt̄e 'ждать', roñ̄gas 'парус', viñ̄rt̄r̄ 'шило'.

В отдельных диалектах саамского языка релевантный признак глухости-звонкости распространяется также на сонанты таким образом, глухие сонанты являются такими же самостоятельными фонемами, как и другие согласные. Глухие сонанты имеются: в норвежско-саамском /p̄, p̄, t̄, t̄/ ⁶¹, в диалекте

⁶¹ Sammallanti P. Endotus Norjanlapin länsi-murteiden fonemaattiseksi transkriptioksi. - LMF, 1971, s.17.

Шонгуй /r, l/ ⁶², в кильдинском /r, l, r̄, l̄, r̄̄, l̄̄/⁶³. В бабинском, как и в диалекте Колтта⁶⁴, глухих сонантов нет.

Согласные фонемы бабинского диалекта саамского языка представлены в таблице.

Позиционные чередования фонем в бабинском диалекте

При определении инвентаря гласных и согласных фонем мы старались выявить наиболее ощутимые аллофоны каждой функциональной единицы, которые появлялись в результате взаимоприспособляемости гласных и согласных звуков. Данное явление, называемое модификацией фонем⁶⁵, следует отличать от живых фонетических чередований фонем, являющихся, в сущности, также результатом взаимоприспособляемости, а также адаптации разных фонем. Отличие названных явлений состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с аллофонами определенных фонем, тогда как во втором — перед нами звук, совпадающий с уже существующей в языке фонемой. Другими словами, в этих случаях происходит нейтрализация фонем. Например, в слове t'ar'p'a 'сегодня' звук [p'] появляется в результате того, что за фонемой /p/ следует гласный переднего ряда /a/, [p'] является аллофоном фонемы /p/. В слове konna 'без дикого оленя' (вместо konna) последующая фонема /t/ полностью ассимилировала предшествующую звонкую фонему /d/, которая нейтрализовалась в реально существующей фонеме /t/.

В данном разделе рассмотрим чередования согласных и гласных фонем, называемые позиционными или живыми. Эти чередования не следует путать с историческими чередованиями, причины которых скрыты в истории языка (см. II главу).

⁶² I t k o n e n E. Ehdotus kildinlapin Šongujn murteen..., s. 102.

⁶³ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.47,53-54.

⁶⁴ I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja, s. XXXI; K o r h o n e n М., M o s n i k o f f J., S a m m a l l a h t i P. Koltansaamen opas...

⁶⁵ М а т у с е в и ч М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976, с.178-179.

Все позиционные чередования фонем происходят либо в результате соседства определенных звуков, например, *alhta* 'без сына' (pro: *alhta*), либо обусловлены определенной позицией в слове, в которой оказывается та или иная фонема, например, в аусляутной позиции, где звонкие согласные подвергаются оглушению: *kājr* 'подбородок' (pro: *kājb*), *kōn't* 'дикие олени' (pro: *kōn'd*).

К наиболее распространенным позиционным чередованиям согласных относятся чередования по глухости-звонкости и по твердости-мягкости. Чередование согласных по глухости-звонкости — явление, довольно распространенное в саамском языке. Названные позиционные чередования фонем происходят внутри слова или на стыке слов. Согласные могут чередоваться как в основе слова, так и на стыке основы и суффиксальной морфемы. Эти чередования происходят, как правило, в результате регрессивной ассимиляции: последующий глухой согласный подвергается полному оглушению предшествующий звонкий, обратного направления ассимиляции в середине слова не обнаружено, например, *āatta* 'без важенки' (pro: *āātta*), *hāakta* 'без поляна' (pro: *haakta*), *raitti* 'испугать' (pro: *raāitti*), *vualti* 'послать' (pro: *vuaalti*). Аусляутные звонкие согласные, как об этом было сказано ранее, подвергаются оглушению. Однако в изолированно произнесенном слове оглушение конечных звонких согласных сдерживается причинами грамматического характера. Так, например, конечный /d/ в слове *pieald* 'поля-поля' наряду с другими маркерами сигнализирует о форме номинатива множественного числа, генитива-аккузатива единственного числа, поэтому оглушение его может и не произойти. Но в потоке речи, когда за этим словом следует другое с глухим аусляутом, а тем более, если оно начинается с глухого коррелята, происходит полное оглушение названного согласного, например, *piealt tuak'k'en* 'за полем'.

Начало слова в бабинском диалекте не терпит звонких и представлено глухими согласными. Озвончатся может лишь аусляут второго компонента сложного слова, если ему предшествуют звонкие согласные. В этих случаях происходит регрессивная ассимиляция согласных по звонкости, например, *anpviēik* 'уклучина' (*anp* 'вица' и *viēik* 'большой палец'), *šimviēif*

'одноглазый' (šifm 'глаз' и pšöif 'половина'), manamšēim 'почки' (manam 'верхняя часть бедра' и šēim 'глаза').

Позиционные чередования согласных по твердости-мягкости - менее распространенное явление, чем чередования по глухости-звонкости. Существование рядом твердых и мягких согласных - нормальное явление в саамском языке: pašditi 'испугать', kašm 'замерзни', sošm 'смерть'. Позиционные чередования по этому признаку возникают, как правило, на стыке морфем. При этом отмечено как смягчение твердых согласных, так и отверждение мягких. Твердые смягчаются в позиции перед среднерядным согласным /j/: kuhšji 'протужнуть' (kuhsaj 'он протужнет'), varšjam 'я сторожу' (vartaj 'он сторожит'), n'šifjata 'без веретена' (n'šait 'веретено'). На стыке морфем может наблюдаться противоположный процесс: в результате прогрессивной ассимиляции мягкие согласные чередуются с твердыми коррелятами, например, niššik 'голод' - nišgta 'без голода', pašik 'место' - pašjka 'без места', tiešreš 'легкий' - tašrsar 'легче'. Чередования согласных в сторону смягчения или отверждения происходят внутри слова. Случаев же ассимиляции по твердости-мягкости на стыке слов в бабинском диалекте не обнаружено.

Позиционные чередования гласных в бабинском диалекте происходят довольно редко. Чередуются гласные первого слога под влиянием определенных гласных второго слога. Данное явление, называемое метафонией⁶⁶, есть результат регрессивной ассимиляции. В случаях метафонии наблюдается: 1) полная ассимиляция гласных первого слога гласным второго слога, например, абга дат.-илл.ед.ч. от šbš 'дождь', šalma дат.-илл.ед.ч. от šēim 'глаз', šikim 'я сказал' (сравни: šalkam 'я скажу'); 2) частичная ассимиляция гласных первого слога по признаку подъема. В этих случаях они чередуются с гласными более высокого подъема под влиянием /i/ второго слога: šörgam 'я свищу' - šuškim 'я свистел', ršdam 'я порю по швам' - rittim 'я порол', kšlтам 'я мерзну' - kšš-

⁶⁶ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus. - Hki, 1966, s. 167; K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen, I, s. 19.

мин 'я мерз'. В большинстве случаев чередования гласных несут на себе определенные морфологические функции и поэтому классифицируются в качестве морфологических или морфонологических.

Чередование ступеней согласных

Под чередованием ступеней согласных понимается закономерные мени фонем или комбинации фонем в рамках парадигмы одного и того же слова.

Это явление присуще всем диалектам саамского языка, за исключением южно-саамских. В диалекте Уме консонантизм, следующий за кратким гласным ударного слога, стоит вне чередования ступеней. В диалекте Семисюр консонантизм серии хх, следующий за кратким гласным первого слога, также не подвергается чередованию ступеней согласных⁶⁷.

Чередование ступеней согласных связано с количественными чередованиями предшествующих им гласных: перед сильной ступенью согласных выступает краткий гласный, перед слабой — долгий: *kaik* 'краска' — *kaigist* (лок.ед.ч.), *gihkam* 'я прячу, хороню' — *gihkkim* 'я прятал, хоронил'. Э.Лагергранд подобные взаимоотношения между согласными и предшествующими им гласными корня назвал законом контрастной корреляции: "... саамский язык стремится к тому, чтобы в каждом слове образовать вершину либо в вокализме, либо в консонантизме корня, которая обнаруживается как в долготе, так и в качестве звука. Вследствие этого между вокалическим и консонантным элементом возникает контрастирующая корреляция"⁶⁸.

Чередование ступеней согласных в саамском и прибалтийско-финских языках имеет много общих черт⁶⁹, однако между

⁶⁷ K o r h o n e n M. Die Entwicklung der morphologischen Methode im Lappischen. — Commentationes Instituti Fennico-Ugrici "Suomen suku", 1969, 29, S. 232.

⁶⁸ L a g e r g r a n t z E. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. — Hki, 1927. — VIII. 425 S. (№50а;57).

⁶⁹ П и к а м я е А. Чередование ступеней согласных в основе слова в прибалтийско-финских и саамском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1966.

ними существует значительные различия, наиболее существенными из которых являются: 1. В прибалтийско-финских языках количественные чередования распространяются, в основном, на глухие взрывные⁷⁰. тогда как в саамском чередования охватывают весь консонантизм⁷¹. 2. В большинстве диалектов саамского языка сильная ступень глухих взрывных и аффрикат сопровождается преаспирацией. В диалекте Инари преаспирация в результате метатезы развилась в постаспирацию⁷². В прибалтийско-финских языках подобное явление отсутствует. 3. В саамском языке широко распространены чередования сочетаний согласных по количеству, причем здесь чередуются первый и второй компонент сочетания. В прибалтийско-финских языках чередованиям подвергается только второй член сочетания согласных⁷³. 4. Чередование по глухости-звонкости распространяется в восточно-саамских диалектах как на взрывные, так и на аффрикаты и шипящие, в прибалтийско-финских же языках — только на взрывные. 5. В исследуемом диалекте, как и в диалекте Колтта, в парадигме одного слова во многих случаях происходят и количественные и качественные чередования по глухости-звонкости: (h)kk ~ (h)k ~ g(γ); (h)tt ~ (h)t ~ d(δ); hpp ~ (h)p ~ b, v; hcc̄ ~ hc̄ ~ ž; hcc̄ ~ hc̄ ~ ž⁷⁴. В прибалтийско-финских языках при изменении слова происходят либо количественные, либо качественные чередования согласных. 6. В саамском языке сильная и слабая ступень количественных и качественных

⁷⁰ В эстонском языке чередуются не только взрывные согласные и сочетания согласных. В водском языке чередованиям подвергаются также s, s, в карельском — c. Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские..., с. 35

⁷¹ R a v i l a P. Probleme des Stufenwechsels im Lappischen. — FUF, 1960, 33, S. 289.

⁷² I t k o n e n E. Betrachtungen zum lappischen Stufenwechsel. — MSFOu, 75, 1970, S. 16.

⁷³ S c h l a c h t e r W. Lappisches im lappischen Stufenwechsel, S. 81.

⁷⁴ I t k o n e n T o i v o. Venäjänlappin konsonanttien astevaihtelu..., s. 17.

венных чередований согласных (сочетаний согласных) контрастирует с предшествующими им гласными. В прибалтийско-финских языках подобное явление отсутствует. 7. В современных диалектах саамского языка появление сильной или слабой ступени чередования не зависит от открытости-закрытости слога, как это имеет место, например, в большинстве случаев в финском языке. В этом смысле саамские чередования уже давно "не живые", они строго соотносятся с грамматическими категориями.

Проблема чередования ступеней согласных является одной из самых сложных в фонологии саамского языка. Сложность заключается как в самом характере чередований, так и в определении количества чередующихся ступеней долготы. Последнее в значительной степени зависит от методов исследования. Э. Лагеркранц показал, что с помощью только инструментальных методов в диалектах саамского языка выделяется от пяти до десяти абсолютных долгот согласных⁷⁵. Фонологию же интересует прежде всего относительная, а не абсолютная долгота согласных, причем значимость этой долготы определяется возможностью дифференцировать слова и их формы. В монографии Г.М.Керта "Саамский язык" показано, что соотношение долгот в зависимости от позиции может быть как 1:2, так и 1:3⁷⁶. Однако дифференциальным в языке является соотношение кратко-долгого согласного и их сочетаний, что также четко осознается говорящими на родном языке. Количество выделяемых долгот согласных зависит и от того, считается ли долгота гласных в конкретном диалекте дифференциальной или нет. Терхо Итконен отмечает, что если долготу гласных в диалекте Оутакоски не принимать во внимание, то можно выделить три ступени долготы согласных, если же краткость-долготу гласных считать дистриктивной, то вполне можно было бы обойтись двумя долготами согласных⁷⁷.

⁷⁵ Lagercrantz E. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen..., S.3.

⁷⁶ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.113-122.

⁷⁷ I t k o n e n T e r h o. Itäruijanlapin foneemi-analyysin pulmia..., s. 35.

Глубокий анализ типов чередований ступеней согласных и их сочетаний в кольско-саамских диалектах сделан в работе Тойво Итконена "Чередование ступеней согласных в русско-саамских диалектах"⁷⁸. Сначала в работе рассматриваются чередования интервокальных одиночных согласных и геминат, затем чередования сочетаний согласных. Автор считает, что в кольско-саамских диалектах существует три ступени долготы: I сильная, II сильная и слабая в первом случае; сильная, I слабая, II слабая во втором случае. Нельзя не согласиться с трехступенной интерпретацией чередования интервокальных согласных в тех случаях, когда в парадигме одного слова происходят как количественные, так и качественные чередования по глухости-звонкости, т.е. (h)kk ~ (h)k ~ g(γ), (h)tt ~ (h)t ~ d(δ), (h)pp ~ (h)p ~ v, b и т.д. В бабинском диалекте имеется значительное количество слов, подтверждающих данное положение. Однако, если в парадигме слова происходят только количественные чередования, выделение третьей промежуточной ступени является излишним. Здесь во внимание принимаются скорее фонетические, а не фонологические чередования.

Г.М.Керт придерживается двухступенной трактовки чередования ступеней согласных в кильдинском диалекте⁷⁹. Оригинальность этой интерпретации состоит в том, что во внимание принимаются также чередования согласных по твердости-мягкости, и, таким образом, как сильная, так и слабая ступень распадаются еще на две, т.е. выявляются две сильные и две слабые ступени. Отметим, что в работе Тойво Итконена этот признак вообще не учитывался. Такой подход был бы целесообразен и при исследовании бабинского диалекта, если бы в нем признак твердости-мягкости проходил по чередующимся ступеням так же регулярно, как и в кильдинском диалекте. Наши материалы свидетельствуют о том, что такого четкого противопоставления твердых и мягких согласных в сильной и слабой ступени не существует.

⁷⁸ I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu Koltan...

⁷⁹ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.82.

Анализ чередования ступеней согласных в бабинском диалекте будет производиться в соответствии с методикой, предложенной Тойво Итконеном, т.е. сначала будут рассматриваться чередования интервокальных согласных, затем - чередования сочетаний согласных.

Чередования интервокальных взрывных, аффрикат, щелевых и сонантов

В бабинском диалекте саамского языка имеется значительная группа слов, в парадигме которых происходят количественные и качественные (по глухости-звонкости) чередования согласных. В названии чередования выступают глухие взрывные, аффрикаты и щелевые согласные.

$hkk \sim hk \sim g$: $cihkke$ (дат.-илл.ед.ч.) - $cihk$ 'туман' - $ci\dot{g}ist$ (лок.ед.ч.), $ihkkin^*$ (эсс.ед.ч.) - $i\dot{h}k$ 'год' - $i\dot{g}i$ (ген.-акк.мн.ч.), $\dot{c}ohkkin$ 'я расчесал' - $\dot{c}ohk$ 'он расчесывает' - $\dot{c}ogam$ 'я расчешу', $ri\dot{a}hkkim$ 'я плакал' - $ri\dot{a}hk$ 'он плачет' - $ri\dot{a}gam$ 'я плачу'.

$htt \sim ht \sim d$: $mi\dot{h}otta$ (дат.-илл.ед.ч.) - $mi\dot{h}ot$ 'пуля' - $mi\dot{h}od$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $mi\dot{h}ottin^*$ (эсс.ед.ч.) - $mi\dot{h}ot$ 'лицо' - $mi\dot{h}odi$ (ген.-акк.мн.ч.), $ti\dot{h}ttis$ 'они знали' - $ti\dot{h}ent$ 'он знает' - $ti\dot{d}am$ 'я знаю', $ja\dot{h}ttim$ 'я шел' - $ja\dot{h}t$ 'он идет' - $ja\dot{d}at^*$ 'они идут'.

$hrr \sim hr \sim b, v$: $ke\dot{h}rrin^*$ (эсс.ед.ч.) - $ke\dot{h}r$ 'иглица' - $ke\dot{b}ist$ (лок.ед.ч.), $so\dot{h}rra$ (дат.-илл.ед.ч.) - $so\dot{b}r$ 'осина' - $so\dot{b}$ (ном.мн.ч.), $ko\dot{h}rra$ 'выдалбливать' - $ko\dot{h}r$ 'он выдалбливает' - $ko\dot{v}ak$ 'ты выдалбливаешь', $ga\dot{h}rra$ 'скрести' - $ga\dot{h}r$ 'он скребет' - $ga\dot{v}am$ 'я скребу'.

$h\ddot{s} \sim h\ddot{s} \sim \ddot{z}$: $ke\dot{h}\ddot{s}a$ (дат.-илл.ед.ч.) - $ke\dot{h}\ddot{s}$ 'край, конец' - $ke\dot{z}ist$ (лок.ед.ч.), $z\dot{h}\ddot{s}in^*$ (эсс.ед.ч.) - $z\dot{h}\ddot{s}$ 'отец' - $\dot{z}\ddot{z}ta$ (аб.ед.ч.), $ra\dot{h}\ddot{s}im$ 'я выжал белье' - $ra\dot{h}\ddot{s}$ 'он выжимает' - $ra\dot{z}am$ 'я выжимаю', $ki\dot{h}\ddot{s}im$ 'я спросил' - $ka\dot{h}\ddot{s}$ 'он спрашивает' - $ke\dot{z}at^*$ 'они спрашивают'.

$h\ddot{s} \sim h\ddot{s} \sim z$: $\dot{c}a\dot{h}\ddot{s}sa$ (дат.-илл.ед.ч.) - $\dot{c}a\dot{h}\ddot{s}$ 'вода' - $\dot{c}a\dot{z}ist$ (лок.ед.ч.), $pi\dot{e}\dot{h}\ddot{s}in^*$ (эсс.ед.ч.) - $pi\dot{e}\dot{h}\ddot{s}$ 'сосна' - $pi\dot{e}\dot{z}ta$ (аб.ед.ч.), $pi\dot{u}\ddot{h}\ddot{s}im$ 'я болел' - $pi\dot{u}\ddot{h}\ddot{s}$ 'он болеет' - $pi\dot{u}\dot{z}am$ 'я болею', $ki\dot{u}\dot{h}\ddot{s}im$ 'я правил веслом' - $ki\dot{u}\dot{h}\ddot{s}$ 'он правит' - $ki\dot{u}\dot{z}am$ 'я правлю'.

ss ~ s ~ z⁸⁰ aʃlissa (дат.-илл.ед.ч.) - aʃlis 'мозг' - ājliz (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), küēknissa (дат.-илл.ед.ч.) - küēknizist (лок.ед.ч.), niska (дат.-илл.ед.ч.) - niskas 'голень' - niskāz (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kalrjissa (дат.-илл.ед.ч.) - kalrjis 'коробейник' - kalrjizist (лок.ед.ч.).

šš ~ š ~ ž: jāhtmušša (эсс.ед.ч.) - jāhtmuš 'голубика' - jāhtmūž (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), čumnišša (дат.-илл.ед.ч.) - čumniš 'вороника' - čumnīžta (аб.ед.ч.), sijklišša (дат.-илл.ед.ч.) - sijkliš 'внутренность' - sijklūžist (лок.ед.ч.), jelmušša (дат.-илл.ед.ч.) - jelmuš 'жизнь' - jelmūžta (аб.ед.ч.).

В других случаях глухие взрывные, аффрикаты, щелевые, а также звонкие взрывные и сонанты в парадигме одного слова чередуются только по признаку квантитета. К ним относятся:

(h)kk ~ (h)k jokk 'тычок в оленьей упряжке' - jōkta (аб.ед.ч.), kuikkēn* 'далеко' - kōkas 'вдаль', raikkim 'я приказал' - rākam 'я приказываю', rūōikkēn* 'мы хороним' - rūhkam 'я хороню'.

(h)tt ~ (h)t tahttim 'я хотел' - tātam 'я хочу', mahttim 'я умел' - mātam 'я умею', ruhttar* 'мы чешем' - rūtam 'я чешу', ahttiš 'они свеживали' - āht'at* 'они свежуют'.

(h)pp ~ (h)p: šahrpat'шея' - šāpat (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tiāhrpeī 'лана' - tiāhrpeī (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), šahrpe 'резать' - šāram 'я режу', šahrpim 'я кинул' - zōhram 'я кину'.

dd ~ d: laddas 'запястье' - lādas (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), koddas 'визать' - kuūdim 'мы визали', vūādde 'спать' - vuadam 'я сплю', kidd 'весна' - kīdī (ген.-акк.мн.ч.).

bb ~ b: robbot 'работа' - rōbot (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tabbak 'табак' - tābak (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.).

---

⁸⁰ В отличие от чередований взрывных и аффрикат, происходящих на границе первого и второго слога, трехступенные чередования переднеязычных щелевых происходят либо в аусляуте двусложных существительных, либо при их словоизменении на границе второго и третьего слога. Прим.автора.

(h)šš ~ (h)š: viššer 'МОЛОТОК' - višer (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.), rišse 'ПОРОТЬ' - rišam 'Я ПОРЮ', košse 'ЗВАТЬ' - košam 'ТЫ ЗОВЕШЬ', kiššim 'Я СМОТРЕЛ' - kišam 'Я СМОТРЮ'.

(h)ss ~ (h)s: řessiĭ 'ПЕЧАЛЬ' - řeciĭ (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.), mišsosa (ЛАТ.-ИЛЛ.ЕД.Ч.) - mišs 'ЛЕС', sišsĭm 'Я КРАСИЛ' - sēšsam 'Я КРАШУ', išsĭm 'Я ЛЕЧИЛ' - iĭsiĭ 'ОН ЛЕЧИЛ'.

vv ~ v: šavv 'ГЛИНА' - šāvist (ЛОК.ЕД.Ч.), jevveš (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.) - jēveš 'ПРИПАСЫ В ДОРОГУ', kiēvvim 'Я ВЗДРОГНУЛ' - kievim 'МЫ ВЗДРОГНУЛИ', pištovviĭ 'ВСПОТЕТЬ' - pištōvim 'МЫ ВСПОТАЛИ'.

ss ~ s: kuššs 'ГОСТЬ' - kušs (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.), rēšs 'ПРУТ' - rēs (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.), kossim 'Я КОСИЛ' - kōsam 'Я КОШУ', pišsim 'КОРЫТО' - pišim (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.).

zz ~ z: xāzēĭ 'ОСТРОГА' - xāzēĭ (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.), pazzan 'ЖЕНЩИНА' - pēznĭst (ЛОК.ЕД.Ч.), vozzim 'Я ВЕЗ' - vōzim 'МЫ ВЕЗЛИ'.

jj ~ j: kujj 'МУЖ' - kūj (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.), vūājĭ 'РУЧЕЙ' - vūajist (ЛОК.ЕД.Ч.), vūājĭ 'ОН МОЖЕТ' - vūajam 'Я МОГУ', řajĭ 'ОН КЛАДЕТ' - řājam 'Я КЛАДУ'.

ll ~ l: kušĭĭ 'РНОБА' - kušĭi (ГЕН.-АКК.МН.Ч.), kēll 'МОЛОКОЛЬЧИК' - kēllist (ЛОК.ЕД.Ч.), koll 'ОН СЛЫШИТ' - kōlam 'Я СЛЫШУ', jēll 'ОН ЖИВЕТ' - jālam 'Я ЖИВУ'.

mm ~ m: ĭimm 'СУП' - ĭimta (АБ.ЕД.Ч.), šēmmēĭ (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.) - šēmmēĭ 'ОБУХ', kiĭmmim 'Я ПУГАЛ' - kēšam 'Я ПУГАЮ', jamm 'ОН УМИРАЕТ' - jāmi 'ОН УМЕР'.

nn ~ n: jinn 'ГОЛОС' - jĭnĭst (ЛОК.ЕД.Ч.), kiĭnnal (НОМ.МН.Ч., ГЕН.-АКК.ЕД.Ч.) - kĭnnal 'СЛЕЗА', vūiĭnnim 'Я ВИДЕЛ' - vūaiĭnam 'Я ВИЖУ', annim 'Я ИСТРАТИЛ' - ānam 'МЫ ИСТРАТИЛИ'.

ññ ~ ñ: jññ 'ЛЕД' - jññ (ГЕН.-АКК.МН.Ч.), šaññ 'ЧАГА' - šaññ (ЛОК.ЕД.Ч.), šaññim 'Я ВЗОБРАЛСЯ' - šañnam 'Я ВЗОБИРАЮСЬ', vūēññ 'ОТДОХНУТЬ' - vūañnam 'Я ОТДЫХАЮ'.

rr ~ r: murr 'ДЕРЕВО' - mūrist (ЛОК.ЕД.Ч.), sērrĭ 'ЧЕРНИКА' - sērrta (АБ.ЕД.Ч.), nurr 'МОЛОДОЙ' - nūram 'МОЛОЖЕ', porrĭm 'Я ЕЛ' - pōram 'Я ЕМ'.

В бабинском диалекте саамского языка выявляются, таким образом, трехступенные чередования согласных, распространяющиеся на взрывные, аффрикаты и переднерядные щелевые, и двухступенные чередования, в которые вступают все согласные, за исключением /f, ɥ, h, x, ʒ, ʒ̥, š, š̥/. Звонкие согласные /z, ʋ/ по количеству чередуются редко, последний — только в заимствованиях из русского языка.

В бабинском диалекте имеется значительная группа слов, в которых переднеязычные щелевые чередуются только по признаку глухости-звонкости, причем оба альтернанта чередования являются геминированными. Этими чередованиями являются: ss ~ zz: kuss 'ель' — kuzz̥ (ген.-акк.ед.ч.), tššš 'лето' — tšžž (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), vešš 'счастье' — vežžist (лок.ед.ч.), kossim 'я кашлял' — kozžim 'мы кашляли', rosse 'дуть' — rozžam 'я дую', tššš 'он тянет' — tšžžam 'я тяну'; šš ~ žž: leššim 'я лежал' — ležžim 'мы лежали', rovtuššim 'я работал' — rovtušžim 'мы работали', oxtuššš 'хотеть' — oxtušžžam 'я хочу'.

Подобные чередования характерны в целом для диалекта Колтта⁸¹. В кильдинском же диалекте в этих случаях глухая гемината чередуется с одиночным звонким коррелятом: ss ~ z, šš ~ ž⁸².

Чередования сочетаний согласных

В бабинском, как и в других кольско-саамских диалектах, широко распространены количественные чередования сочетаний двух качественно различных согласных, которые происходят по схеме $\bar{x}u \sim xu$. В кильдинском диалекте по признаку количества чередуются оба компонента сочетания, т.е. они происходят по схеме $\bar{x}u \sim x\bar{u}$ ⁸³. В исследуемом диалекте в чередования вступают сочетания следующих согласных:

⁸¹ Korhonen M., Mosnikoff J., Sammallahhti P. Koltansaamen oiras..., s.27.

⁸² Керт Г.М. Саамский язык..., с.87.

⁸³ Там же, с.88-98.

1) взрывной + взрывной
kūātk 'сердце' - kuetk (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), feđg
'камень' - tiedgi (ген.-акк.мн.ч.), pūāhtk 'он ставит се-
ти' - puāhtkam 'я ставлю сети', vūōhtkim 'я скреб' - vuit-
kim 'мы скребли';

2) p + s, t, c, š
kūrā 'молоки' - kūrsi (ген.-акк.мн.ч.), lērsim 'я доил' -
lērsim 'мы доили', sořt 'пена' - sōrta (аб.ед.ч.), tořc
'он ступает' - tořc 'ступы', kořc 'он собирает' - kōřcam
'я собирав';

3) взрывной + сонант
ēbr 'дождь' - ābrist (лок.ед.ч.), xēābr 'украшение' -
xēabrta (аб.ед.ч.), šabr 'он сжимает ладонь в кулак' - šāb-
gam 'я сжимаю';

4) аффриката + взрывной⁸⁴
šōsk 'чурбак' - šōskist (лок.ед.ч.), pūāskas 'тата в
оленей упряжке' - puāksist (лок.ед.ч.), kašk 'он кусает'
- kāskam 'я кусаю', šašk 'он бросает аркан' - šāskam 'я
бросаю аркан', pūškim 'я прыгал' - pūškam 'я прыгаю';

5) сонант + взрывной:

а) губно-губной + взрывной
sūōpr 'лягушка' - sūōprist (лок.ед.ч.), rūmр 'струп' - rūmр-
ta (аб.ед.ч.), āpra 'пениться' - āprat 'пенился';

б) переднеязычный носовой + взрывной
zūānt 'он сердится' - zient 'сердись', vūā'd 'сосновый
корень' - vuon* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tūānt 'он да-
вит' - tientim 'я давил он';

в) l + взрывной

lūāt 'веретено' - lūāti (ген.-акк.мн.ч.), zēlk 'он бода-
ет' - zēlk 'бодай', zūlr 'серебро' - zūlrinš (дем.),

г) переднеязычный дрожащий + взрывной

piūt 'дом' - piūti (ген.-акк.мн.ч.), foūt 'он летит' -
fert 'лети', kērk 'вертушка в упряжке' - kērk (ном.мн.
ч., ген.-акк.ед.ч.), tūg 'узор' - tūgta (аб.ед.ч.);

⁸⁴ В бабинском диалекте аффриката в качестве первого компонента сочетается только с согласным k. В кильдинском диалекте она может сочетаться, кроме того, с палевым k сонантами. См. К е р т Г.М. Саамский язык..., с.94.

6) сонант + аффриката

ki̯nc 'ноготь' - ki̯nc (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), ka̯nc 'он хлебает' - ka̯nc 'хлебай', vi̯a̯gc 'мешок' - vierci̯st (лок.ед.ч.), o̯rc̯ 'он бежит' - ūrc̯am 'я бегу', ko̯lc̯ 'кольцо' - kō̯lcta (аб.ед.ч.);

7) сонант + щелевой

ta̯iv 'зима' - tā̯ivi (ген.-акк.мн.ч.), si̯iv 'лось' - si̯ivta (аб.ед.ч.), sū̯a̯iv 'сушняк' - sue̯iviat (лок.ед.ч.), ku̯a̯rsim 'я храпел' - ku̯arsim 'мы храпели', sa̯a̯j 'семья' - sa̯a̯jist (лок.ед.ч.), mē̯rs̯ 'меража' - mē̯rsta (аб.ед.ч.), si̯a̯iv 'он кричит' - si̯iv 'кричи';

8) сонант + сонант

kē̯m̯ 'котел' - kē̯m̯ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), a̯im̯ 'небо' - a̯im̯ist (лок.ед.ч.), su̯im̯ 'палец' - sū̯imta (аб.ед.ч.), pō̯im̯ 'луг' - pō̯im̯ist (лок.ед.ч.), sa̯im̯ 'он говорит' - sa̯im̯am 'я говорю', ki̯im̯im̯ 'я замерз' - ki̯im̯im̯ 'мы замерзли';

9) щелевой + взрывной

ī̯e̯k̯ 'кожа человека' - ī̯e̯k̯ist (лок.ед.ч.), a̯st̯ 'он сидит' - a̯st̯am 'я сижу', rī̯k̯ 'лепешка' - rī̯ki̯ (ген.-акк.мн.ч.), a̯st̯ 'он догоняет' - a̯st̯am 'я догону', kē̯jt̯im̯ 'я хвалил' - kē̯jt̯im̯ 'мы хвалили', li̯st̯ 'лист' - li̯st̯ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), pa̯k̯ 'он ласкает' - pa̯k̯ 'ласкай', pē̯j̯r̯ 'трубка' - pē̯j̯rta (аб.ед.ч.), ma̯j̯k̯ 'сиг' - ma̯j̯k̯ist (лок.ед.ч.);

10) щелевой + сонант

pa̯jm̯ 'свадьба' - pa̯jm̯ist (лок.ед.ч.), mē̯jn̯ 'икра' - mē̯jnta (аб.ед.ч.), a̯j̯r̯ 'весло' - a̯j̯ri̯ (ген.-акк.мн.ч.), lē̯m̯p̯ 'торф' - lē̯m̯p̯ta (аб.ед.ч.), šā̯v̯n̯ 'шов' - šā̯v̯nta (аб.ед.ч.), fa̯xm̯ 'корова' - fa̯xm̯ist (лок.ед.ч.), sa̯a̯v̯n̯ 'дятел' - sa̯a̯v̯ni̯ (ген.-акк.мн.ч.);

II) щелевой + щелевой

ro̯j̯v̯ 'пойло' - ro̯j̯vist (лок.ед.ч.), ka̯j̯v̯ 'копать' - ka̯j̯vam̯ 'я копаю', ū̯vj̯ 'пух' - ū̯vji̯ (ген.-акк.мн.ч.), šo̯vj̯ 'живот' - šo̯vj̯ist (лок.ед.ч.), vi̯e̯š̯v̯ 'плавник' - vi̯e̯š̯v̯ta (аб.ед.ч.);

12) сочетания k̯, x̯ + s, š, t, c, č, в которых первый компонент чередуется с неслоговым u̯⁸⁵

⁸⁵ В кильдинском диалекте на месте неслогового u̯ в большинстве случаев выступает v̯, u̯: см. I t k o n e n Tōivo.

Venäjänsarjan konsonanttien astevaihtelu, s.86-89.

о́кя 'сух' - ōisist (лок.ед.ч.), jáxэ 'раздеться' - jāusam
 'я разденусь', ро́кяэ 'натирать' - rōusam 'я натирав', а́кя
 'топор' - aūsi (ген.-акк.мн.ч.), ра́хт 'скала' - rāutist
 (лок.ед.ч.), та́хт 'кость' - tāut (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.),
 míхт 'кочка' - mīuti (ген.-акк.мн.ч.), ка́нс 'восемь' -
 kaucint 'восьмой', һи́хэ 'лебедь' - һицста (аб.ед.ч.),
 ра́хэ 'грести кормовыми веслами' - rāuci 'он греб'.

В бабинском диалекте саамского языка сочетания двух согласных чередуются не только по признаку количества. Широкое распространение получили также чередования сочетаний согласных, при которых первый компонент чередуется по признаку количества, а второй - по глухости-звонкости. При этом первыми компонентами сочетаний могут быть только сонанты и шелевые j, v. Чередования можно представить схемой ху ~ хz, где у - глухой, z - звонкий альтернант чередования. Подобные чередования не характерны для крайневосточных кильдинского и йокань-гоского диалектов.

В чередованиях вступают следующие сочетания согласных:

1) l, n, r, j + k

vūiik 'плечо' - vūigi (ген.-акк.мн.ч.), aike 'начать'
 - ālgam 'я начну', viikim 'я пошел' - vūigim 'мы пошли',
 iieik 'тряпка' - iieigta (аб.ед.ч.), šuikе 'собрать' -
 šougam 'я собираю', nāik 'наволоок' - nārgist (лок.ед.ч.),
 hoike 'свистеть' - hūrgi 'он свистел', šuikе 'идти на лы-
 жках' - šujgam 'я иду на лыжах';

2) l, m, n, r, v, j + t

ālt 'важенка' - āldist (лок.ед.ч.), vaŋtim 'я взял'
 - vaŋdim 'мы взяли', toŋte 'узнать' - tōmdam 'я узнаю',
 suŋt 'тема' - suondist (лок.ед.ч.), šoŋt 'горло' - šōndi
 (ген.-акк.мн.ч.), uŋta 'дать' - ūdam 'я даю', viēt 'раз'
 - vierd (ном.мн.ч., ген.-акк.мн.ч.), juŋte 'думать' - jōr-
 dam 'я думаю', kiŋt 'змея' - kīmdist (лок.ед.ч.), šoŋtim
 'я развязал' - šōmdim 'мы развязали', aŋt 'изгореть' -
 aŋdita (аб.ед.ч.), uŋte 'уйти' - ūdam 'я уйду';

3) м, г, j + p

niḡp 'другой' - niḡbist (лок.ед.ч.), tuḡp 'морда' - tūrbi (ген.-акк.мн.ч.), joḡpe 'качаться' - jōrbī 'он качался', niḡp 'нож' - niḡbta (аб.ед.ч.), kaḡp 'подбородок' - kājbi (ген.-акк.мн.ч.), šeḡp 'хвост' - šeḡbta (аб.ед.ч.);

4) n + c

kiḡc 'ноготь' - kiḡnɟ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), poḡc 'перо' - pōnɟi (ген.-акк.мн.ч.), vaḡc 'се' 'ходить' - vānɟam 'я хожу', kaḡc 'он ест' - kēnɟam 'я ем';

5) м, n, v + c̣

laḡc̣ 'игна' - laḡɟist (лок.ед.ч.), niḡc̣ 'вымя' - niḡta (аб.ед.ч.), šiḡc̣ 'он стоит' - šiḡɟi 'он стоял', viḡc̣ 'он получает' - viḡnɟam 'я получаю', kiḡc̣ 'кумжа' - kiḡɟist (лок.ед.ч.).

Итак, в бабинском диалекте в парадигме слова отмечены трех- и двухступенные чередования интервокальных согласных. Трехступенные чередования происходят по признаку квантитета и глухости-звонкости. Они распространяются на взрывные, аффрикаты и переднеязычные щелевые согласные. В двухступенные квантитативные чередования вступают все согласные, за исключением /f, ɟ, h, x, ʒ, ʒ̣, ʃ, ʃ̣, ʒ̣/.

К особенностям чередования ступеней согласных исследуемого диалекта относятся:

1) чередование сочетаний согласных по схеме $\bar{x}y \sim xy$;

2) чередуясь по признаку глухости-звонкости, переднеязычные щелевые могут быть только геминированными, т.е. $ss \sim zz$, $\bar{ss} \sim \bar{zz}$;

3) широкое распространение получили чередования сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по долготе, а второй - по глухости-звонкости, т.е. $\bar{x}y \sim xz$. Первыми компонентами сочетаний могут быть только сонанты и щелевые.

Фонемная структура слова

Из четырех видов структур слова (фонемной, структуры соединения фонем, силлабической и акцентно-ритмической)⁸⁶ на

⁸⁶ Горсучев Г.П. Вопросы фонетической структуры слова. М.; Л., 1962, с.5.

материале саамского языка в наибольшей мере исследована фонемная структура, включающая в себя состав и количество фонем, их распределение и возможные сочетания в различных положениях слова⁸⁷. Наименее исследованной, по крайней мере, на материале кольско-саамских диалектов, остается акцентно-ритмическая структура слова.

Исследование всех четырех компонентов фонетической структуры слова невозможно в рамках настоящей работы. Нами будет рассмотрена фонемная структура бабинского диалекта в сравнении с наиболее исследованным в этом аспекте кльдинским диалектом.

В бабинском диалекте количество фонем в слове может быть разным: от одной (i 'и') до двадцати одной (niknēstēl-
lǫkūtt'er'p'e 'вы начнете икать')⁸⁸.

Рассматривая фонемную структуру слова, остановимся на вопросах распределения фонем и их сочетаний по отношению к началу, концу и середине слова. Основное внимание будет уделяться возможным появлениям и запретам согласных и их сочетаний в названных позициях. Запреты появления гласных не будут столь значительными, поэтому данной проблеме будет уделено меньше внимания. При характеристике фонемной структуры слова принимается во внимание структура изолированно произнесенного слова.

Структура начала слова

В позиции абсолютного начала слова выступают все без исключения гласные, например, aĭk 'он начинает', aĭk 'старуха', oĭm 'человек', uĕĕ 'лягать', eĭnĭā 'паук', ĭm 'крутой', ij 'нет', aĭā 'теперь'.

Из согласных в англутной позиции не встречаются /ŋ, ŋ̄, ʒ, ʒ̄, ʒ̄̄/. Определенные ограничения накладываются также на звонкие согласные /g, d, b, z, ʒ/. В словаре Т.И. Итконена зафиксировано три собственно саамских слова, начинающихся на

⁸⁷ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.71-81.

⁸⁸ Не исключено, что в диалекте имеются слова с большим количеством фонем.

/g/: garra 'к', gjak 'надо', guška 'для'⁸⁹. В остальных случаях в начале слова этот согласный представлен в заимствованиях из русского языка, например, gofex 'голик', goda, палла 'погодному', gošt'nes 'гостинец' и пр.⁹⁰ Другие звонкие согласные выступают в анляутной позиции только в русских заимствованиях, например, biežmeñ 'безмен', butfik 'бутылка', dubbi 'дубить', di 'и, да', zāveš 'занавес', žennix 'жених'. Таким образом, начало слова в бабинском диалекте саамского языка в подавляющем большинстве представлено глухими согласными. Из глухих согласных в начале собственно саамских слов не выступает согласный /t/. Он представлен только в отдельных антропонимах, например, fejk 'Феня', feik 'Филипп', fodot 'Федот', fajdi 'Фадей', fōk 'Фока'. В других он замещается согласными /v, k, h/ или выпадает: vetter 'Федор', kōmšš 'Фома', baḡa 'Фекла', iifer 'Филипп'. Отсутствие этого согласного в начале слова и довольно редкое употребление в других позициях свидетельствует, вероятно, о том, что он появился в исследуемом диалекте сравнительно недавно.

В позиции абсолютного начала слова запреты накладываются на сочетания двух и более согласных, если не принимать во внимание дескриптивные слова и заимствования из русского языка: kra-kra 'кар-кар', křěäšš 'кряж', pross 'просо', pğāž-ñek 'праздник' и др. В отдельных случаях стечения двух согласных в начале слова устраняются или посредством усечения одного из согласных, или путем вставки между ними протетического гласного, например, fahpan 'Степан', tořhim 'Трофим', ženičnij javv 'пшеничная мука' и др. В настоящее время, однако, когда саамы довольно свободно говорят на русском языке, сочетания двух согласных в начале русских заимствований сохраняются, например, stokan, srub, štobi, vlašf, gramotnij, klass, krič и др.

⁸⁹ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja..., s.33-35.

⁹⁰ Здесь и далее имеются в виду ранние заимствования из русского языка.

Структура абсолютного конца слова

Абсолютный конец слова в саамском языке может оканчиваться как на гласный, так и на согласный. Из согласных в рассматриваемой позиции не встречаются /x, ɣ, h, ŋ, ʁ/. Согласный /r/ может находиться в конце слова только в антропониме: morf 'Марфа'. Остальные согласные: звонкие и глухие, палатализованные и непалатализованные — выступают в аусляуте беспрепятственно. Следует лишь отметить, что звонкий согласный в конце слова имеет тенденцию к оглушению, хотя этот процесс значительно сдерживается причинами грамматического характера. При этом оглушению больше подвержены звонкие взрывные, тогда как аффрикаты и щелевые почти не оглушаются. В абсолютном конце слова невозможны билабиальные /o, ʔ/, за исключением слова vuogo 'раз'. Гласный /u/ выступает в аусляуте лишь в местоимениях ku 'который', mi 'мой', tu 'твой', su 'его'.

Принято считать, что финно-угорская основа лучше всего сохранилась в большинстве прибалтийско-финских и саамском языках⁹¹. Данное положение, однако, распространяется не на все диалекты саамского языка. В бабинском диалекте, как и в кильдинском, конечные гласные двусложных существительных повсеместно отпали, что привело к образованию значительного количества односложных слов, например, piirt 'дом', talv 'зима', jaŋŋ 'озеро', kiŋŋc 'ноготь', ievv 'хлев', suiŋŋr 'осина', tuŋŋp 'морда', vüŋŋs 'теленоч' (сравни: фин. pirtti, talvi, järvi, kynsi, läävä, haara, turpa, vasa). В отдельных прибалтийско-финских языках отпадение конечных гласных происходило в определенных фонетических условиях, а именно, если слово было двусложным и первый слог долгим или закрытым, а также во всех многосложных словах⁹². В кольско-саамских диалектах, за исключением Йоканьгского, отпадение конечного гласного происходит фронтально во всех словах.

⁹¹ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития..., с.202.

⁹² T u n k e l o E. A. Verpaan kielen äännehistoria. Hki, 1946. - S.755-756.-(SKST;228).

Примечательно также то, что отпавший конечный гласный не восстанавливается в косвенных падежах, как это имеет место, например, в вепском языке⁹³. В косвенных падежах бабинского и кильдинского диалектов появляется гласный, который соединяет согласную основу слова и падежно-числовое окончание, состоящее из согласного или начинающееся с него: *kehp* 'лицца' - *keb-i-st* (лок.ед.ч.) - *kehp-i-n* (эсс.), *kēb-i-n* (ком.ед.ч.) - *kēb-i-guim* (ком.мн.ч.). Причем этот гласный (в бабинском диалекте -i, в кильдинском -e) проходит по всем падежам и со всеми словами. У глагола конечные гласные отпали в формах 3 л.ед. числа презенса изъявительного наклонения и 2 л.ед. числа повелительного наклонения: *pūht* 'он придет', *lohk* 'он читает', *vūājj* 'он пьет' (сравни:лок. *pūhta*, *lohka*, *vūājja*), *vānz* 'иди', *riag* 'плячь', *vuj* 'пьюви'. Отпадение конечных гласных в саамском, как и в других финно-угорских языках, можно объяснить, видимо, тем, что ударение, покоящееся на первом слоге, привело сначала к редуцированию конечного гласного, а затем к полному его исчезновению⁹⁴. На редуцицию их в виде сверхкратких гласных указывают материалы словаря Т.И.Итконена: кильд. *suol^a* 'вор', *suol^(a)* 'остров', *tiep^{skE}* 'деньги' (ном.ед.ч.), *tsuam^a* 'лягушка', *mal^a* 'он уходит', *puel^a* 'опустошает'. В материалах А.Генсра, конечный гласный уже не фиксируется: *su^l* 'остров', *te^{sk}* 'деньги' (ном.ед.ч.), *suom^r* 'лягушка'. Отпадение конечных гласных привело к тому, что слова стали оканчиваться не только на одиночный согласный, но и на сочетания двух согласных: *ji^{sk}* 'душа', *vi^{de}* 'мешок', *ko^{it}* 'он убьет', *jo^{it}* 'он думает'. Стечения трех согласных появляются в середине слова на стыке слогов и морфем⁹⁵.

⁹³ З а й ц е в а Н.Г. Именное словоизменение в вепском языке: (История и функционирование форм слова). Пестрозаводск, 1981, с.57-61.

⁹⁴ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития..., с.203.

⁹⁵ Исключением является заимствование *tor^{sk}* 'треска'.

Научное значение имеет определение типов сочетаний согласных в разных позициях слова. В работе рассмотрены сочетания двух качественно различных согласных в конце слова и на стыке слогов с тем, чтобы установить, на какие группы согласных накладываются запреты в указанных позициях. Затем проанализированы сочетания трех и четырех согласных внутри слова.

Сочетания двух согласных в конце слова и на стыке слогов

В конце слова и на стыке слогов сочетаются следующие согласные:

1) взрывной + взрывной⁹⁶. Из 30 теоретически возможных сочетаний в конце слова встречаются 3, на стыке слогов 10 - (tk), (pt), (dg)⁹⁷, kt, bk, gt, gd, dt, bt, bd: koṭk 'муравей', čuātkā 'в чирка', koṭt 'широкий', nūrta 'без насморка', kiēdg 'камень', čuodga 'чирки', fiktēlmj 'трогать', tabka 'з табак', niḡdam 'я вижу сон', niḡte 'видеть сон', nuad'ta 'без ноши', nāb'ta 'без чашки', kobdar 'шире';

2) взрывной + аффриката. Из 24 возможных сочетаний в конце слова выявляются 2, в середине 5 - (pč), (pč), kč, gč, dč: siṛč'čipin' (ном.ед.ч.)-siṛčj (ген.-акк.мн.ч.), koṛč 'он собирает', zuoṛčim 'я раскидал бы', ruḡčim 'я привел бы';

3) взрывной + щелевой. Из 60 теоретически возможных сочетаний в конце слова обнаружено 5, на стыке слогов 10 - (pā), (pā), (dv), (bj), (kā), kā, gā, dā, dā, dj:

lāṛpā 'роса' - lāṛpāin' (эсс.), čōṛpā 'он любит' - čōṛpār' 'мы любим', lād'v 'вершина' - lād'vijst (лок.ед.ч.), kēbj 'пыль, перхоть' - kēbjin' (ком.ед.ч.), kiḡs 'ковч'

⁹⁶ Анализ сочетаний согласных производится без учета дифференциального признака твердости-мягкости, краткости-долготы согласных, так как, во-первых, нас интересовала сочетаемость разных по способу образования согласных, во-вторых, учет дополнительного признака значительно расширил бы этот раздел.

⁹⁷ В скобках приводятся сочетания двух согласных, встречающиеся как в конце слова, так и на стыке слогов.

- kuksin* (эсс.), nūksist 'в щуке', rođjam 'я ругаю',
leđsa 'в запястье', niedži 'девочек' (ген.-акк.мн.ч.),
vuadjam 'я сплю';

4) взрывной + сонант. Из 30 возможных сочетаний в конце слова встречаются 2, на стыке слогов I6 - (br), (bl), br,
dr, dm, dn, gl, gr, pr, pm, pn, tr, tm, tl, km, kn:

čabŕ 'он сжимает' - čabŕam 'я сжимаю', kūbŕa 'снежная стена' - kūbŕain* (эсс.), kēbnist 'в пузырье', mōdri 'красивый', čedmiš 'процедивший', sodnitti 'волн' (парт.), čigaretta 'цекотать', čigritti 'кегор' (парт.), kaŕrata 'без шапки', sueršus 'самый легкий', fahrneš 'легкие' (ном. ед.ч.), ketrin 'Екатерина', jātmuš 'голубика', paitlette 'жениться', čokmist 'в гребне', stokna 'в стакан';

5) аффриката + взрывной. Из 24 теоретически возможных сочетаний в конце слова обнаружено I сочетание, на стыке слогов 6 - (sk), st, čk, čt, žt, žt:

ŕusk 'сырой', kēskam 'я грызу', vāsta 'без варежки',
riščeŕ 'ударь', fačta 'без конца', ēžta 'без отца', sažta 'без воды';

6) аффриката + аффриката. Из 12 возможных сочетаний в конце слова не встречается ни одного, на стыке слогов 3 -
čč, žč, žč:

čehšim 'я красил бы (сети)', ružšim 'я болел бы', vuopžšim 'я достал бы';

7) аффриката + целевой. Из 40 возможных сочетаний в конце слова не обнаружено ни одного, на стыке слогов 6 -
cv, cĵ, čv, čs, žž, žj:

kūčvet't'e 'вы правите веслом', koŕčjam 'я просыпаюсь',
kečvet't'te 'вы спросите', mošvar 'красивее', sažža 'в синицу', liēžjam 'я ставлю (сети)';

8) аффриката + сонант. Из 20 теоретически возможных сочетаний в конце слова не встречается ни одного, на стыке слогов 4 -
sl, sm, čl, čr:

ruosla 'руды', kusmas 'самый тухлый', višga 'в молоток',
ruščlam 'я крутану';

9) целевой + взрывной. Из 60 возможных сочетаний в конце слова и на стыке слогов обнаружено по I7: (st), (sk),
(xt), (xt), (vt), (vd), (šk), (št), (jk), (jg), (jp), (jb),

(jt), (jd), (hk), (hp), (ht):

лišt 'лист', vuostam 'я покупаю', vüöšk 'окунь', kēskam 'я высекаю огонь', рахт 'скала' - рāūt (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - рахтин* (эсс.) - рāūtist (лок.ед.ч.), кушт 'змея' - күшд (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - куштin* (эсс.) - күшдин* (ком.ед.ч.), кошк 'сухой', көшkam 'я сушу', рашт 'он печет', рāстам 'я пеку', мажк 'сиг' - мажg (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - мажка (дат.-илл.ед.ч.) - мажgist (лок.ед.ч.), nižr 'нож' - nižb (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - nižrin* (эсс.) - nižbin* (ком.ед.ч.), sijt 'погост' - sijd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - sijtin* (эсс.) - sijdist (лок.ед.ч.), kihk 'кукушка', riehkist 'в грехе', раһр 'поп' - рāһrist (лок.ед.ч.), кушт* 'вежа', куштэмam 'я пробую';

IO) щелевой + аффриката. Из 40 теоретически возможных сочетаний в конце слова выявляются 7, на стыке слогов II - (хс), (цс), (вс), (вж), (јс), јс, сс, (һс), (һс), зс, зс: сохс 'осень' - соүс (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - сохса (дат.-илл.ед.ч.) - соүсist (лок.ед.ч.), кувс 'кумжа' - күвж (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - кувcin (эсс.) - күвжist (лок.ед.ч.), рујс 'бочка' - рүјсist (лок.ед.ч.), vuaјsim 'я ехал бн', kosјim 'я косил бн', роzјim 'я дул бн', vahc 'варежка' - vahcјist (лок.ед.ч.), шс 'отец' - шсca (дат.-илл.ед.ч.), leјsim 'я лежал бн';

II) щелевой + щелевой. Из 90 теоретически возможных сочетаний в конце слова представлено 6, на стыке слогов II - (хв), (цв), (хв), (цв), (vj), (јv), жv, хj, sv, vj, vs: uхв 'дверь' - цв (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - uхvin* (эсс.) - цvin* (ком.ед.ч.), сiхв 'утка-чернушка' - сiцв (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - сiхvin (эсс.) - сiцvјist (лок.ед.ч.), соүј 'живот' - соүја (дат.-илл.ед.ч.), кајv 'колюдец' - кајvјist (лок.ед.ч.), leјvet't'e 'вы лежите', похјam 'я нхкаю', vieјviš 'оса', ајja 'в одежду', лув-зette 'свободных оленей' (парт.);

12) щелевой + сонант. Из 50 возможных сочетаний в конце слова встречаются 10, на стыке слогов I6 - (хп), (хп), (vl), (vn), (vr), vm, (jm), (jn), (jr), (žn), зп, вm, вn, зп, (jl), žn:

fāxm 'корова' - fāxmist (лок.ед.ч.), kaxn 'плохой' - kaxnīn* (эсс.), vāvī 'омут' - vāvīst (лок.ед.ч.), šāv'n* 'шов' - šāv'nīn* (эсс.), jašr 'озеро' - jašra (дат.-илл. ед.ч.), šuvvus 'самый светлый', sašm 'сеть' - sašmi (ген.-акк.мн.ч.), mējn 'икра' - mējnīn* (эсс.), ašr 'весло' - ašrta (аб.ед.ч.), vūšn 'налим' - vūšnist (лок.ед.ч.), gōsmist лок.ед.ч. от gossai 'рассол', posmīs 'дувший', sviznak 'ты бросишь', neznist лок.ед.ч. от nizzan 'кончина', ješr 'ягель' - ješrist (лок.ед.ч.), kašnī 'каждый';

13) сонант + взрывной. Из 30 возможных сочетаний в конце слова выступают 19, на стыке слогов 2I - (lk), (lg), (lt), (ld), (lp), (lb), (mp), (mt), (md), (nt), (nd), (rk), (rg), (rp), (rb), (rd), (rt), (rč), (rk), rč, rč*:

šolk 'слеза' - šolka (дат.-илл.ед.ч.) - šolg (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - šolgi (ген.-акк.мн.ч.), aīt 'важенка' - āld (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - āldi (ген.-акк.мн.ч.) - aīta (дат.-илл.ед.ч.), sīlr 'серебро' - sīlb (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - sīlrīn* (эсс.) - sīlbīn* (ком.ед.ч.), sūōpr (~ sūōmb) 'лягушка' - sūōpri (ген.-акк.мн.ч.), tōm-dam 'я узнаю' - tomt 'он узнает' - tomā 'узнай' - tomtar* 'мы узнаем', kōn't 'дикий олень' - kōn'd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - kōn'tīn* (эсс.) - kōn'dīst (лок.ед.ч.), ješk 'бык' - jērg (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - jaška (дат.-илл.ед.ч.) - jērgīn* (ком.ед.ч.), tušr 'морды' - tūrb (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - tušrīn* (эсс.) - tūrbist (лок.ед.ч.), jošt 'он думает' - jušd 'думай' - jošdam 'я думаю' - juštar* 'мы думаем' - šōrk 'он собирает' - šong 'собери' - šūrkar* 'мы собираем', - šūngi 'он собрал', vuaršdam 'я отдышал', jīnta 'без льда';

14) сонант + аффриката. Из 20 возможных сочетаний в конце слова встречаются 9, на стыке слогов II - (lc), (lč), (mč), (mž), (nc), (nž), (nč), (nž), (rc), rč, rč*:

koīc 'кольцо' - kōīcī (ген.-акк.ед.ч.), kaīc 'улитка', rēlšim 'я боялся бы', lēšc 'игна' - lēšcīn* (эсс.) - lēšmžist (лок.ед.ч.) - lēšmž (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kīnc 'ноготь', - kīncīn* (эсс.) - kīcnž (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - kīcnžī (ген.-акк.мн.ч.), šōnc 'он стоит' - šūncar 'мы стоим' - šonž 'стой' - šūncam 'я стою',

vīr̥c̥s̥ 'мешок' - vierc̥ist (лок.ед.ч.), vūr̥c̥ist 'у воронн',
c̥aŋc̥im 'я вполз об';

15) сонант + целевой. Из 50 возможных сочетаний в конце слова обнаружено 8, на стыке слогов I8 - лs, (лv), (lj), (лв), (mj), m̥s̥, m̥a, m̥z̥, m̥v, лv, лs, (r̥s̥), (rs̥), (rv), (rj), r̥j, r̥s̥, r̥j: kalm̥iš 'старичок', olv 'он воет' - olvar 'мы воем', tuļje 'держать', c̥iēļj 'поясница', kelš 'гололедица', vālšam 'я вынобран', s̥am̥j 'семья' - s̥am̥jist (лок.ед.ч.), ramšette 'радоваться', kamsata 'без койбн' (шкура с ног оленя), simšar 'меньше', jamvet't'e 'вы умираете', manvat't'e 'вы уходите', vīlvi 'модок' (парт.), c̥iārs̥ 'утка', vīšam 'я замешиваю', kūārs̥ 'он храпит', vieršar 'более чужой', c̥uarvam 'я кричу', šoŋv 'он кричит', kiŋj 'узор' - kiŋji (ген.-акк.мл.ч.), c̥iūja 'в гуся', tuŋzata 'без замятн', c̥iūja 'в наст';

16) сонант + сонант. Из 20 возможных сочетаний в конце слова встречаются 5, на стыке слогов I2 - (лm), лn, lŋ, m̥l, (m̥n), m̥r, n̥l, n̥m, (r̥m), (r̥n), (r̥ŋ), r̥l: kiļm 'холодный', ask̥l̥m̥iš 'обнявший', kuallas 'утка-чернушка', jaļceš 'пень (высокий)', koļle 'лечь', tiešm̥ 'котел' - tiešnist (лок.ед.ч.), kuamrist 'в ладони', rop̥l̥šam 'я возвращаюсь', m̥iŋm̥iš 'ушедший', uŋm̥ 'оспа' - uŋma (дат.-илл.ед.ч.), raŋn̥ 'ребенок' - raŋnist (лок.ед.ч.), kūārs̥ 'он вползает' - kuaršam 'я вползаю', c̥aŋšam 'я ныряю'.

Исходя из проведенного анализа сочетаемости двух согласных в конце слова и на стыке слогов (см. также таблицы), можно сделать следующие выводы.

1. Количество сочетаний на стыке слогов (I77) значительно больше, чем в конце слова (94).

2. В конце слова отсутствуют сочетания двух согласных, первым компонентом которых были бы аффрикаты, за исключением сочетания sk. На стыке слогов из 96 теоретически возможных сочетаний их обнаружено 19, другими словами, сочетания этого типа не являются характерными ни для середины, ни тем более для конца слова.

3. В конце слова очень редки также сочетания, первым компонентом которых были бы взрывные согласные; из 144 сочетаний имеется только 12. На стыке слогов их количество

Таблица сочетаемости двух согласных в конце слова*

	Смычные взрывные					Аффрикаты			Щелевые							Сонанты								
	k	t	ʔ	d	b	c	č	ʒ	f	s	x	h	v	z	j	š	ž	u	l	m	n	r	ŋ	
Смычные взрывные	k	+							+															
	t	+																						
	ʔ						++		+							+								
	d				+								+											
	b													+					+				+	
															+					+				+
Аффрикаты	c	+																						
	č	+																						
	ʒ																							
	ʒ																							
Щелевые	ʔ																							
	s	++																						
	x	+					+		+						+						+	+		
	h	++					++																	
	v	+			+		+		+						+						+		+	+
	z																							
	j	+	+	+	+	+	+							+							+	+	+	+
	š	+																				+		
	ž																							
	u	+						+		+							+							
Сонанты	l	+	+	+	+	+	+						+		+	+					+			
	m	+	+		+		+								+							+		
	n	+		+			+	+	+														+	
	r	+	+	+	+	+	+			+			+		+	+						+		+
	ŋ	+			+																			

* Согласные по вертикали являются первыми, по горизонтали - вторыми компонентами сочетаний согласных.

Таблица сочетаемости двух согласных на стыке слогов

	Смьчные взрывные					Аффри- каты				Шелевые								Сонанты									
	k	t	p	g	ɗ	c	ɕ	ʃ	ʒ	f	s	x	h	v	z	j	ɟ	ʒ	ɲ	l	m	n	r	ŋ			
Смьчные взрывные	k	+								+											+	+					
	t	+																				+	+				
	p		+					+	+		+											+	+		+		
	g			+																		+			+		
	ɗ				+							+											+	+		+	
	ɕ	+	+																			+			+		
Аффрикаты	c	+	+																		+	+					
	ɕ	+	+								+											+			+		
	ʃ		+																								
	ʒ																										
	ʒ																										
	ɲ																										
Шелевые	f																										
	s		+	+																		+	+		+		
	x											+															
	h																										
	v													+								+	+		+		
	z																					+	+		+		
	j																										
	ɟ																										
	ʒ																										
	ɲ																										
	ŋ																										
	Сонанты	l		+	+	+																					+
m				+	+																						
n					+																						
r																											
ŋ																											
ɲ																											

достигает 4I.

4. Более сочетаемы группы согласных, первым компонентом которых являются щелевые согласные: из 240 теоретически возможных сочетаний в конце слова имеется 40, на стыке слогов - 55.

5. Наиболее сочетаемыми в качестве первых компонентов являются сонанты: из 120 возможных сочетаний в конце слова представлено 4I, на стыке слогов - 62. Наилучшая сочетаемость сонорных с другими согласными объясняется тем, что собственные долготы носовых и ликвид, как показывают измерения, самые краткие по сравнению с собственными долготами других согласных, поэтому сочетания с сонорными согласными относительно легко произносятся⁹⁸.

6. Нетрудно заметить, что в исследуемом диалекте в конце слова чрезвычайно редко встречаются сочетания, близкие по способу образования согласных. Имеются всего лишь 3 сочетания (из 30) типа взрывной + взрывной, 6 сочетаний (из 90) щелевой + щелевой, 5 сочетаний (из 20) сонант + сонант, полностью отсутствуют сочетания согласных типа аффриката + аффриката. Данное положение имеет универсальный характер и подтверждает точку зрения о том, что язык вообще избегает сочетаний двух, очень близких по способу образования согласных⁹⁹. Однако это нельзя утверждать относительно сочетаний согласных на стыке слогов. Здесь особенно значительны сочетания типа сонант + сонант, сочетания остальных, близких по способу образования согласных, встречаются в них чаще, чем в конце слова.

7. В конце слова и на стыке слогов наиболее высокой сочетаемостью в качестве первого компонента обладают согласные /j, l, m, n, r, v/, в качестве второго - согласные /t, č, ʃ, ʂ, p, r/. В конце слова не встречается сочетаний, первыми компонентами которых были бы согласные /g, č, ʒ, ʒ, f, z, ʒ/, а вторыми - /f, x, h, ʒ, u/. На стыке слогов согласный /f/ не вступает в сочетания в качестве первого, а согласные /f, x,

---

⁹⁸ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus..., s. 180.

⁹⁹ Ibid., s. 144.

h, z, ŋ/ - в качестве второго компонента сочетаний. Согласный /t/, таким образом, не вступает ни в какие сочетания как в конце слова, так и на стыке слогов¹⁰⁰. Этот согласный появился в исследуемом диалекте, видимо, сравнительно недавно. Во всех позициях в качестве второго компонента не сочетаются также целевие /x, h/, что объясняется, вероятно, особенностью фонетической структуры бабинского диалекта, поскольку в кильдинском диалекте данные сочетания вполне допустимы¹⁰¹.

8. В бабинском диалекте и диалекте Колтта¹⁰² имеются сочетания с первым *ç*-овым и вторым *ʒ, ʒ̣*-овыми компонентами, которые полностью отсутствуют в кильдинском диалекте.

Сочетания трех и четырех согласных

Сочетания трех и четырех согласных обнаруживаются в саамском языке только на стыке слогов и морфем.

Сочетания трех согласных являются в кольско-саамских диалектах не менее характерными, чем сочетания двух. Г.М.Керт в своей работе "Саамский язык" классифицирует их по артикуляционному принципу. Мы же попытались разграничить все сочетания трех согласных по их последнему компоненту, с тем чтобы нагляднее представить причины стечения согласных.

1. Сочетания трех согласных наблюдаются у двусложных существительных и прилагательных, при словоизменении которых происходит выпадение гласных второго слога. При этом возможны следующие сочетания трех согласных:

а) сочетания с третьим *s*-овым компонентом - *rts, rns, lks, rns, lgs, nts, rgs, p̄s, jks, jvs, lms, çrs, rbs, cks, ças, rks, rvs, sks, nls*:
puartas 'лестница' - *puartsist* (лок.ед.ч.), *çurmas* 'град'
 - *çurmsi* (ген.-акк.мн.ч.), *paigeš* 'тропа' - *paiksist* (лок.

¹⁰⁰ Исключение составляют антропимы *morf* 'Марфа', *ānfisk* 'Анфиса' и др.

¹⁰¹ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.72-73.

¹⁰² *I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu...*, с. 61-66, 86-89; *K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltleppischen...*, с.27.

ед.ч.), kārns 'ворон' - kārnsata (аб.ед.ч.), ņeīģeš 'сладкий' - ņalģsar 'слаще', kandas 'оленья поклажа' - kantsi (ген.-акк.мн.ч.), роģgas 'парус' - роģgsata (аб.ед.ч.), nīpčas 'палка для прожаривания рыбы' - nīpčsist (лок.ед.ч.), vujkiš 'прямой' - vujksar 'прямее', viļvas 'печень' - viļvsa (дат.-илл.ед.ч.), kiļmas 'холодный' - kiļmsar 'холодное', nauģas 'репа' - nauģsist (лок.ед.ч.), jorbas 'круглый' - jorbsar 'круглее', ņucķeš 'сырой' - ņucksar 'срее', ņeļlas 'самца' - ņeļlsist (лок.ед.ч.), marksīš 'рубль' - marksīšča (дат.-илл.ед.ч.), saīviš 'гирвас' - sarvsa (дат.-илл.ед.ч.), kiškas 'вереск' - kišksi (ген.-акк.мн.ч.);

б) сочетания с третьим $\check{z}$ -овым компонентом¹⁰³ - jāž, rņž, dgž, vrž, mņž, uņž:
 sijdīš 'погост' (дем.) - sijdža (дат.-илл.ед.ч.), parniš 'мальчик' - parnīžiti (парт.), tiedģiš 'камешек' - tiedģža (дат.-илл.ед.ч.), jaņriš 'озерко' - jaņžata (аб.ед.ч.), tieņniš 'котелок' - tieņnīžiti (парт.), ouņiš 'человек' - ouņsist (лок.ед.ч.);

в) сочетания, третьим компонентом которых являются сонанты /л, м, г/ либо щелевой /v/- rnl, mrl, uql, stm, stv, škr, gžv:

kiģāal 'локоть' - kiģāalist (лок.ед.ч.), liμβeal 'озерко в разливе реки' - liμβri (ген.-акк.мн.ч.), kauqal 'гниль в дереве' - kauqlist (лок.ед.ч.), raštam 'ложка' - raštmist (лок.ед.ч.), rōstov 'рождество' - rōstvist (лок.ед.ч.), řeķeš 'горький' - řeķrap 'горьше', kuģāv 'иней' - kuģāvist (лок.ед.ч.).

2. Сочетания трех согласных наблюдаются в абессиве ед. числа у тех существительных, которые оканчиваются на сочетания двух согласных. В этом случае возникают сочетания трех согласных, последним компонентом которых является согласный t, входящий в состав падежного окончания абессива -ta. Это сочетания согласных - tkt, pst, dgt, dvt, brt, sct, ldt, mdt, rdt, lbt, lvt, lgt, lmt, let, lžt, mnt, mžt, nyt, ndt,

¹⁰³ Эти сочетания возникают при изменении по падежам деминутивных существительных.

ņgt, rkt, rvt, rot, rēt, rmt, rnt, jpt, jbt, jrt, jvt, jat,
jgt, jct, jmt, jnt, vnt, vrt, vjt, vlt, vdt, vst, ūst, ūst,
ūct, škt, šnt, xnt, xnt, ckt:

koikta 'без муравья',¹⁰⁴ maŗsta 'роса', kiedgta 'камень',
lad'vta 'вершина', eŗta 'дождь', raŗkta 'печок' (одежда
глухого покроя), aŗta 'важенка', rŗm'd'ta 'борт', xŗrdta
'внешний угол дома', sŗabta 'серебро', tŗlvta 'зима',
jŗsŗgta 'нога', aŗmta 'небо', kŗoŗsta 'кольцо', kŗŗŗta
'улитка', rŗmŗta 'лиса', lŗmŗta 'иголка', kŗŗŗta 'ноготь',
ŗoŗndta 'горло', jŗŗta 'душа', tŗrkta 'шуба', řŗrvta 'пеш-
ня', raŗŗta 'шишка', vuorŗta 'ворона', sŗŗmta 'палец',
raŗŗ'ta 'ребенок', rŗŗŗta 'трубка', ľŗŗbta 'хлеб', řŗŗta
'весло', rŗŗvtta 'день', sŗŗŗta 'погост', rŗŗgta 'дыра',
rŗŗŗta 'бочка', sŗŗŗta 'сеть', sŗŗŗta 'сено', řŗŗŗ'ta
'шов', kŗŗŗta 'бурав', kŗŗŗta 'кумжа', rŗŗvtta 'колени',
kŗŗŗta 'змея', řŗŗta 'топор', ūŗŗta 'дверь', ľŗŗŗta 'ле-
бедь', řŗŗŗta 'комар', řŗŗŗ'ta 'дятел', ľŗŗŗta 'корова',
ŗŗŗŗta 'плохой', řŗŗŗta 'чурбак'.

3. Сочетания трех согласных широко представлены в глаголах. Третий компонент сочетаний является или словоизменительным, или словообразовательным суффиксом, или входящим в состав таковых. При этом имеются следующие сочетания трех согласных:

а) сочетания с третьим ť-овым компонентом, являющимся признаком сослагательного наклонения глаголов, - rdŗ, rdŗ, rŗŗ, rŗŗ, rvŗ, rgŗ, nŗŗ, nŗŗ, ndŗ, mdŗ, etŗ, skŗ, utŗ, ūŗŗ, skŗ, lgŗ, lkŗ, vkŗ, raŗ, raŗ, brŗ, jŗŗ, jtŗ:
jorŗŗŗŗ 'я думал бы',¹⁰⁵ kuarŗŗŗ 'храпеть', řŗŗŗŗ 'рас-
сказать', kuarŗŗŗ 'вползти', řŗŗŗŗ 'кричать', norŗŗŗ 'свистеть', vuarŗŗŗ 'достать', kŗŗŗŗ 'есть', řŗŗŗŗ 'сердиться', tonŗŗŗ 'узнать', juorŗŗŗ 'рубить лед', vuorŗŗŗ 'жевать', řŗŗŗŗ 'сидеть', toŗŗŗŗ 'сдирать', ľŗŗŗŗ 'выйти на улицу', laŗŗŗŗ 'лететь', řŗŗŗŗ 'бросить', vuorŗŗŗ 'прийти', toŗŗŗŗ 'понять', ľŗŗŗŗ 'лас-

¹⁰⁴ Далее слова переводятся в форме именительного падежа.

¹⁰⁵ Далее глаголы переводятся в неопределенно-личной форме.

кать', ар̄с̄с̄им 'пахнуть', тор̄с̄с̄им 'топать', с̄аб̄р̄с̄им 'ски-
мать', с̄иж̄с̄им 'смеяться', л̄аж̄с̄им 'охаять';

б) сочетания с третьим ш-овым компонентом, входящим в состав суффикса причастий на -m̄iñč, -m̄iñč, m̄iš, m̄iš, -ma, -rtm, r̄em, um̄, ut̄m, ckm, lkm, vkm, štm, st̄m, psm, p̄sm, br̄m, jkm, j̄m, r̄m, rkm, rvm, ntm: m̄ert̄m̄iš 'жевавший', kuars̄m̄iš 'хранивший', koñm̄iš 'на-
шедший', šout̄ma 'развязавший', kask̄ma 'грызущий', toik̄ma 'понявший', ñačk̄m̄iñč 'ласкавший', išt̄ma 'сидевший', kuost̄ma 'видевший', ар̄ма 'пахнущий', тор̄ма 'тончущий', с̄аб̄r̄m̄iñč 'скавший', ñork̄ma 'скачущий', s̄ij̄m̄iñč 'смеявшийся', kuars̄ma 'ползущий', ñork̄m̄iš 'свистевший', šorḡm̄iñč 'кри-
чавший', sient̄m̄iñč 'сердившийся';

в) сочетания с третьими l, j, t, d -овыми компонентами, которые являются глагольными словообразовательными суффикса-
ми, - p̄cl, čkl, lkl, ntl, ūkl, škl, rtl, skl, štl, xsl, rpl, psl, rgl, stl, h̄cl, xmj, x̄cj, štj, vtj, lkj, ūcj, rpj, brj, stj, lvj, rvj, lgt, s̄kt, rkt, lkt, rvt, l̄ct, brt, ckt, lvt, rvd:

kor̄s̄le 'собирать', ñišk̄le 'прыгать', vuk̄l̄j 'собираться', kant̄le 'скандалить', sučk̄le 'целовать', ģašk̄l̄j 'выстрелить', sirt̄le 'передвинуть', ñišk̄le 'мездрить', mušt̄le 'вспоминать', roxs̄le 'мазать', jorḡle 'качать', ар̄s̄le 'по-
хаты', jorḡle 'перевернуть', jušt̄le 'рубить лед', kieš̄le 'пробовать', tor̄m̄je 'портиться', kuh̄s̄je 'протухнуть', ašt̄-
ji 'обещать', iest̄je 'петь', toik̄je 'толочь', suš̄je 'от-
морозить', tuaġr̄je 'ботать', с̄аб̄r̄je 'скимать', kuest̄je 'видеться', olv̄je 'внть', šuarv̄je 'кричать', alḡt̄j 'начи-
нать', kuisk̄t̄j 'попадать', tirk̄t̄j 'успевать', paik̄t̄j 'на-
нимать', tirvt̄j 'приветствовать', moiš̄t̄j 'соскользнуть', ñiebr̄t̄j 'украшать', šack̄t̄j 'гасить', olvt̄j 'завивать', ar̄v̄de 'угадывать';

г) сочетания трех согласных, в состав которых входит суффикс моментативности -st, - šst, rst, dst, žst, kst, čst, nst, lst, pst, ŗst, gst:

moš̄tel̄l̄j 'вспомнить', ar̄st̄e 'остановить', led̄st̄e 'резать
тушу по суставам', ñej̄št̄j 'вырвать', šučk̄st̄j 'шопнуть',
kič̄st̄e 'взглянуть', m̄ainst̄j 'рассказать', tolst̄j 'лучить'

рыбу', vuáršte 'учить', vuonštĭ 'отдохнуть', sugštĭ 'гребнуть'.

4. В бабинском диалекте саамского языка сочетания четырех согласных встречаются чрезвычайно редко¹⁰⁶. Они возникают на стыке морфем в отдельных моментативных глаголах. Обнаружено четыре сочетания четырех согласных - rtst, rkst, rgst, rcst:

sirtste 'передвинуть', surkste 'испугать', úrcstĭ 'пробежать', tárgstĭ 'вздрыгнуть'.

В остальных же случаях стечения четырех согласных избегаются посредством вставки гласного i перед четвертым согласным, например, máinstĭ 'рассказать' - máinstĭcim 'я рассказал бы', kičste 'взглянуть' - kičstĭcim 'я вздрогнул бы'.

Структура слога

В произносительном отношении речь распадается на минимальные единицы - слоги¹⁰⁷. Уловить на слух количество слогов в слове практически нетрудно. Значительно сложнее бывает установить точное место слогораздела, поскольку слог не является носителем смысла. Лингвистический критерий, который использовался при выделении фонем, здесь оказывается неприемлемым¹⁰⁸. Знание границ и правил слога деления необходимо при описании языка (диалекта), особенно в ходе доказательства фонологического статуса сложных фонем, а также при характеристике фонетической структуры слова.

В саамском, как и в других финно-угорских языках, ядром слова могут быть только гласные (монофонги, дифтонги, трифтонги), согласные же в качестве слогаобразующих не выступают. Слог, таким образом, без гласного не мыслится.

---

¹⁰⁶ Следует отметить, что в кильдинском диалекте стечений четырех согласных не имеется. См. Керт Г.М. Саамский язык...

¹⁰⁷ Щерба Л.В. Фонетика французского языка...с.79.

¹⁰⁸ Зиндер Л.Ф. Общая фонетика...с.279; Мату-севич М.И. Современный русский язык: Фонетика. М., 1976, с.166.

В бабинском диалекте саамского языка существуют четыре возможных типа слогов¹⁰⁹: 1) полностью открытый слог, т. е. состоящий из гласного или дифтонга: *ā-kiñč* 'бабушка', *ou-ma* 'люди'; 2) полностью закрытый слог, т. е. состоящий из гласного в окружении согласных: *soŋ-gam* 'я конлю', *piŋ-gam* 'губы'; 3) прикрытый в начале, т. е. начинающийся одним или несколькими согласными: *mū* 'мой', *tol-sti* 'лучить рыбу'; 4) прикрытый в конце, т. е. заканчивающийся одним или несколькими согласными: *aŋv* 'загадка', *ia-dij* 'утро'.

Исходя из названных типов слогов рассмотрим далее возможные подтипы данных слогов.

I. Первый слог слова имеет 24 подтипа: *v*, *v̄*, *vv*, *vc*, *vcc*, *vč*, *včc*, *v̄c*, *v̄cc*, *cṽ*, *cvv*, *cvvv*, *cvc*, *cṽc*, *cvč*, *cvcc*, *cvčc*, *cvvc*, *cṽv̄c*, *cṽv̄č*, *cṽv̄cc*, *cṽv̄cc*, *cṽv̄cc*, *cvvvc*: *o-čamp* 'меньше', *ā-ram* 'я прошу', *eu-niŋ* 'паук', *as-kaŋ* 'оханка', *alg-tam* 'я начну', *āl-ma* 'в небо', *jat-ma* 'сидевший', *āv-ta* 'без пояса', *ājŋ-ta* 'без весла', *čū-ram* 'я режу', *vic-gam* 'я тешу', *vuoi-gam* 'я еду', *haŋ-žer* 'острога', *kaŋ-gam* 'я грызу', *kei-tim* 'я запретил', *lond-ta* 'без птицы', *veik* 'долг', *ruad-čim* 'я привел бы', *koŋs-sič* 'тетерев-косач', *juol-ka* 'в ногу', *reva* 'ружья', *niell* 'он плочает', *realt* 'поле', *vuain-čim* 'я видел бы'.

Первый слог слова, как это явствует из примеров, имеет все четыре типа слогов. Прикрытые в конце слоги не имеют в качестве слогаобразующего элемента дифтонгов и трифтонгов. Здесь возможны только монофтонги: краткие и долгие. Прикрытые в начале слоги могут начинаться только на одиночный согласный. Полностью закрытые слоги также не могут начинаться сочетанием согласных. Они закрываются одиночным согласным (кратким и долгим), сочетанием двух согласных, первый компонент которых может быть долгим. В соответствии с законом контрастной корреляции прикрытые в конце и полностью закрытые слоги не могут иметь подтипов, в которых сильной ступени согласных предшествовали бы долгие монофтонги или не-краткие дифтонги, т. е. (*vč*, *včc*, *včv̄*, *včv̄c*, *cvvč*, *cvvčc*).

¹⁰⁹Торсуев Г. П. Структура слога и аллофоны в английском языке. М., 1975, с. 8.

2. Второй слог двусложных слов представлен 8 подтипами слогов: cv, ccv, cvc, c'c, cvcc, c'cc, ccvc, cc'c: *vuol'-n'e* 'тебе, в тебя', *hoj'-sti* 'вырвать', *piä-gam* 'я ползу', *tahk-dim* 'мы ковали', *t'g-íešt'* 'здесь', *tund-gäst* 'на горе, с горы', *máin-stam* 'я расскажу', *ar-stim* 'мы остановились'.

Второй слог трех-, четырех- и более сложных слов представлен 7 подтипами: cv, c'v, c'v', ccv', cvc, cvcc, ccvc: *piä-ma-ta* 'без корня', *ka -ai'-čist* 'у старичка', *kut-tē-lim* 'мы попробовали', *šir-stā-íat* '(они) скатываются (с горы)', *kūöi-lik-ki* 'в Колу', *jan-nint-vuim* 'с их матери-ми', *šui-g-sti-íis* '(они) катались на лежах'.

Второй слог, в отличие от первого, не может быть полностью открытым или неприкрытым в начале, т.е. начало слога обязательно прикрывается согласным¹¹⁰. Второй слог двусложных, с одной стороны, и многосложных слов — с другой, представлен следующими единицами типами: cv, cvc, cvcc, ccvc.

3. Третий, четвертый и далее слоги представлены 6 подтипами слогов: cv, cvc, cvcc, cvcc, ccvv, cc'vcc: *jei'neš-ta* 'без его матери', *juggiškui-dí* 'он стал пить', *ar'i-šim* 'я устал бы', *sejmi-vuim* 'сетями', *tuija-minč* 'сделанный', *vüäddi-škua-dam* 'я заснул', *ieštji-šküönt* 'он запер'.

Третьи, четвертые и последующие слоги, как и вторые, не могут быть полностью открытыми или неприкрытыми в начале. Слогообразующими элементами являются монофтонги (только краткие) и дифтонги (краткие и некраткие).

Структурный анализ типов слогов в исследуемом диалекте позволяет сделать следующие выводы:

- интервокальный одиночный согласный входит в слог с последующим гласным, например, *mie-rist* 'в море, из моря';
- интервокальные сочетания двух согласных распределяются по разным слогам, например, *kir-kan* 'он усневает', *juř-tim* 'я думал';
- интервокальные сочетания трех согласных распределяются, как правило, таким образом, что слоговая граница проходит

¹¹⁰ K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltlap-pischen..., s. 28.

между вторым и третьим согласным, например, suar^h-ta 'без
рубца'. В случаях, когда морфологическая граница не совпа-
дает с названным принципом слогаделения, слоговая граница
проходит между первым и вторым согласным, например, sug-
stam 'я гребну', sir-stam 'я передвину';

- при стечении четырех согласных слоговая граница полностью
совпадает с морфологической, т.е. проходит между вторым и
третьим компонентом сочетаний, например, čert-sti 'чиркнуть
спичкой'.

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СИСТЕМЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ БАБИНСКОГО ДИАЛЕКТА

Общая теория чередований, ориентированная на материал славянских языков, была изложена И.А.Бодуэном де Куртенэ в работе "Опыт теории фонетических альтернатив" в 1895 году¹. Из сложной и разветвленной классификации альтернатив наиболее существенными и находящими отражение в исследуемом языке являются палеофонетические и неофонетические, или позиционные, чередования. Последние рассматривались в I главе. Здесь же нас интересуют широко распространенные в саамском языке исторические, или традиционные, чередования фонем, которые возникают не в результате влияния соседних фонем или позиции в слове, а остались в языке по традиции. Их мотивировка скрыта в истории языка и необъяснима современными производными законами. В исторических чередованиях проявляются фонетические законы, которые действовали в прошлом. Так, в кольско-саамских диалектах появление сильной или слабой степени согласных зависело когда-то от открытости или закрытости второго слога. Позже этот закон перестал действовать. Сейчас мы имеем лишь результаты его действия в виде закрепившихся за определенными морфемами альтернатив чередования.

В исторических чередованиях наиболее четко проявляется связь фонологии и морфологии, поскольку они происходят в пределах основной морфологической единицы - морфемы и выполняют, таким образом, определенные морфологические функции. Это те чередования, которые создают варианты морфем или

---

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. I, с. 265-347.

алломорфы, например, *nieŕk* 'голод' - *nieŕg* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - *ŕalk-a* (дат.-илл.ед.ч.) - *nieŕg-ta* (аб.ед.ч.); *saŕkke* 'толкнуть' - *saŕga-m* 'я толкаю' - *saŕk* 'он толкает' - *saŕg* 'толкни' - *saŕg-sim* 'я толкнул бы'. Исторические чередования происходят в рамках одного слова. Сопоставление же чередующихся фонем в рамках различных морфем, например, *kuŕŕi* 'рыба' и *kolŕ* 'он слышит', не имеет ничего общего с анализом традиционных чередований.

В бабинском диалекте саамского языка согласные вступают в количественные и качественные (по глухости-звонкости, палатализованности-непалатализованности) чередования. Количественные чередования и чередования по глухости-звонкости обсуждались в I главе. Чередования согласных по твердости-мягкости, а также чередования гласных по краткости-долготе, по качеству, чередования гласного с нулем звука будут рассматриваться по мере участия их в различении грамматических значений.

В морфологической структуре исследуемого диалекта чередования согласных и гласных фонем имеют различную функциональную значимость. В одних случаях чередования берут на себя основную роль в разграничении форм слова, самостоятельно выражают грамматические значения, и тогда они являются собственно грамматическими или морфологическими. В других случаях чередования лишь сопровождают образование тех или иных форм слова. Они происходят в основе слова при присоединении грамматических флексий, приобретая, таким образом, статус морфонологических чередований. Рассмотрим каждый из названных типов чередований отдельно, непосредственно связывая альтернанты чередований с грамматическими категориями.

Морфологические чередования согласных и гласных фонем

Существование в кольско-саамских диалектах морфологических или грамматических чередований выделяет их из большинства финно-угорских языков и сближает с флективными языками, отличительной особенностью которых является внутренняя флексия². Под внутренней флексией понимается выражение грам-

² K o r h o n e n M. Die Entwicklung der morphologischen Methode im Lappischen..., S.203.

грамматических значений посредством изменения состава самого корня³. Примером тому могут быть германские языки, в которых ряд грамматических значений выражается чередованием гласных корня. Так, в немецком и английском языках с помощью умялута различаются формы единственного и множественного числа: нем. Bruder 'брат' - Brüder 'братья', Ofen 'печь' - Öfen 'печи', Mutter 'мать' - Mütter 'матери'; англ. foot 'нога' - feet 'ноги', tooth 'зуб' - teeth 'зубы', mouse 'мышь' - mice 'мыши'. Аблют в чистом виде хорошо сохранился в английском языке: sing 'петь' - sang 'пел' - sung 'петый' - song 'песня'⁴.

В бабинском диалекте саамского языка грамматическими чередованиями различаются формы номинатива единственного и множественного числа существительных (последние являются одновременно формами ген.-акк.ед.ч.), а также формы 3 л.ед. числа повелительного наклонения от форм 2 л.ед. числа повелительного наклонения глаголов, например, loj't 'птица' - loj'a (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kejt 'он хвалит' - kejt 'хвали'. Здесь мы имеем дело с "чистой" внутренней флексией, поскольку указанные грамматические значения выражаются изменением корня слова. О былом существовании грамматического показателя номинатива множественного числа существительных свидетельствуют западные диалекты саамского языка, в которых соответствующие формы образуются присоединением к слову суффикса множественного числа. В кольско-саамских диалектах в результате ступенчатости показателя множественного числа внутрисловные чередования согласных и гласных взяли на себя основную роль в разграничении форм единственного и множественного числа и стали собственно грамматическими.

В других случаях чередования стали грамматическими, поскольку произошло совпадение грамматических флексий. Окончания и суффиксы в таких случаях присутствуют формально, ос-

³ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с.276.

⁴ Примеры приведены из книги А.А.Реформатского "Введение в языкознание".

новную функцию в различении форм слова взяли на себя внутри-основные чередования, например, *jáhhtijm* 'я шел' - *jáđim* 'мы шли', *ihkkin* (эсс.) - *Īgin* (ком.ед.ч.) от *ihk* 'год'. Совпадение грамматических флексий имеет место и в других диалектах саамского языка. Так, в диалекте Коутокейно личностно-числовые окончания 2 л.ед.числа - *k* и 1 л.мн.числа - *p* совпали в -*t*, например, *mânāt* 'ты идешь' - *mânnat* 'мы идем'⁵. В данных случаях мы также можем говорить о грамматических чередованиях с тем лишь отличием, что причины перехода их в разряд грамматических еще существуют. Падежные и личностно-числовые окончания присутствуют здесь чисто формально. В бабинском диалекте внутрисловные чередования согласных и гласных, взявшие на себя грамматические функции при наличии единых суффиксов, различают следующие грамматические значения: эссива и комитатива единственного числа; 1 л.ед. и мн. числа имперфекта изъявительного наклонения.

С помощью грамматических чередований в исследуемом диалекте различаются, таким образом, четыре пары грамматических значений: номинатив ед.числа - номинатив мн.числа (ген.-акк. ед.ч.), 1 л. ед.числа - 1 л. мн.числа имперфекта изъявительного наклонения, эссив - комитатив ед.числа, 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения - 2 л. ед.числа повелительного наклонения. Далее проследим, какие чередования согласных и гласных фоном берут на себя функцию различения указанных форм имени и глагола.

1. Квантитативные чередования согласных и гласных.Сильной ступени (*xh, ĵu*) предшествует краткий гласный, слабой (*x, ху, хz*) - долгий. Данный тип чередований подразделяется на следующие подтипы:

а) квантитативные чередования одинаковых по качеству согласных, т.е. *xh ~ x*; *h̄aŋŋ* 'кожа' - *h̄āŋ* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), *jinnin* (эсс.) - *jīnin* (ком.ед.ч.) от *jinn* 'голос', *porr* 'он ест' - *pōr* 'ешь', *kuđđim* 'я оставил' - *kuđim* 'мы оставили';

⁵ K o r h o n e n M. Lapin kielen vartalonsisäisten äännevaihtelujen morfologisesta funktiosta. Vir., 4, 1967, s. 355.

б) квантитативные чередования сочетаний согласных, происходящие по схеме $\bar{x}u \sim xu$: $\bar{n}a\bar{i}m$ 'рот' - $\bar{n}a\bar{i}m$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{c}u\bar{i}\bar{e}\bar{r}'vin$ эсс. - $\bar{c}u\bar{i}\bar{e}\bar{r}'vin$ ком.ед.ч. от $\bar{c}u\bar{i}\bar{e}\bar{r}'v$ 'рог', $\bar{f}o\bar{s}k$ 'он онимает' - $\bar{f}o\bar{s}k$ 'сними', $\bar{n}a\bar{s}kim$ 'я мездрил' - $\bar{n}a\bar{s}kim$ 'мы мездрили';

в) чередования сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по квантитету, второй - по глухости-звонкости, т.е. $\bar{x}u \sim xu$: $\bar{a}\bar{l}t$ 'важенка' - $\bar{a}\bar{l}d$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{m}a\bar{j}t'in$ эсс. - $\bar{m}a\bar{j}d'in$ ком.ед.ч. от $\bar{m}a\bar{j}t$ 'мо-локо', $\bar{n}o\bar{f}k$ 'он свистит' - $\bar{n}o\bar{r}g$ 'светит', $\bar{j}u\bar{r}t'in$ 'я ду-мал' - $\bar{j}u\bar{r}d'in$ 'мы думали'.

2. Чередования согласных по глухости-звонкости. Глухому корреляту предшествует краткий гласный, звонкому - долгий: $k\bar{i}k$ 'кукушка' - $k\bar{i}g$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $i\bar{h}k\bar{i}n$ эсс. - $\bar{i}g\bar{i}n$ ком.ед.ч. от $i\bar{h}k$ 'год', $\bar{n}a\bar{h}k$ 'он под-крадывается' - $\bar{n}a\bar{g}$ 'подкрадись', $\bar{p}u\bar{i}t'tim$ 'я пришел' - $\bar{p}u\bar{i}d'im$ 'мы пришли'.

3. Приведенные выше типы чередований часто сопровождаются не квантитативными, а качественными чередованиями гласных: $\bar{r}u\bar{a}\bar{l}$ 'пуговица' - $\bar{r}u\bar{o}\bar{l}$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{v}\bar{i}\bar{e}\bar{s}'v$ 'плавник' - $\bar{v}\bar{i}\bar{a}\bar{s}'v$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{r}\bar{e}\bar{a}\bar{l}t$ 'поле' - $\bar{r}\bar{e}\bar{a}\bar{l}d$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{a}\bar{i}kin$ эсс. - $\bar{a}\bar{i}gin$ ком.ед.ч. от $\bar{e}\bar{i}k$ 'сын', $\bar{s}u\bar{i}\bar{e}\bar{r}'vin$ эсс. - $\bar{s}u\bar{i}\bar{e}\bar{r}'vin$ ком.ед.ч. от $\bar{s}u\bar{i}\bar{e}\bar{r}'v$ 'сушняк', $\bar{m}\bar{i}nnim$ 'я ушел' - $\bar{m}\bar{e}nim$ 'мы ушли', $\bar{n}u\bar{h}kim$ 'я укачал' - $\bar{n}u\bar{a}gin$ 'мы укачали', $\bar{k}u\bar{l}$ 'он слышит' - $\bar{k}o\bar{l}$ 'слушай', $\bar{k}a\bar{n}s$ 'он ест' - $\bar{k}\bar{i}n\bar{z}$ 'ешь', $\bar{k}u\bar{i}\bar{a}\bar{s}$ 'он храпит' - $\bar{k}u\bar{o}r\bar{z}$ 'храпи'.

4. Посредством квантитативных чередований гласных различаются формы номинатива единственного и множественного числа (ген.-акк.ед.ч.) некоторых существительных, а также формы I л. ед. и мн. числа имперфекта изъявительного наклонения производных глаголов: $\bar{r}\bar{e}\bar{s}s$ 'ружье' - $\bar{r}\bar{e}\bar{s}\bar{s}$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{v}\bar{u}\bar{s}\bar{s}$ 'кожаный мешочек' - $\bar{v}\bar{u}\bar{s}$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{k}o\bar{s}\bar{s}$ 'коса' - $\bar{k}\bar{o}\bar{s}\bar{s}$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\bar{k}o\bar{m}\bar{m}\bar{a}r\bar{d}im$ 'я поклонился' - $\bar{k}o\bar{m}\bar{m}\bar{a}r\bar{d}im$ 'мы поклонились', $\bar{v}\bar{u}\bar{l}g\bar{t}im$ 'я послал' - $\bar{v}\bar{u}\bar{l}g\bar{t}im$ 'мы послали', $\bar{c}i\bar{u}k\bar{i}im$ 'я поцеловал' - $\bar{c}i\bar{u}k\bar{i}im$ 'мы поцеловали', $\bar{k}u\bar{o}d\bar{j}im$ 'я остался' - $\bar{k}u\bar{o}d\bar{j}im$ 'мы остались'.

5. Рефлективные глаголы различают формы 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения и 2 л. ед. числа повелительного наклонения посредством чередования аусляутных согласных по глухости-звонкости, которые сопровождаются качественными чередованиями предшествующих им гласных: jaũcat 'он разденется' - jaũced 'разденься', kuarkaht 'он хвастается' - kuarked 'хвастайся', najtlaht 'он женится' - najtlaed 'женись', luoštaht 'он спустится' - luoštaed 'спустись';

6. В разграничении указанных форм глагола принимают участие чередования согласных по признаку палатализованности-непалатализованности тогда, когда указанные выше чередования оказываются недостаточными для четкого противопоставления форм слова. В этих случаях мягкий или полумягкий коррелят маркирует формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения. Такими чередованиями являются:

- а) хх ~ х́х, х' : jaall 'он живет' - jaá 'живи', mann 'он уходит' - man 'уйди', vüädd 'он спит' - vuad 'спи';
- б) хх ~ х́х, х'х' : kall 'он бредет' - kaá 'бреди', ross 'он дует' - rośá 'дуй', rānn 'он прядет' - rān'n 'пряди';
- в) ху ~ х́з, х'z : joŕt 'он думает' - joŕa 'думай', moŕt 'он ломает' - moŕd 'ломай', vaŕt 'он берет' - vaíd 'возьми', kŕoŕt 'он несет' - kuon'd 'неси';
- г) у ~ ŕ, z* : piēnk 'он ползет' - piēŕ 'ползи', saŕk 'он толкнет' - saŕ 'толкни', piŕŕt 'он придет' - puad 'приди';
- д) чередования аусляутных согласных по твердости-мягкости, которые сопровождаются качественными чередованиями предшествующих им гласных. Чередования происходят в сфере фреквентативных глаголов: cuŕkaal 'он целует' - cuŕkaá 'целуй', ŕāŕkaal 'он стреляет' - ŕāŕkaá 'стреляй', pon'n'áal 'он повернет' - ponniá 'поверни';
- е) качественные чередования гласных второго слога: vālaā 'он выберет' - vaŕiā 'выбери', nortaā 'он отталкивает' - nortiā 'оттолкни', āraest 'он останавливает' - araest 'останови', kozaat 'он подвесит' - koziat 'подвесь', joaŕad 'он разговаривает' - joaŕed 'разговаривай';
- ж) чередования гласных второго слога с нулем звука: zviisan 'он бросает' - zviian 'брось', ŕoaŕat 'он показывает' -

šovajt 'покажи', roajət 'он поднимает' — roajt 'подними'.

Морфологические чередования согласных и гласных фонем

В отличие от морфологических чередований, которые самостоятельно выражают грамматические значения, в кольско-саамских диалектах широко распространены чередования согласных и гласных фонем в основе слова при присоединении к ней грамматических флексий. Эти чередования являются в известной степени избыточными, но обязательными при образовании тех или иных форм слова.

Исследованием чередований фонем в корневой морфеме при присоединении к ней грамматического аффикса занимается морфология, создателем которой является Н.С.Трубецкой⁶. Полная морфологическая теория, по его мнению, состоит из следующих разделов: 1) теории фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию⁷.

Если первый пункт теории Н.С.Трубецкого не вызывал у лингвистов сомнений, то второй и третий подвергались критике, поскольку комбинаторные звуковые модификации, с одной стороны, и чередования, выполняющие морфологическую роль, — с другой, имеют принципиально различный характер⁸.

Наиболее приемлемой, на наш взгляд, является точка зрения, в соответствии с которой в ведении морфологии находятся все случаи значащего варьирования фонем в морфемах, когда само варьирование выступает в качестве средства передачи той или иной информации (о типе основы, о флексиях, могущих следовать за данным морфем, направлении словообразовательных процессов и т.д.)⁹.

⁶ Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфологии. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с.115—118.

⁷ Там же, с.116—117.

⁸ Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964, с.81.

⁹ Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О статусе

В лингвистике существуют разные мнения относительно места морфологии в описании языка. Многие представители трансформационного анализа определяют морфологию как трансформационную фонологию¹⁰. Отдельные лингвисты придерживаются мнения, по которому как грамматические, так и морфологические чередования, несмотря на их принципиальное различие, должны изучаться в морфологии¹¹. И, наконец, морфология понимается в качестве своеобразного мостика между фонологией и морфологией¹². На наш взгляд, трактовка морфологии в качестве небазисного уровня представляется наиболее приемлемой, поскольку в этом случае учитывается известная двуплановость морфологии и предусматривается ограниченность подхода к морфологическим явлениям: или только "снизу" от фонемы, или только "сверху" от слова¹³. Небазисный уровень морфологии предполагает ее относительную самостоятельность. Морфология самостоятельна в том смысле, что она имеет особую область исследования и занимается изучением вполне определенного объекта: чередующихся фонем, объединенных в морфологические ряды. В связи с признанием морфологии в качестве отдельной дисциплины представители Пражского лингвистического кружка выдвинули особую единицу морфологического анализа — морфему, представляющую собой "фонему в семасиолого-морфологической функции" или "комплексный образ

морфологии и единицах ее описания. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1967, с.90.

¹⁰ А р у т ю н о в а Н.Д., К л и м о в Г.А., К у б р я к о в а Е.С. Американский структурализм. — В кн.: Основные направления... с.231.

¹¹ П а л о в М.В. О грамматической форме. — Учен. зап. МГПИ им. В.П.Потемкина, 1959, 73, вып.6, с.12.

¹² Т р у б е ц к о й Н.С. Некоторые соображения... с.116.
Р е ф о р м а т с к и й А.А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с.100.

¹³ М а к а е в Э.А., К у б р я к о в а Е.С. О статусе морфологии... с.100.

двух или более фонем"¹⁴. Впоследствии, однако, плодотворность введения этого термина вызвала сомнения и подвергалась критике¹⁵. Наиболее веским доводом против "морфонемы" является то, что она не только не способствует более адекватному описанию языка, а, напротив, усложняет его.

Следует отметить, что вопросы морфологии, а также описания системы морфологических чередований в структуре словоизменения разрабатываются в советской лингвистике прежде всего на материале русского литературного языка¹⁶. На материале финно-угорских языков проблемы морфологии разработаны слабо. Интерес к ним у советских финно-угроведов наблюдается лишь в последнее время¹⁷. Незавершенность морфологии финно-угорских языков объясняется отчасти их типологическими особенностями. Уместно здесь напомнить слова Н.С. Трубецкого: "Морфология, как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву

---

¹⁴ Реформатский А.А. О соотношении фонетики..., с.96-102.

¹⁵ Ахманова О.С. Фонология, морфология, морфология. М., 1966, с.53 (прим.1).

¹⁶ Помимо уже упоминавшихся работ, см. также: Яковенко Н.П. Чередования звуков в современном русском языке, их морфологическая роль и соотношение в орфоэпии и орфографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1954; Десницкая А.В. Некоторые вопросы морфологии. - В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967; Попова Т.В. О предмете морфологии, иерархии анализа и единицах описания морфологической структуры языка. - Сов. славяноведение, 1972, № 2; Чурганова В.Г. К морфологии русского глагола. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1970, т.29, вып.2; Ильина Н.Е. Морфологические чередования в глаголах современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1972; Булыгина Т.В. Проблемы теории и практики морфологического описания. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т.34, № 4, и др.

¹⁷ Хинт М. Основные фонологические и морфологические проблемы акцентуационной системы эстонского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1971; Цыганкин Д.В. Морфологические особенности диалектного словоизменения. - В кн.: Вопросы морфологии эзянского и мокшанского диалектов. Саранск, 1977; Зайцева Н.Г. О некоторых морфологических явлениях в структуре вепсского слова. - In: Symposiumi-77: Esitelmien ja tiedonantojen tiivistelmä. Hki, 1977.

достоинство место в грамматике, подчеркивая, — в любой грамматике, а не только в грамматиках семитских или индоевропейских языков. Только такие языки, которые не имеют морфологии в собственном смысле этого слова, могут обойтись также и без морфологии"¹⁸. Особенно актуально это положение для прибалтийско-финских языков, в современном состоянии которых грамматическое значение наряду с агглютинацией активно выражается разного рода внутрисловными чередованиями согласных и гласных. Для выяснения функциональной роли этих чередований нужны специальные исследования по морфологии этих языков. Необходимость таких исследований особенно актуальна для финно-угорских языков, характеризующихся большой вариативностью морфем. К таким языкам, вне всякого сомнения, относятся и саамский, в частности его кольско-саамские диалекты, поскольку в них практически нет слов, в парадигме которых основы оставались бы без изменения.

Описание морфологии начинается с установления традиционных чередований фонем, выявляющихся из сопоставления альтернирующих морфем, т.е. с установления морфологических рядов. Определение морфологических средств подчинено в таком случае морфологическим целям, в данной работе — различению форм словоизменения. Отметим, что морфологические чередования в кольско-саамских диалектах ранее специально не исследовались. В работе А.Г.Эндюковского¹⁹ приводятся ряды чередующихся фонем, однако вопрос о грамматической соотнесенности коррелятов чередований не рассматривается. В монографии Г.М.Керта все чередования, независимо от того, происходят ли они в основе слова или являются собственно грамматическими, анализируются в разделе "Морфология"²⁰. Не акцентировалось внимание также на закреплённости альтернантов чередований за алломорфами, в которых они выступают. Выяснению этих вопросов будет посвящён специальный раздел.

---

¹⁸ Трубецкий Н.С. Некоторые соображения..., с.116.

¹⁹ Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык... с.132-136.

²⁰ Керт Г.М. Саамский язык..., с.83-102.

В бабинском диалекте саамского языка, как отмечалось ранее, морфологические чередования являются более распространенными чем морфологические. Если с помощью последних различаются четыре пары грамматических значений, то морфологические чередования пронизывают всю грамматическую структуру. Не зная морфологических чередований и условий их соотносительности с алломорфами, невозможно правильно построить ту или иную форму слова, тем более, что мотивировка чередований скрыта в истории языка. Проанализируем далее морфологические чередования согласных и гласных фонем.

I. В именном и глагольном словоизменении исследуемого диалекта выявляется довольно значительная группа слов, при изменении которых в основе происходят количественные и качественные чередования согласных по глухости-звонкости, им сопутствуют количественные или качественные чередования гласных. Такими чередованиями согласных являются: $htt \sim ht \sim d$, $hkk \sim hk \sim g$, $hpr \sim hr \sim v$, $h\check{c} \sim h\check{c} \sim \check{z}$, $h\check{c} \sim h\check{c} \sim \check{z}$, $\check{z} \sim \check{z} \sim \check{z}$, $z \sim z \sim z$ ²¹.

Сильная геминированная ступень закрепляется за формами паритива, датива-иллатива единственного числа, эссива, инфинитива, I л.мн.числа презенса, I л.ед. и 3 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения. Одночлнный глухой коррелят представлен в основах номинатива единственного числа существительных, 3 л.ед. и 2 л.мн. числа презенса изъявительного наклонения, 2 л.мн.числа повелительного наклонения глаголов. Звонкий коррелят чередования закреплен за формами генитива-аккузатива, локатива, комитатива и абессива единственного числа, а также за всеми формами множественного числа существительных; за формами I и 2 л.ед.числа, 3 л.мн.числа презенса, 3 л.ед.числа, I и 2 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения, 2 л.ед.числа повелительного наклонения, за всеми формами сослагательного наклонения. В качестве примера приведем склонение существительных $kiht$ 'рука',

²¹ Тернарные альтернации целевых согласных наблюдаются только в именном словоизменении. В глагольном же они чередуются по схеме $z \sim z \sim z$, $z \sim z \sim z$.

piěhč 'сосна', а также спряжение глаголов vihkke 'вести',
kehčce 'спросить':

	Ед. число	Мн. число
Ном.	kiht, piěhč	kīd, piäž
Ген.-акк.	kīd, piäž	kīdi, piäži
Парт.	kihtti, piěhcci	
Эсс.	kihttin, piěhccin	
Дат.-илл.	kihtta, piěhcca	kīdi, piäži
Лок.	kīdist, piäjist	kīdin, piäjin
Ком.	kīdin, piäjin	kīdiguim, piäjiguim
Аб.	kīdta, piäžta	kīdita, piäžita

Изывительное наклонение

Презенс

	Ед. число	Мн. число
1 л.	kēžam, vēgam	kehčcer, vihkker
2 л.	kēžak, vēgak	kehčcerp'e, vihkkerp'e
3 л.	kahč, vēhk	kēžat, vēgat

Имперфект

1 л.	kihčcim, vihkkiim	kīžim, viģim
2 л.	kihčcik, vihkkiik	kīžit, viģit
3 л.	kīži, viģi	kihčciš, vihkkiš

Повелительное наклонение

2 л.	kež, viģ	kihčikki, vihkki
------	----------	------------------

Сослагательное наклонение

1 л.	kižcim, viģcim	kižcip, viģcip
2 л.	kižcik, viģcik	kižčerp'e, viģčerp'e
3 л.	kižci, viģci	kižčat, viģčat

2. В бабинском диалекте широко распространены внутриосновные чередования согласных и сочетаний согласных. К ним относятся:

а) чередования глухих и звонких взрывных, аффрикат, щелевых и сонантов: hkk ~ hk, htt ~ ht, hpp ~ (h)p, gg ~ g, dd ~ d, hčč ~ hč, hcc ~ hc, ss ~ s, šš ~ š, zz ~ z, jj ~ j, vv ~ v, ll ~ l, tt ~ t, pp ~ p, qq ~ q, rr ~ r;

- б) количественные чередования сочетаний двух различных по качеству согласных, т.е. $\bar{x}u \sim xu$;
- в) чередования сочетаний двух согласных, первый компонент которых чередуется по долготе, второй – по глухости-звонкости, т.е. $\bar{x}u \sim xz$;
- г) незначительное распространение имеют внутрисловные чередования, распространяющиеся на целевые согласные. Сильная ступень представлена глухим геминированным коррелятом, слабая – звонким, т.е. $ss \sim zz$, $\check{s}\check{s} \sim \check{z}\check{z}$.

В названных количественных чередованиях сильная ступень закрепляется за формами номинатива, партитива, эссива и датива-иллатива единственного числа, инфинитива, 3 л. ед. и 1, 2 л. мн. числа презенса, 1, 2 л. ед. и 3 л. мн. числа имперфекта изъявительного наклонения, 2 л. мн. числа повелительного наклонения, в формах причастия и герундия. Слабая ступень представлена в остальных формах имени и глагола. Приведем для примера склонение существительных *tolm* 'огонь', *tuiv* 'разлив', *alt* 'важенка' и спряжение глаголов *kodde* 'вязать', *noŋke* 'свистеть', *ieššē* 'лежать'.

	Ед. число	Мн. число
Ном.	<i>tolm, tuiv, alt</i>	<i>tōl, tūiv, āld</i>
Ген.-акк.	<i>tōl, tūiv, āld</i>	<i>tōl_i, tūivi, āld_i</i>
Парт.	<i>tolm_i, tuivi, ālt_i</i>	
Эсс.	<i>tolm_i*, tuiv_i*, ālt_i*</i>	
Дат.-влл.	<i>tolma, tuiva, ālta</i>	<i>tōl_i, tūivi, āld_i</i>
Лок.	<i>tōl_ist, tūivist, āld_ist</i>	<i>tōl_in, tūivin, āld_in</i>
Ком.	<i>tōl_in*, tūiv_in*, āld_in*</i>	<i>tōl_iguim, tūiv_iguim, āld_iguim</i>
аб.	<i>tōlta, tūivta, āldta</i>	<i>tōl_ita, tūiv_ita, āld_ita</i>

Изъявительное наклонение

Презенс

	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>kōdam, nōrgan, iežžam</i>	<i>koddep*, noŋkep*, ieššep*</i>
2 л.	<i>kōdak, nōrgak, iežžak</i>	<i>koddep*p'e, norkvet*t'e, ieššvette</i>
3 л.	<i>kodd, noŋk, iešš</i>	<i>kōd*at*, nōrgat*, iežžat*</i>

Имперфект

1 л. koddim, nuřkim, řeřřim	kōdim, nōrgim, řežžim	
2 л. koddik, nuřkik, řeřřik	kōdit, nōrgit, řežžit	
3 л. kōdi, nōrgi, řežži	koddis, nuřkis, řeřřis	

Повелительное наклонение

2 л. kōd, nōrg, řežž	koddikki, nuřkikki, řeřři	
----------------------	---------------------------	--

Сослагательное наклонение

1 л. kōdčim, nōrgčim, řežžčim	kodčip, nōrgčip, řežžčip	
2 л. kōdčik, nōrgčik, řežžčik	kodčip'e, nōrgčip'e, řežžčip'e	
3 л. kodči, nōrgči, řežžči	kodčat, nōrgčat, řežžčat	

Причастие

Герундий

koddmiš, nuřkmiš, řeřřmiš	koddmen, nuřkmen, řeřřmen	
---------------------------	---------------------------	--

3. В разграничении основ слова участвуют также чередования согласных по твердости-мягкости, но не так активно, как, например, в кильдинском диалекте, где они охватывают всю грамматическую структуру²². Морфологические чередования согласных по признаку палатализованности-непалатализованности происходят, как правило, когда чередования по количеству и глухости-звонкости оказываются недостаточными для четкого разграничения основ слова. Посредством данного типа чередований разграничиваются основы следующих форм слова:

а) в именном словоизменении датив-иллатив единственного числа маркируется твердыми согласными, если в исходных формах представлены мягкие (полумягкие) согласные или сочетания согласных. Морфологические чередования с обратным направлением встречаются значительно реже: küřři 'рыба' - küřřla (дат.-илл.ед.ч.), řvř - řvřa 'пояс', vřřmi - vřřma 'пастбище', řik - řikla 'сын', řařř - řařřa 'дятел', řařř - řařřa 'озеро', řiřř - řiřřsa 'сосна', řiřř - řiřřma 'глаз';

б) в глагольном словоизменении выделяется группа глаголов, имеющих в инфинитиве сочетания согласных с первым палатализованным элементом; могут быть палатализованными оба согласных. В формах единственного числа презенса изъявитель-

²² К е р т Г.М. Саамский язык..., с.82,83-88.

ного склонения, а также в формах сослагательного склонения оба согласных являются твердыми: *šeike* 'сказать' - *šal-gak* 'ты скажешь' - *šalgšim* 'я сказал бы', *tušte* 'сметь' - *tuostam* 'я посмею' - *tuostšim* 'я посмел бы', *vuške* 'пойти' - *vuōšk* 'он пойдет' - *vuolgšci* 'он пошел бы', *aške* 'начать' - *algam* 'я начну' - *algšim* 'я начал бы', *kiške* 'тонуть' - *kanšk* 'он тонет' - *kiškšim* 'я утонул бы'.

4. Морфологические чередования гласных распространены не в такой степени, как чередования согласных. В грамматиках по саамскому языку обычно выявляются наиболее типичные чередования качественно различных гласных первого слога. В исследуемом диалекте к ним относятся:

а) в порядке следования нижеприведенные корреляты чередований закрепляются соответственно за глагольными формами I, 2 и 3 л. ед. числа презенса, I и 2 л. ед. числа имперфекта изъявительного склонения:

$e \sim a, i$: *mēnam* 'я уйду' - *manā* 'он уйдет' - *minnim* 'я ушел', *ēstam* 'я догоню' - *ašt* 'он догонит' - *ištšim* 'я догнал', *šehsam* 'я крашу' - *šahs* 'он красит' - *šihššim* 'я красил', *rēlam* 'я боюсь' - *rall* 'он боялся' - *riššim* 'я боялся', *šēlkam* 'я скажу' - *šalk* 'он скажет' - *šičkim* 'я сказал';

$ua \sim uo \sim u, ui$: *vuadam* 'я сплю' - *vuōdd* 'он спит' - *vuiddim* 'я спал', *vuardam* 'я жду' - *vuōrt* 'он ждет' - *vuštšim* 'я ждал', *pualam* 'я пришиваю' - *puōll* 'он пришивает' - *puššim* 'я пришивал', *kuaram* 'я шью' - *kuōrr* 'он шьет' - *kurššim* 'он шил';

б) правый альтернант нижеследующих чередований выделяет формы 3 л. ед. числа презенса изъявительного склонения:

$e \sim a$: *šemnam* 'я заряжаю' - *šemm* 'он заряжает', *šehkam* 'я рублю' - *šahk* 'он рубит', *vējam* 'я крою' - *vajj* 'он кроит', *kēlžam* 'я ем' - *kašs* 'он ест', *relēlam* 'я пугаю' - *reltall* 'он пугает', *kēskat* 'они высекают огонь' - *kašk* 'он высекает';

$u \sim o, uo$: *tupnam* 'я чиню белье' - *tošk* 'он чинит', *rūnkam* 'я хороню' - *rūōhk* 'он хоронит', *rūžak* 'ты болеешь' - *rošs* 'он болен', *ūgšam* 'я бегу' - *ošs* 'он бежит', *kūlak* 'ты слышишь' - *kolll* 'он слышит', *šūrat* 'они рубят' - *šūōrr*

'он рубит';

i ~ ie: viggam 'я несу' - vīēhk 'он несет', nīlam 'я глотаю' - nīēlm 'он глотаёт', vizzam 'я устану' - vīēss 'он устанёт', sīrat 'они играют' - sīērr 'он играет', tizzam 'я обматываю' - tiēss 'он обматывает', nīmam 'ты соешь' - nīēmm 'он сосёт';

ie ~ ia: ziendak 'ты сердисься' - ziānt 'он сердится', tiendam 'я давию' - tiānt 'он давит', mietam 'я мечу сено' - miānt 'он мечёт', viektat 'они помогут' - viākt 'он поможет', siehkat 'они рубят' - siānk 'он рубит';

в) следующие корреляты морфологических чередований гласных способствуют дифференциации форм презенса и имперфекта изъявительного наклонения. Правый альтернант чередования закрепляется за имперфектом:

a, ε, o, ie ~ i, i: sālkam 'я скажу' - siīkim 'я сказал', rājam 'я положу' - piijim 'я положил', ēstak 'ты сидишь' - iītik 'ты сидел', kēntak 'ты варишь' - kihhtim 'я варил', foēt 'он летит' - tīrdi 'он летел', lōutam 'я вдену нитку' - lihttim 'я вдел', tiedam 'я знаю' - tihttim 'я знал', rēlam 'я боюсь' - piīim 'я боялся'.

o ~ u: hōrgam 'я свищу' - hiūkim 'я свистел', mōstak 'ты помнишь' - miūtik 'ты помнил', ondam 'я дам' - uūtīm 'я дал', šōqram 'я собираю' - šiūkkim 'я собрал', roll 'он горит' - ruīi 'он горел';

ā ~ e: rāhk '(олень) хоркает' - rēgi '(олень) хоркал', rānap 'я пряду' - rēni 'я прядл';

г) в именном словоизменении рассматриваемые ниже корреляты чередований содействуют различению падежно-числовых форм. Приведем наиболее типичные из них:

ue ~ uo, ua ~ u. Первый альтернант закрепляется за формами номинатива, генитива-аккузатива единственного числа, партитива, второй - за формами датива-иллатива, локатива и абессива единственного числа, третий - за падежными формами множественного числа:

šūšiv 'рог' - šūšiva (дат.-илл.ед.ч.) - šūvita (аб.ед.ч.), šūšim 'пролив' - šuoimist (лок.ед.ч.) - šūimta (аб.мн.ч.), vūšān 'налим' - vuašnita (аб.ед.ч.) - vūšni (ген.-

акк.мн.ч.), jüĕĭk 'нога' - jüĕlka (дат.-илл.ед.ч.) - jüĭgi (ген.-акк.мн.ч.), küĕĭf 'рыба' - küĕlla (дат.-илл.ед.ч.) - küĭlin' (лок.мн.ч.).

ε, i, i, ie ~ а. Правый альтернант наиболее регулярно маркирует формы датива-иллатива единственного числа. В отдельных случаях он начинает обобщаться и в других косвенных падежах. Левый альтернант представлен в исходной форме и в отдельных косвенных падежах:

äĭk 'сын' - älka (дат.-илл.ед.ч.), teĭm 'горка' - taĭma (дат.-илл.ед.ч.), ōiĭm 'глаз' - ōalma (дат.-илл.ед.ч.), ōivriĕ 'гнида' - ōavrĕa (дат.илл.ед.ч.), kĭĭc 'ноготь' - kaĭca (дат.-илл.ед.ч.), kĭĕĕĕc 'река' - kaĭca (дат.-илл.ед.ч.), jieĕc 'припасы' - jaĕca (дат.-илл.ед.ч.).

ie ~ iĕ. Чередование имеет разнонаправленный характер. Альтернанты чередований способствуют противопоставлению форм номинатива и датива-иллатива единственного числа (в отдельных случаях также и косвенных падежей):

hĭĕĕk 'бук' - hĭĕĕka (дат.-илл.ед.ч.), viĕĕv 'плавник' - viĕĕva (дат.-илл.ед.ч.), piĕĕc 'сосна' - piĕĕgi (ген.-акк.ед.ч.), piĕĕf 'куница' - piĕĕta (аб.ед.ч.), piĕĕk 'голод' - piĕĕka (дат.-илл.ед.ч.), siĕĕk 'спина' - siĕĕka (дат.-илл.ед.ч.).

ua ~ uo ~ u. Данный тип чередований имеет разнонаправленный характер. Альтернанты чередований помогают дифференциации форм номинатива и косвенных падежей, за исключением датива-иллатива единственного числа, в которых представлен тот же альтернант, что и в номинативе единственного числа: suiĕnt 'наст' - suiĕnt (лок.ед.ч.), ōuar 'муха' - ōurĕĭ (ген.-акк.ед.ч.), luovas 'свободный олень' - luvasittĭ (парт.), vuondist лок.ед.ч. от viĕ'd 'сосновый корень', viĕrt 'волос' - vuortĭst (лок.ед.ч.), tuĕr 'морда' - tuoĕrta (аб.ед.ч.).

o ~ u, а. Данный тип морфонологических чередований имеет незначительную распространенность и происходит в парадигме личных местоимений и прилагательных. Чередования способствуют противопоставлению форм номинатива и косвенных падежей у личных местоимений, а также форм положительной степени, с одной стороны, и сравнительной и превосходной

степени прилагательных — с другой:

мопн 'я' — mū (ген.-акк.ед.ч.) — mušt' (лок.ед.ч.) — muh
n'e (дат.-илл.ед.ч.) — mūta (аб.ед.ч.), jonn 'большой'
— jan'ap 'больше' — jan'mus 'самый большой', uсс 'малень-
кий' — oсамр 'меньше' — oсмus 'самый маленький'.

v ~ ø. Широко распространенные морфологические че-
редования гласного с нулем звука происходят во втором слоге
двусложных слов. При помощи этих чередований противопостав-
ляются основы номинатива и косвенных падежей существитель-
ных, а также основы позитива основам компаратива и суперла-
тива прилагательных:

kañeé 'старик' — kamsist (лок.ед.ч.), kiēñeé 'керека' —
kiāñeа (дат.-илл.ед.ч.), kīkas 'вереск' — kīkskī (ген.-
акк.мн.ч.), kīndas 'порог' — kīntsist (лок.ед.ч.), poḡas
'шарус' — poḡsata (аб.ед.ч.), joḡbas 'круглый' — joḡbse-
mus 'самый круглый', ŋūckeé 'сырой' — ŋūksap 'сырее' —
ŋūksamus 'самый сырой', vujkīé 'прямой' — vujsap 'пря-
мее' — vujsamus 'самый прямой', lañteé 'пологий' — lañt-
sap 'положе' — lañtsamus 'самый пологий'.

Завершая анализ морфологических и морфологических че-
редований следует отметить, что в различении форм и основ
слова принимают участие, как правило, два и более альтерна-
та чередования, что способствует наиболее четкому противो-
поставлению форм и основ слова. Чередования связывают и
предсказывают грамматические значения. Зная правила чередо-
ваний согласных и гласных и их грамматическую соотнесенность
по исходной форме можно строить остальные формы слова.

ГЛАВА III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА

К проблеме грамматической категории

Выделение грамматических категорий слова в качестве специального предмета исследования предполагает обязательное разграничение форм словоизменения и словообразования. Словоизменение охватывает те случаи, когда лексическое значение слова остается неизменным, а реляционные значения меняются. Грамматическая категория словоизменительной системы соотносится со словоформой и вне ее существовать не может. Грамматическая категория двумерна: план содержания представлен грамматическим значением, план выражения — системным набором взаимно противопоставленных словоформ (не менее двух) или парадигмой, объединенной значением этой категории¹.

Как отмечает А.А.Реформатский, обзор грамматических явлений удобнее начинать с грамматических способов, так как при грамматическом анализе всегда легче идти от способа выражения к выяснению значения. В последнем случае языку легко "примыслить" то, что не выражено в нем. Следуя первым путем, это легко избежать, так как обнаружить способ выражения того или иного грамматического значения не так уж сложно, а если налицо грамматический способ, то имеется и значение, которое он выражает².

Словоизменительная категория выявляется лишь в тех случаях, когда есть хотя бы два противопоставленных способа его выражения. Невозможно существование грамматической категории, реализующейся в одной форме. Так, грамматическая

---

¹ Г у х м а н М.М. Грамматическая категория и структура парадигм. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с.123-124.

² Р е ф о р м а т с к и й А.А. Введение в языкознание... с.263.

категория числа выделяется в саамском языке, потому что существует формально выраженное противопоставление единственного, двойственного и множественного числа.

Выделяя маркер той или иной словоформы, необходимо учитывать две оси: вертикальную и горизонтальную. В первом случае рассматривается система словоформ одного слова, причем постоянной величиной является лексическая основа слова, а переменной — система словоизменительных маркеров, например, $s\bar{i}l\bar{r}$ 'серебро' — $s\bar{i}l\bar{b}-i$ (ген.-акк. мн. ч.) — $s\bar{i}l\bar{r}-a$ (дат.-илл. ед. ч.) — $s\bar{i}l\bar{b}-ta$ (аб. ед. ч.) — $s\bar{i}l\bar{b}i-st$ (лок. ед. ч.). Во втором случае статус выделенных маркеров проверяется путем подстановки разных лексических единиц, так что постоянной величиной является маркер, а переменной — лексическая основа, например: $s\bar{i}l\bar{b}i-st$, $j\bar{i}n\bar{i}-st$, $\check{c}i\bar{u}d\bar{i}-st$ лок. ед. ч. от $s\bar{i}l\bar{r}$ 'серебро', $j\bar{i}n\bar{n}$ 'голос', $\check{c}i\bar{u}t$ 'кожа'.

Грамматической категорией называют совокупность элементов языка, объединенную грамматическим значением при обязательном наличии выражения грамматического способа.

Техника выражения грамматических значений в разных языках различная. Грамматические значения в системе словоизменения саамского языка выражаются следующими грамматическими способами:

1) агглютинацией, точнее суффиксацией:

$ra\check{s}$ 'злой' — $ra\check{s}a-p$ 'злее' — $ra\check{s}a-m\check{s}$ 'самый злой', $ra\check{s}e$ 'шпика' — $ra\check{s}e-i-st$ (лок. ед. ч.) — $ra\check{s}e-ta$ (аб. ед. ч.) — $ra\check{s}e-a$ (дат.-илл. ед. ч.), $ri\check{s}a-m$ 'я ползу' — $ri\check{s}a-t$ 'они ползут' — $ri\check{s}a-\check{c}-im$ 'я полз бн';

2) совмещением суффиксации с внутриосновными или морфологическими чередованиями согласных и гласных. Данный способ выражения грамматических значений является в кольско-саамских диалектах самым распространенным:

$u\check{x}$ 'дверь' — $\bar{u}x\bar{i}-st$ (лок. ед. ч.) — $\bar{u}x\bar{i}$ (ген.-акк. мн. ч.) — $u\check{x}\bar{a}$ (дат.-илл. ед. ч.) — $\bar{u}x\bar{a}-ta$ (аб. ед. ч.), $ra\check{h}r\check{p}\bar{e}$ 'скрести' — $r\bar{a}v\bar{a}-m$ 'я скребу' — $ra\check{h}r\check{p}\bar{i}-m$ 'я скреб' — $r\bar{a}v\bar{c}-im$ 'я скреб бн';

3) морфологическими или грамматическими чередованиями:

$sa\check{n}'n'$ 'слово' — $sa\check{n}'$ (ном. мн. ч., ген.-акк. ед. ч.), $va\check{s}t\bar{i}n'$ эсс. — $v\bar{a}s\bar{t}\bar{i}n'$ ком. ед. ч. от $va\check{s}t$ 'веник', $ka\check{l}\bar{m}$ 'он мерз-

нет' - kaŕm 'мерзны', uġsım 'я бежал' - ūġsım 'мы бежали';

4) способом аналитизма:

ŭam pŭŕhtmĩnċ 'я пришел', jĩm ŭa rotmĩnċ 'я не ел'.

Анализ грамматических категорий связан прежде всего с выявлением флексий, выражающих те или иные грамматические значения. В саамском, как и в других финно-угорских языках, флексии подразделяются на три группы³: а) окончания, к которым относятся падежные и лично-числовые окончания: p̄essa-ta 'без ружья', p̄āja-m 'я кладу', koŕsji-kki 'проснитесь'; б) показатели или признаки, к которым относится, например, признак множественного числа и имперфекта - i: halg-i-ta 'без поленьев', kŕg-i-m 'я связал'; в) притяжательные или посессивные суффиксы: jaŕla-m 'моя, наша мать', juoŭjĩne-š 'ногой своей', jiŭi-š-ta 'без него самого'.

Кроме названных типов флексий, в бабинском диалекте саамского языка выделяются так называемые "тематические гласные", которые не выражают грамматического значения, а являются связующим элементом между словом и флексией, например, siēŭk 'спина' - sieŭg-i-st (лок.ед.ч.) - sieŭg-i-n (лок.мн.ч.), šešš 'тетя' - šezza-m 'моя, наша тетя'. Термин "тематические гласные" употребляется нами по аналогии с соответствующими гласными славянских языков, где они соединяют корень слова с каким-либо постфиксом⁴.

Именные и глагольные основы в бабинском диалекте

При исследовании грамматических категорий невозможно обойтись без анализа основ имени и глагола. Основой слова называют ту ее часть, которая остается, если отбросить окончание. Различают обычно лексическую основу, которая не включает в себя словоизменительных суффиксов (puađa-m 'я приду'), и морфологическую, или словоизменительную, которая, напротив, включает в себя словоизменительные суффиксы (pŭŭtti-m 'я пришел', puađ-š-im 'я пришел он'). При образовании тех или

³ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus..., с.251.

⁴ Реформатский А.А. Введение в языковедение..., с.266.

инных словоформ необходимо различать гласные основы, оканчивающиеся на гласный (piert₁-st лок.ед.ч. от piit 'дом', vēga-m 'я веду'), и согласные, оканчивающиеся на согласный (kuad₁-ta 'без вежи', ruad-č-im 'я пришел бы'). В диалектах саамского языка типы гласных основ не являются единичными. В норвежско-саамском гласные основы оканчиваются на -â, -a, -e, -î, -o, -u⁵, в языке сонгельских саамов на -â, -a, -e, -i, -ð, -u⁶, в кильдинском диалекте на -a, -ε, -o⁷, в бабинском на -a, -a, -ε, -i, -o, -u. Существование шести типов гласных основ не означает, однако, того, что все они могут выступать в парадигме любой части речи. Так, при склонении существительных выявляются гласные основы на -i, -a, причем основы на -a встречаются только в абессиве, когда на стыке морфем необходимо избежать стечения трех неудобных для диалекта согласных: kemeš 'место токования' - kema-ta (аб.ед.ч.). Во всех остальных случаях существительные имеют гласную основу на -i. В притяжательном склонении существительных, а также при изменении прилагательных по степеням сравнения выявляются две гласные основы: основы на -a, -ε. Основы на -a выступают в формах I и 2 л. ед. и мн. числа притяжательного склонения существительных и в формах компаратива прилагательных, например, εhč 'отец' - εhčam 'мой, наш отец', kiεras 'твердый' - kiεra-p 'тверже'. Основы на -ε появляются в формах 3 л. ед. и мн. числа притяжательного склонения существительных и в формах превосходной степени прилагательных, например, juēik 'нога' - juēje-á 'его нога', čuimá 'громкий' - čuimε-mus 'самый громкий'. Основы на -o и -u выявляются лишь в формах местоимений: muh 'я' - muš (ген.-акк.ед.ч.) - mušt (лок.ед.ч.) - mu-ta (аб.ед.ч.), ku 'который' - ko-n (ген.-акк.ед.ч.) - ko-z (дат.-илл.ед.ч.) - košt (лок.ед.ч.).

⁵ Lagercrantz E. Lapin kielen opas. - Hki, 1947, s. 1-2.

⁶ Korhonen M., Mosnikoff J., Sammalahhti P. Koltansaamen opas..., s. 39-95.

⁷ Керт Г.М. Саамский язык..., с. 130-136, 175.

В глагольном словоизменении бабинского диалекта обнаруживаются гласные основы на -а, -ӑ, -ε, -i. Основы на -i характеризуют формы имперфекта, остальные гласные основы выступают в презенсе: vuosta-m 'я покупаю' - vüēste-p 'мы покупаем' - vuost'a-t 'они покупают' - vüēsti-m 'я купил' - vuesti-m 'мы купили' - vüēsti-š '(они) купили'. Отметим, что спряжение глаголов в кильдинском диалекте дает противопоставление двух гласных основ: основ презенса на -а и основ имперфекта на -ε⁸.

В словоизменении имени и глагола важно различение согласных основ. В бабинском диалекте эти основы могут оканчиваться на любой согласный, кроме х, х̆, һ, һ̆, ʉ. К согласной основе присоединяются следующие флексии: падежное окончание абессива единственного числа: sāj̆m-ta 'без сети'; признак суперлатива: kuss 'тухлый' - kuss-mus 'самый тухлый'; сослагательного наклонения - č: vuonj̆-čim 'я достал бы'; причастий -m̆iņč, -m̆iņč, -iš, -iš, -ma и герундия -men: kečk-m̆iņč 'утонувший', močt-m̆iš 'сломавший', čuhr-ma 'рубящий', van'c-men 'шагая'.

В зависимости от того, сильная или слабая ступень согласных представлена в основе слова (гласной или согласной), они подразделяются на сильные и слабые. В именном и глагольном словоизменении противопоставление сильных и слабых согласных основ имеет решающее значение, поскольку информация о форме слова часто заключается в самой основе, например, pūht 'он придет' - puad 'приди'.

Помимо этого, основы (гласные и согласные) могут быть твердыми, если в них представлены твердые согласные, и мягкими, если соответствующие согласные или их корреляты являются мягкими (полумягкими): eik 'сын' - alk-a (дат.-илл.ед. ч.) - ēigi-st (лок.ед.ч.), vaite 'взять' - vālda-m 'я возьму' - vahti-m 'я взял'.

Различие основ поддерживается еще квантитативными и квалитативными чередованиями гласных первого слога, чем достигается максимальная дифференциация основ слова и большое их разнообразие. Количество основ в парадигме одного слова, осо-

⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.134.

бенно глаголов, может достигать 7-8: *šūlm* 'узел' - *šūolm* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - *šūlm-i* (ген.-акк.мн.ч.) - *šūlm-a* (дат.-илл.ед.ч.) - *šūlm-i-ta* (аб.мн.ч.), *kālle* 'бредти' - *kāle-m* 'я бреду' - *kall* 'он бредет' - *kālle-p* 'мы бредем' - *kālli-m* 'я брел' - *kāli-m* 'мы брели' - *kāll* 'бреди' - *kāl-š-im* 'я брел бы'. Такое разнообразие и четкая оформленность гласных и согласных основ вызваны тем, что в кольско-саамских диалектах грамматическое значение в значительной степени выражается внутрисловными чередованиями, т.е. разными типами основ слова. Это в свою очередь говорит о преобладании в этих диалектах внутренней флексии над агглютинацией⁹.

Грамматические категории имени

Словоизменительными грамматическими категориями имени являются категории падежа, числа, притяжательности и степеней сравнения.

Категория падежа

Падеж - это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи¹⁰. Чтобы установить, существует ли какой-либо падеж в языке, нужно прежде всего опираться на признак морфологического выражения, и только во вторую очередь, но в обязательном порядке, должна приниматься во внимание его синтаксическая функция¹¹. Исходя из этого в бабинском диалекте выявляются 8 падежей: номинатив, генитив-аккузатив, партитив, эссив, датив-иллатив, локатив, комитатив и абессив. В работе наряду с выявлением падежных формантов и образованием падежей будут рассматриваться и их значения.

⁹ Керт Г.М. Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка. - В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М.;Л., 1962, с.153.

¹⁰ Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972, с.139.

¹¹ Майтинская К.Е. К вопросу о категории падежа. - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с.230.

Номинатив единственного числа в саамском, как и в других финно-угорских языках, не имеет падежного окончания.

Номинатив множественного числа также не имеет суффиксально выраженного показателя. Он образуется посредством внутрифлективных чередований: пӱӧӧгг - пӱӧгг 'веревка-веревки', суӱгг - суӱгг 'палец-пальцы', кӱндас- кӱнттаз 'порог-пороги', лӧмӧ - лӧмӱгг 'игна-игни'. Чередования согласных и гласных корня сигнализируют как о числе, так и о падеже. Более подробно рассмотрим их в связи с категорией грамматического числа.

Номинатив может выражать:

1) субъект действия, выступая в предложении подлежащим - шаппа виӱӱӱӱ рӱӱӱӱ 'потом его брат пришел', аӱӱк виӱӱӱӱ кӱӱӱӱӱӱ 'жена поехала в Колу', виӱӱӱӱӱӱ иӱ виӱӱӱӱӱӱ рӱӱӱӱӱ 'теленочек не может еще подняться';

2) особенность, свойство субъекта действия, выступая в роли именной части составного сказуемого - аӱӱт иӱе кӱеӱӱӱӱ 'посуда пустая', пӱӱӱӱӱӱ иӱӱӱӱӱӱ жӱӱӱӱӱӱ 'женщина была беременной', сӱӱӱӱӱӱ иӱӱӱӱӱӱ 'вода была холодная';

3) время, употребляясь со словом жӱӱӱӱӱӱ, жӱӱӱӱӱӱ 'каждый' - миӱ иӱӱӱӱӱӱ пӱӱӱӱӱӱ жӱӱӱӱӱӱ рӱӱӱӱӱ 'мы ставили невод каждый день', жӱӱӱӱӱӱ жӱӱӱӱӱӱ иӱӱӱӱӱӱ жӱӱӱӱӱӱ 'в каждом озере было много рыбы' жӱӱӱӱӱӱ иӱӱӱӱӱ миӱ виӱӱӱӱӱӱ кӱӱӱӱӱӱ 'каждый день мы ездим в гости';

4) может выступать в функции определения - фермиӱӱӱӱ 'радуга' (букв. гром-дуга), аӱӱӱӱӱ 'туча' (букв. дождь-облако), сӱӱӱӱӱӱ 'Покостров' (букв. ящик-остров), сӱӱӱӱӱӱ рӱӱӱӱ 'черт' (букв. острая шапка).

Генитив-аккузатив единственного числа не имеет суффиксально выраженного падежного окончания и по форме совпадает с номинативом множественного числа: рӱӱӱӱ 'меч' - рӱӱӱ (ном. мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), лӧӱӱӱ 'дерево' - лӧӱӱӱ (ном. мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), сӱӱӱӱ 'горло' - сӱӱӱӱ (ном. мн.ч., ген.-акк.ед.ч.).

Признаком генитива-аккузатива множественного числа является -i, присоединяющийся, как правило, к слабой согласной основе. В гласном совмещается идея падежа и числа, т.е.

он является падежно-числовым окончанием: *mēgǽ* 'мережа' - *mēgǽ-i* (ген.-акк.мн.ч.), *mūõht* 'лицо' - *mūõd-i* (ген.-акк.мн.ч.), *paĩk* 'наволлок' - *pārgi* (ген.-акк.мн.ч.).

В прошлом генитив и аккузатив множественного числа имели формально различные падежные окончания: генитив *-i*: *o_lgi* (ME, I24) 'сыновей', *tijji* (ME, I25) 'ваших'; аккузатив *-t, d*¹²: *pārna_t* (ME, I25) 'детей', *rejvid* (ME, I27) 'дней'. Впоследствии, когда падежное окончание аккузатива множественного числа исчезло, предшествовавший ему признак множественного числа *-i* стал падежно-числовым окончанием, и, таким образом, формы генитива и аккузатива множественного числа совпали. Отметим, что в настоящее время аккузатив и генитив множественного числа формально различаются в диалектах кильдинском¹³ и Колтта¹⁴.

Существительные и местоимения в форме генитива-аккузатива употребляются с послелогоми: *vũker* vujkiš pobba e_l_l* 'мы пойдем прямо на медведя', *sonn puđi mū garra* 'он пришел ко мне', *sonn kuad* e_l kuõrñi* 'он на веку взобрался'; с числительными от двух до шести включительно: *kūõht a_l_g* 'два сына', *koõm kuēl* 'три рыба', *ñe_l_l e_l_l* 'четыре острова'; в качестве падежа объекта, соответствующего аккузативу и партикву прибалтийско-финских языков: *monn vuĩnnim hied** 'я видел девушку', *jaõnam e_h_sam vu_lkiš e_l_jmi juõsti e_ve_e* 'мать, отец пошли на Имандру сети ставить', *jaõnis vu_lgi mu_rji ussi* 'его мать пошла ягоды собирать'.

Генитив-аккузатив выступает в роли:

1) прямого дополнения: *pe_znan pi_jjiš var_tje* 'женщину поставили сторожить', *monn vennas po_hñmistim* 'я лодку повернул', *s_l_r_i d_i jõn_i ussiš* 'чернику и бруснику собирали';

2) определения, выражая при этом лицо, место, принадлежность: *tan garra minne* 'к кому идти', *je_l_pua mū me_l_t* 'не ходи за мной', *t_i_t_lie sū_pua_z* 'это его олень', *m_i_j_ji_lim_parg_fe_jist* 'мы жили на краю мыса', *i_h_t_pu_đ_i_ki_n_taz_l_m_l_š_t_i* 'один (человек) пришел, на порог сел', *m_i_j_suk-*

¹² H a l á s z I. Grosz-lapp nyelvtany vázlat...8 old.

¹³ К е р т Г.М. Самицкий язык..., с.141.

¹⁴ K o r h o n e n M., M o s n i k o f f J., S a m m a l l a n t i P. Koltansaamen opas..., с.35-36.

ker' jōg šeilt 'мы гребем по реке', ebroxt māni 'туча
 прошла', vinnaz guht lai jal 'борт лодки был высокий', lampraz vuonč jim por 'мясо овцы я не ем'.

Парти́тив в саамском языке имеет только форму единственного числа. Функции партитива множественного числа, с точки зрения прибалтийско-финских языков, выполняют формы аккузатива множественного числа. Падежно-числовое окончание партитива в бабинском диалекте -tti (в кильдинском -dā¹⁵, в диалекте Колтта -d¹⁶) присоединяется к гласной основе: sām¹itti 'саамов', ni²džitti 'девочек', kor³itti 'копелок', ti⁴hr⁵itti 'лап'.

В западно-саамских диалектах партитив употребляется только в некоторых формах местоимений и числительных¹⁷. В восточно-саамских диалектах партитив употребляется значительно шире и образуется от существительных. И. Беронка считает, что когда-то партитив в саамском языке употреблялся везде как форма имен существительных¹⁸.

Существительные в форме партитива употребляются: с числительными от семи (включительно) и выше: mi¹ji ša²n³ist i⁴e a⁵x ra⁶n⁷žitti 'в нашей семье девять детей', k¹ö²ssa ru³ittiš ku⁴oht⁵lo⁶ju⁷ o⁸u⁹n¹⁰žitti 'в гости пришло двадцать человек'; со словами 'много', 'мало', 'полно': vi¹ns²ist lai je³n⁴ni ne⁵zn⁶itti 'в лодке было много женщин', mie¹ci²st i³e vä⁴nas ku⁵mp⁶ritti 'в лесу мало грибов', še¹r²kitti ti³ud ja⁴ur i⁵e 'озеро полно чаек'; в конструкциях со сравнительной степенью: ra¹i²deš i³e vi⁴h⁵kar ri⁶e⁷n⁸nitti 'волк сильнее лиса', ja¹ur i²e šö³amp lu⁴pr⁵itti 'озеро больше озера в разливе

¹⁵ Кер т Г.М. Саамский язык..., с.141.

¹⁶ Korhonen M., Mosnikoff J., Sammallahhti P. Koltansaamen ораз., с.34.

¹⁷ Конт К. О партитиве в финно-угорских языках. - Сов.финно-угроведение, 1967, III,1, с.2; Kont K. Partitiivista kuolanlapin murteissa. In: - SIFU II, 1965, pars 1, s. 280.

¹⁸ Беронка J. Lappische Kasusstudien, II - Oslo, 1940, S. 145.

реки'; с некоторыми предлогами и послелогами: *vist jehkela-
žitti* 'ближе к вечеру', *suoljetti vūāsta* 'напротив ост-
рова'.

Патитив выражает часть целого, при этом он является падежом прямого дополнения: *sijđist lie jenni vāmlitti* 'в погосте много саамов', *kuad' cūhpist lai jenni pārmiskitti* 'в углу вежи было много портянок', *mušt' lai tiñsem pienn-
jetti* 'у меня было семь собак'.

Датив-иллатив¹⁹ имеет следующие падежно-числовые оконча-
ния: в единственном числе - а, а, реже - е, во множествен-
ном - и. Окончания единственного числа присоединяются к силь-
ной согласной основе, окончания множественного - к слабой:
n'āwī 'гвоздь' - *n'āwla* (дат.-илл.ед.ч.) - *n'āwli* (дат.-
илл.мн.ч.), *vuwa* 'червь' - *vuwa* (дат.-илл.ед.ч.) - *vū-
si* (дат.-илл.мн.ч.). Формы датива-иллатива и генитива-акку-
затива множественного числа совпадают, что, однако, не ведет
к непониманию в речи, так как смысл сказанного во многом за-
висит от контекста и лексического значения глагола, управ-
ляющего этими падежами.

Датив-иллатив может обозначать:

1) место, в которое или на которое, кто-нибудь или что-
нибудь входит: *vām razzan hoitēdi jaŋra* 'саамская женщина
прыгнула в озеро', *men čikkara ruot rohci* 'иди на кегору,
приведи оленей', *mij mēnim ŋark fanša* 'мы пошли на край
мыса', *sij ištis vjñsi* 'они сели в лодки';

2) действие, которым кто-нибудь начинает или будет за-
ниматься: *sij minñis nūñtta* 'они пошли тянуть невод' (букв.
к неводу), *oimola vjkiš mānsa* 'мужчины пошли охотиться'
(букв. в лес);

3) лицо, которому что-нибудь дается или говорится: *rič-
pa vōjtak maht tun'n'e giak* 'кокору согнешь, как тебе

---

¹⁹ В зарубежной лапонистике данный падеж называют ил-
лативом. На наш взгляд, термин "датив-иллатив", предложен-
ный Г.М.Кертон (Саамский язык...с.141), полнее отражает сущ-
ность этого падежа, поскольку иллатив финно-угорских языков
является внутреннеместным падежом вхождения, тогда как рас-
сматриваемый падеж-как внутренне-, так и внешнеместным паде-
жом вхождения: *jaŋra* 'в озеро, на озеро', *sun'n'e* 'в него,
ему'. Не случайно И.Халас считает этот падеж аллативом-илла-
тивом (H a l á s z I. Oroz-lapp nyelvvtany vázlat...8 old).

надо', on'd' mun'n'e tēngi 'дай мне денег', monn vīgam
sun'n'e kuai 'я отнесу ему рыбы', i čēikat' tin niždže
'и говорят той девочке';

4) время, в данном случае датив-иллатив, отвечает на вопрос "до какого времени?": idalža raŭtkuai kuodjat' 'до утра жареницу оставляют', vuard' mū talva 'жди меня до зимы', jehkelža pārna čirstālat' vuolas vīrast 'до вечера дети катаются вниз с горы'.

Локатив²⁰ имеет следующие падежно-числовые окончания: в единственном числе - st, št', во множественном - n', которые присоединяются к гласной основе на -i со слабой ступенью согласных: sijdjist лок.ед.ч. - sijdjin' лок.мн.ч. от sijt 'погост', čīlmist лок.ед.ч. - čīlmin' лок.мн.ч. от čīlm 'глаз'. В локативе совпали два падежа: падеж нахождения и исхода. В шведско-саамском они имеют два различных падежных окончания: juhkasna 'в реке', juhkasta 'из реки'. В восточно-саамских диалектах, как и в норвежско-саамском, инессивное падежное окончание исчезло и элатив превратился в локатив, в котором содержатся функции обоих первоначальных падежей²¹: mij jīim hortseūljet 'мы жили на Хортострове', roūvīnč hujkkej čāzist 'медведь выскочил из воды'. Локатив имеет следующие значения:

1) нахождения внутри чего-либо или соприкосновения с чем-либо, что соответствует основному значению прибалтийско-финского инессива: mij jīim miecišt 'мы жили в лесу', tobn mī īi kieckti piezist 'там что-то закрипело в дереве', tēīī jāmrin' kuai šēiat' 'в тех озерах рыбу ловят',

²⁰ В работах Г.Н. А. Л. а. с. з. "Orosz-lapp nyelvtany vázlat" и Г.М.К. е. р. т. а. "Саамский язык" этот падеж называется инессивом-элативом, что, на наш взгляд, сужает его функции до внутреннеместного падежа исхода и нахождения. В действительности же он несет на себе еще и функции внешнеместных падежей исхода и нахождения (см. К. o. r. h. o. n. e. n. M. L. a. p. i. n. m. a. r. t. e. i. d. e. n. k. e. s. k. i. n. i. s. i. s. t. ä. s. u. h. t. e. i. s. t. a. . . , s. 62). Поэтому термин "локатив", принятый в зарубежной лапонистике, является, видимо, более удачным.

²¹ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus..., s. 263.

лõй*т ìе мӯрjст 'глухарь сидит на дереве';

2) места, из которого кто- или что-нибудь исходит и материала, из которого что-нибудь делается, т.е. значения элатива прибалтийско-финских языков: sonn vjddj õugas pìertist 'он вышел на улицу из дома', mij ruiddim nuochtist 'мы пришли с рыбной ловли', kitkem tuijat* mürjst 'ляльку делают из дерева', оллin* koddjš vācì 'из шерсти вязали рукавицы';

3) места, на поверхности которого что-нибудь или кто-нибудь находится, а также лица или предмета, у которого что-нибудь находится, т.е. одно из значений адессива прибалтийско-финских языков: sonn muuttim jāmrin* jīli 'он на разных озерах жил', jannam ehšam kuodjš ēverist 'мать, отец остались на озере Имандра', ixt kahpešt* ìai pañ 'у одной женщины был ребенок';

4) места, с поверхности которого что- или кто-нибудь отходит, либо лица, у которого что-нибудь берется, т.е. одно из значений аблатива прибалтийско-финских языков: šamj ruidi jāmrist 'семья пришла с озера', šõõjmürist mām faž 'от планки подборюшины идет тля', ākist ìlg ruoh-tji 'у старухи сына взяли'.

Эссив имеет только форму единственного числа. Падежное окончание эссива -n* присоединяется к гласной основе на -i с сильной ступенью согласных (сочетаний согласных). Форма единственного числа в необходимых случаях употребляется в значении множественного. Падежные окончания эссива и комитатива единственного числа совпадают, но присоединяются они к разным основам: в эссиве - к сильной, в комитативе - к слабой: viļrin* эссив - viļbin* ком.ед.ч. от viļr 'се-ребро'.

Основные значения эссива:

1) положение или состояние, в котором кто- или что-нибудь находится: а маппа мӯ рiçjš šõvin* 'а потом меня назначили председателем', sonn māvт ruiddj zaļtin* 'он домой пришел солдатом' sū ārken* kāskat* 'его (олени) на второму году холостят';

2) положение или состояние, в котором кто- или что-нибудь переходит. В прибалтийско-финских языках в данном случае употребляется транслатив: tin nied* vaitiš

poŭrin' 'ту девочку взяли поваром', sū piijis̄ kon'jun' 'его назначили конюхом', sonn mēnī tiz sabbars̄ikk̄in' 'он ушел туда в заборщики';

3) время: a numb̄ ēgin' sonn vijdī kāvvan' 'а на следующий год она вышла замуж', tin̄ pējvin' monn̄ leījim sū luin' 'в тот день я был у него', jehk̄al̄xin' monn̄ leījim kuadist' 'вечером я был в веже'.

Комитатив единственного числа имеет падежно-числовое окончание - n', которое присоединяется к гласной основе на -i со слабой ступенью согласных (сочетаний согласных): p̄iŋgin' 'с ветром', v̄insin' 'на лодке'.

Падежно-числовое окончание комитатива множественного числа -guim, -vuim, -vijim присоединяется к гласной основе на -i, в котором представлена сильная ступень согласных (сочетаний согласных): poh̄siguim 'на оленях', pinn̄iv̄uim 'с собаками', sāj̄miv̄ijim 'сетями'. В редких случаях окончания множественного числа комитатива присоединяется к слабой основе, как это повсеместно наблюдается в кильдинском диалекте²². В бабинском диалекте, таким образом, основы единственного и множественного числа комитатива различаются относительно представленных в них ступеней согласных, что способствует более четкой дифференциации форм единственного и множественного числа, хотя они и имеют различные падежно-числовые окончания.

Комитатив имеет следующие значения:

I) лица или предмета, совместно с которым совершается какое-нибудь действие: sonn̄ aŋk̄inīs̄ vuol̄jī k̄iõsse' 'он с женой пошел в гости', а tit̄ kiem̄nin' v̄āxī māst' 'а тот с котелком вернулся домой', mies̄ist̄ pinn̄iv̄uim̄ š̄īlīis̄' 'в лесу с собаками охотились', vāsk̄ īaī mīj̄iv̄uim' 'Вася был с нами';

²² К е р т Г.М. Саамский язык..., с.143-156.

2) средства или способа, с помощью которого что-нибудь совершается. Соответствует в данном случае адессиву или инструментиву прибалтийско-финских языков: *korhken' lüõõt vüäjäva* 'дубинкой бьет по голове', *ehšam äigi vozzi gruz pohoišim* 'мой отец стал возить грузы на оленях', *mist faätiš jan'amr kuutün' pohcin'* 'у нас чаще запрягали по два оленя', *mij kiersin' vuoišim miesist* 'мы на кереже ездили в лесу';

3) одно из значений локатива: материал, из которого что-нибудь делается, в данном случае употребляется в комитативе множественного числа: *szävuim käzi vīršat'* 'из черники готовят кидз', *piēšk kuarat' nurr tušijigim* 'печок шьют из шкур молодых оленей', *komšvuim kanmi kuarat'* 'каньги шьют из койб', *luomnivum šuut vīršat'* 'из морошки шьют готовят'.

Абессив в отличие от других падежей имеет единое падежное окончание по линии единственного и множественного числа *-ta*²³, которое в единственном числе присоединяется к слабой согласной основе: *eģēta* 'без года', *niäd'ta* 'без куницы', *äläta* 'без важенки'. В отдельных случаях, когда на стыке морфем возникают сочетания из трех согласных, они разделяются на морфемном шве гласным а и, таким образом, *-ta* в этих случаях присоединяется к гласной основе на *-a*: *kušškmata* 'без орла', *rimjata* 'без бумаги', *surmtata* 'без пальца'.

Во множественном числе окончание *-ta* присоединяется к основе множественного числа: *ēģita* 'без годов', *niädita* 'без куниц', *äläita* 'без важенок'.

Абессив обозначает отсутствие чего-нибудь, то, без чего совершается действие: *kašjñš kahpraäta oģš* 'старик без шапки бежит', *jerka ruk porriš vuõta* 'раньше все без соли ели' *motom šuoro i šuokta giak vuoiše* 'другой раз и в бездорожье надо ехать'.

Кроме рассмотренных падежей, в восточно-саамских диалектах ранее существовал инструменталий на *-l*: (Колтта) *fšäl-mel* 'глазами', (йок.) *акšал* 'топором', который считается

²³ В кильдинском диалекте падежным окончанием абессива является *-ха, -хта*, см. К е р т Г.М. Саамский язык..., с.141.

возникшим под влиянием адессивных форм карельского языка на -lla, -llä²⁴. В настоящее время в бабинском и в других колско-саамских диалектах инструменталий отсутствует²⁵.

Следует особо остановиться на изменении по падежам местоимений, которые имеют несколько отличную от существительных парадигму склонения. Особенностью склонения личных местоимений является то, что локатив наряду с абессивом имеет единое падежное окончание по линии единственного и множественного числа. Кроме того, в парадигме местоимений наблюдается четкое противопоставление гласных основ единственного и множественного числа, за исключением комитатива, имевшего основу единственного и множественного числа на -i.

	Ед. число	Мн. число
Ном.	monn'я', tonn'ты', sonn'он'	mij'мы', tij'вы', sij'они'
Ген.-акк.	mū, tū, sū	miiji, tiiji
Эсс.	mun', tun', sun'	
Дат.-илл.	mun'n'a, tun'n'a, sun'n'a	miiji, tiiji
Лок.	mušt', tušt', sušt'	mišt', tišt'
Ком.	muin', tuin', suin'	miijivui, tiijivui,
Аб.	muta, tuta, suta	miita, tiita

Изменение по падежам указательных и вопросительных местоимений во многом совпадает. Признаком номинатива множественного числа выступает -k, являющийся в западно-саамских диалектах также признаком номинатива множественного числа существительных²⁶. Как и в прибалтийско-финских языках, падежным окончанием генитива единственного числа является -n. Датив-иллатив единственного числа имеет особые падежно-числовые окончания: -z, -k.

²⁴ I t k o n e n E. Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Hki: SKS, 1961 (Tietolipas; 20), s. 53.

²⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.173.

²⁶ Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские..., с.220.

Указательные местоимения

Ед. число

Ном.	tət'этот', tɨt 'тот'	t'aɪat' 'тот, более удаленный'
Ген.- акк.	t'an', tɨn, tun	t'aɪan
Эсс.	t'ain', tɨin'	t'aɪien'
Дат.- илл.	t'ɛ, tik, tɨz, tok	t'aɪaɪsɛ
Лок.	t'aɪst', tɨst'	t'aɪaɪst'
Ком.	t'ain', tɨin'	t'aɪain'
Аб.	t'ata, tɨta	t'aɪanta

Мн. число

Ном.	tək 'эти', tɨk 'те'	t'aɪak 'те, более удаленные'
Ген.- акк.	t'ai, tɨi	t'aɪi
Дат.- илл.	t'ai(t), tɨi(t)	t'aɪe(t)
Лок.	t'ain, tɨi(n)	t'aɪa(n)
Ком.	t'aivum, tɨivum	t'aɪevum
Аб.	t'aita, tɨita	t'aɪainta

Вопросительные местоимения

	Ед. число		Мн. число
Ном.	mɨ'что', tɨi, kɨi 'кто'	mɨk 'что', kɨk, tɨk 'кто'	
Ген.- акк.	mɨn, fan, kan	mɨi	kai, fai
Дат.- илл.	mɨz, koz	mɨiji,	kaiji
Лок.	mɨst, kost'	mɨin'	kain'
Ком.	mɨin', kain'	mɨivum	kaiyum
Аб.	mɨnta kanta	mɨita	kaita

Возвратное местоимение jɨɔ 'сам' употребляется в бебинском, как и в других кольско-саамских диалектах, только с притяжательными суффиксами, поэтому оно будет рассматриваться в связи с анализом категории притяжательности. Что касается падежных окончаний, употребляемых с этим местоимением то они те же, что и при склонении существительных.

Отличительной особенностью склонения относительных местоимений ku 'который', kuk 'которые' является то, что в

косвенных падежах основой единственного числа является ко-, множественного - koi -.

Разделительные местоимения kuabbiš 'который из двух', kuabba 'которые из двух', изменяясь по падежам, имеют основу kuabžī- (в абессиве ед. числа kuabža-).

Ном.	ku	kuk	kuabbiš	kuabba
Ген.- акк.	kon	koi	kuabba	kuabži
Эсс.	koin	koinin	kuabžin	
Дат.- илл.	koz	koi	kuabži	kuabži
Лок.	košt	koin	kuabžist	kuabžin
Ком.	koin	koiguim	kuabžin	kuabžiguim
Аб.	konta	kointa	kuabžata	kuabžita

Вторая часть неопределенно-личных местоимений (-ni, -linč) при изменении их по падежам kini 'кто-нибудь', mini 'что-нибудь', kiki 'кто-нибудь' (мн.ч.), mikni 'что-нибудь' (мн.ч.), kišlinč 'кто-то', mišlinč 'что-то', kikišlinč 'кто-то' (мн.ч.), mikšlinč 'что-то' (мн.ч.) следует за падежным окончанием. Исключением является абессив, в котором падежное окончание -ta не имеет твердого порядка следования и может стоять или перед второй частью местоимения (-linč), или позади нее (-ni):

Ном.	kini	mini	kiki	micni
Ген.- акк.	kanni	mini	kaini	micini
Дат.- илл.	kozni	micni	kaini	micini
Лок.	koštni	mištni	kainni	micinni
Ком.	kainni	micinni	kainivuum	micinivuum
Аб.	kannita	micnita	kainita	micnita
Ном.	kikišlinč	micšlinč	kikišlinč	micšlinč
Ген.- акк.	kaišlinč	micšlinč	kaišlinč	micšlinč
Дат.- илл.	kozšlinč	micšlinč	kaišlinč	micšlinč
Лок.	koštšlinč	miššlinč	kaišlinč	micšlinč
Ком.	kaišlinč	micšlinč	kaišlinčvuum	micšlinčvuum
Аб.	kaišlinč	micšlinč	kaišlinč	micšlinč

Отрицательные местоимения *nikí* 'никто' - *nikik* (ном. мн.ч.), *nimi* 'ничто' - *nimik* (ном.мн.ч.) при склонении изменяют вторую часть отрицания *-ki*, *-mi*:

Ном.	<i>nikí</i>	<i>nikik</i>	<i>nimi</i>	<i>nimik</i>
Ген.-акк.	<i>nikan</i>	<i>nikai</i>	<i>nimjn</i>	<i>nimijj</i>
Дат.-илл.	<i>nikoz</i>	<i>nikaiji</i>	<i>nimiz</i>	<i>nimijji</i>
Лок.	<i>nikošt</i>	<i>nikain</i>	<i>nimjšt</i>	<i>nimijn</i>
Ком.	<i>nikain</i>	<i>nikaivuim</i>	<i>nimijn</i>	<i>nimijvuim</i>
Аб.	<i>nikanta</i>	<i>nikaita</i>	<i>nimjnta</i>	<i>nimijnta</i>

Категория грамматического числа

В большинстве финно-угорских языков различаются два числа: единственное и множественное, т.е. грамматическими средствами выражается противоположность между одним и многим. Саамский язык наряду с хантыйским и мансийским имеет, кроме того, категорию двойственного числа, которое указывает на двух владельцев или на два лица или предмета, обладаемых кем-то. В саамском языке двойственное число выступает: в личных местоимениях *moai*, *doai*, *soai* 'мы, вы, они (двое)' (норв.-саам.); в посессивных суффиксах, указывающих на двух владельцев: *oab'bas* 'его сестра', *oab'baska* 'его две сестры', *oab'basek* 'его сестры'; в личных формах глаголов: *gulám* 'я слышу', *gulli* 'мы двое слышим', *gullár* 'мы слышим'²⁷. В хантыйском и мансийском языках дуалий употребляется, кроме того, с существительными, исходя из чего П.Равила отмечает ограниченность функционирования двойственного числа в саамском языке²⁸. Двойственное число представлено в основном в западно-саамских диалектах, в кольско-саамских дуалий полностью отсутствует, существуют лишь реликты, указывающие на его былое существование. Функцию двойственного числа взяли на себя формы множественного числа. В кольско-саамских диалектах, таким образом, в настоящее время функционируют два числа: единственное и множественное.

²⁷ R a v i l a P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. - FUF, 1941, 27, S. 4.

²⁸ Ibid., S. 3.

Единственное число

Единственное число служит для обозначения единичных предметов либо совокупности каких-то предметов. В саамском, как и в других финно-угорских языках, единственное число не имеет суффиксального признака и определяется в основном лексически и синтаксически: *mađna viŋiis puidi* 'потом его брат пришел', *me,ntem keađnvuđ son tuij?* (ME, I36), 'какое зло он сделал?'.²⁹

В отдельных случаях единственное число употребляется в функции множественного: 1) с числительными от 2 до 6 употребляется генитив-аккузатив единственного числа, с числительными от 7 и выше - паритив, имеющий в саамском языке только форму единственного числа: *viŋsist ľai koľm oľma* 'в лодке было три человека', *mišt ľai loľk pienjettj* 'у нас было десять собак'; 2) существительные, обозначающие парные предметы, в косвенных падежах употребляются в единственном числе: *kamgiđt čoňkit jieľka*₁ 'надеть каньги' (букв. в ногу) (KKSK²⁹, 636), *gľak piđji vās kiňtta* 'надо надеть рукавицы' (букв. в руку). Выражения "однорукий", "одноногий", "одноглазый" передаются в исследуемом диалекте с помощью слова "половина": *kiňtriěiľi* 'однорукий', *jüěkpiěiľi* 'одноногий', *šiiľbiěiľi* 'одноглазый'. Подобные образования присущи многим финно-угорским языкам³⁰.

Множественное число

В кольско-саамских диалектах множественное число выражается посредством грамматических чередований (*raňk* 'туловище' - *raňg* ном.мн.ч.), присоединением специального грамматического суффикса множественного числа -i, -k (*nađm* 'свадьба' - *nađm-i-ta* 'без свадеб', *mĩ* 'что' - *mĩk* ном.мн.ч.) и с помощью падежно-числовых окончаний (*vierciđst* лок.ед.ч. - *vierciň* лок.мн.ч. от *viěčs* 'мешок').

²⁹ *i t k o n e n* T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja..

³⁰ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития..., с.219-220.

Номинатив множественного числа

Номинатив множественного числа существительных в западно-саамских диалектах образуется посредством присоединения к слову суффиксального показателя: в диалекте Нессею - ^oк, Репперфьорд - ^ot, Квянанген - ^oк, Арьеплут - о, Иккасярви -hk, -ht, Полмак -к³¹. В кольско-саамских диалектах суффиксальный показатель номинатива множественного числа существительных отсутствует, исследуемые формы образуются чередованием согласных (сочетаний согласных) и гласных, другими словами, посредством внутренней флекси.

И.Халас полагает, что показателем номинатива множественного числа существительных в бабинском диалекте является -i³², что неверно, поскольку -i служит признаком множественного числа лишь в косвенных падежах.

В работе Тойво Итконена³³ находят отражение отдельные способы выражения номинатива множественного числа существительных, однако на основании ее трудно представить полную картину выражения интересующей нас грамматической категории. Добавим, что материал бабинского диалекта автором не привлекался.

В силу неразработанности вопроса о выражении номинатива множественного числа эта категория не находит отражения в статье А.Г.Эндюковского³⁴, в которой имеются лишь примеры склонения существительных в единственном и множественном числе.

Выражение номинатива множественного числа в кильдинском диалекте исследуется в монографии Г.М.Керта³⁵. Автор приво-

---

³¹ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские..., с.220.

³² H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvűtany vázlat, 4 old.

³³ I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien aste vaihtelu.

³⁴ Э н д ю к о в с к и й А.Г. Саамский (лопарский) язык...

³⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.139-141.

дит четыре основных типа образования номинатива множественного числа существительных, причем наиболее сложный из них — чередование сочетаний согласных — подтверждается результатами инструментальных исследований.

Во многих случаях для выражения номинатива множественного числа существительных бабинский диалект использует те же средства, что и кильдинский, однако в нем существуют специфические черты, на которых остановимся ниже. При образовании форм номинатива множественного числа односложных существительных принимают участие, как правило, все звуки слова, за исключением первого, т.е. эти формы образуются изменением всей структуры слова: *kalk-kālg* 'краска-краски'. В слове чередуются два и более звуков, они как бы подстраховывают друг друга и создают максимальную дифференциацию форм единственного и множественного числа. Связано это с тем, что отдельные маркеры форм множественного числа, например аусляутные звонкие согласные, могут в речевых ситуациях нейтрализоваться, и тогда другие чередующиеся согласные и гласные берут на себя основную функцию в различении форм единственного и множественного числа. Как в односложных, так и в двусложных словах чередования согласных и гласных связаны и предопределяют друг друга: перед сильной ступенью согласных выступает краткий гласный, перед слабой — долгий. В односложных существительных сильная ступень согласных и краткий гласный находятся в форме единственного, а слабая ступень согласных и долгий гласный — в форме множественного числа. В двусложных существительных чередования могут носить разнонаправленный характер.

Номинатив множественного числа образуется:

1) посредством квантитативных чередований аусляутных или янляутных согласных, которым сопутствуют квантитативные или квалитативные чередования монофтонгов и дифтонгов: *kujj-kūj* 'муж-мужья', *ñarñ-ñāñ* 'кожа', *ievv-īēv* 'хлеб', *kīll-kīel* 'петля', *kīrr-kīer* 'кора', *vīsnas-vīnnas* 'лодка', *hāizer-hāizer* 'острога', *kārat-kārrat* 'кормушка', *ñiēdas-lēddas* 'запястье', *kāmas-kammas* 'койба';

2) чередованием аусляутных, реже янляутных согласных по признаку глухости-звонкости. Глухим взрывным и аффрикатам

предшествует, как правило, преаспирация. Как и в преддущем случае, чередованиям согласных сопутствуют чередования гласных. В чередования вступают следующие пары согласных: (h)k ~ g: kihk-kīg 'кукушка-кукушки', rovdik-rovdig 'шкура (овца)', čieggar-čihkar 'кегора'; (h)t ~ d: kiht-kīd 'рука', lūht-luod 'пуля', küht-kued 'вежа'; (h)p ~ v, b: sūbbr-suob 'осина', kehр-kēb 'иглица', heavaš-heäppaš 'лошадь'; (h)č ~ ž: ehč-ēž 'отец', kehč-kēž 'конец', (h)c ~ ž: čāhc-čāž 'гнилушка', čāhc-čāž 'вода', piēhc-piāž 'сосна'; s ~ z: tuņdas-tuņzaz 'заплата', kuss-kuzz 'ель', viļvas-viļvaz 'печень'; š ~ ž: jāhtmuš-jāhtmuž 'голубика', jelmuš-jelmuž 'жизнь', pormuš-pormuž 'еда';

3) посредством количественных чередований сочетаний согласных, которые происходят по схеме $\bar{ху} \sim ху$. Чередования сочетаний согласных подразделяются на следующие типы:

- взрывной + взрывной: küētk - kuētk 'сердце-сердца', kiēdg-kiegd 'камень', kočk-kočk 'муравей';
- p + s, t, c, č: lērs-lērs 'роса-росы', kiрт-kiрт 'грузино', siрс - siрс 'щипцы', niрсas - niрсas 'вертел';
- сонант + сонант: pařn - pařn 'ребенок-ребята', suřm - suřm 'палец', nařm - nařm 'рот', kiēmn-kiemn 'котел';
- сонант + взрывной: piрт - piert 'дом-дома', kařt - kařt 'прорубь', jeřk-jēgd 'болото', vūndas-vuņtas 'песок';
- сонант + аффриката: viērc - vierc 'мешок-мешки', kiņc - kiņc 'ноготь', kořc-kōrc 'кольцо', niņc - niņc 'грудь';
- сонант + шелевой: piļv - piļv 'облако-облака', siļv - siļv 'лось', meřs-meřs 'мережа';
- шелевой + взрывной: tašt - tāst 'звезда-звезды', iēšk - iēšk 'кожа';
- шелевой + сонант: kařm - kāřm 'тезка-тезки', kařv - kāřv 'родник', ařr - ařr 'весло';
- шелевой + шелевой: čořj-čořj 'живот-животы', mařv - māřv 'рыбья молодь', viēšv-viāšv 'плавник';

4) посредством чередований сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по количеству, второй - по признаку глухости-звонкости, т.е. $\bar{ху} \sim хz$. Сильной ступени ($\bar{ху}$) предшествует краткий гласный, слабой ($хz$) - долгий: rařt - rāřd 'райда-райды', niřp-niřb 'нож', роřc-rōņz 'перо',

kuivč-küvž 'кумжа', rčjk - rājg 'дыра', лешč - лашž
'игна', šolk-šolg 'слюна', kuūt-kūūd 'змея', šilt-šūūd
'пень', šūūt-šūūd 'темя';

5) в сочетаниях $\bar{k}, \bar{x} + s, š, t, č$, первый компонент чередуется с неслоговым $\bar{u}$. Подобные чередования характерны для диалекта Колтта³⁶ и отсутствуют в кильдинском: ukš, ukš - ūš 'дверь-двери', oks-ōš 'сук', oht-ōūt 'туча', ūšč - ūšč 'лебедь';

6) чередованием преаспирированных взрывных или аффрикат $s, č$ (ном.ед.ч.) с геминированными взрывными или аффрикатами (ном.мн.ч.): rišhr-rišřr 'куропатка-куропатки', višhr-višřr 'свекор', vašc-vašc 'варежка', šieš-šieš 'лес', kušč-kušč 'щенок';

7) у двусложных существительных чередованием аусляутных согласных по признаку глухости-звонкости, которым сопутствуют чередования гласных второго слога. Наряду с этим аусляутные или инляутные согласные либо те и другие одновременно могут чередоваться по признаку палатализованности-непалатализованности: kaššēš-kaššāš 'старик-старики', kar-kašš-karšš 'ворона', lamšēš-lamšāš 'овца', palšēš-palšāš 'тропинка';

8) у группы односложных слов присоединением второго слога, как это имеет место в диалекте Колтта³⁷: nēš-nāškar 'сон-сны', pīks-pīksem 'губы', šdd-šddam 'костный мозг', šam-šamšam 'борода', šög-šōhkšim 'гребень', vuosk-vuoskan 'окунь';

9) чередованием суффикса деминутивности $-inč, -inč, -iš, -iš$ и аусляутного согласного некоторых существительных с гласным $a, ä$: šāšminč-šāšma 'саам-саамы', kargminč-kargma 'карел', kiedgiš-kiedga 'камешек', nišdinč-nišda 'девочка', šegviš-šegvva 'олень-гирвас', šezis-šezja 'синица', šuar-šurra 'муха', šuen-šun'na 'гусь', šuohr-šurra 'ля-

³⁶ I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien ästevaintelu..., s. 86-89.

³⁷ K o r h o n e n M., M o s n i k o f f J., S a m - m a l l a n t i P. Koltansaamen opas..., s.46-48.

гушка', čūčtk-čuođa 'чирок-свистунок', nočk-čurkka 'утка-нчрок'.

Некоторые имена существительные имеют формы множественного числа: rūnd 'ножницы' (сравни: rūnt 'железо', rūns 'штаны', lieđg 'кожаный хомут'.

Существительные, отражающие родственные отношения, образуют номинатив множественного числа с помощью суффикса -gež, -ež³⁸, который присоединяется к слову, находящемуся в форме притяжательного склонения I л.ед.ч.: jannamgež, ehšamgež 'родители', aijaŋež 'дедушки', ahkamgež 'бабушки'.

Выражение множественного числа в косвенных падежах

Одним из признаков, объединяющих прибалтийско-финские языки с саамским, является существование -i-ового показателя множественного числа в косвенных падежах, который характерен для западно-саамских диалектов³⁹. В кольско-саамских диалектах выражение грамматического числа посредством суффиксального показателя в значительной степени разрушено. Единственным падежом, в котором признак множественного числа -i можно с полным правом считать маркером множественного числа, является абессив, так как он в отличие от других косвенных падежей имеет единое падежное окончание в единственном и множественном числе -ta: riļv 'облако', -riļvta 'без облака' - riļvita 'без облаков'. Формы абессива множественного числа структурно выражаются так же, как и косвенные падежи множественного числа прибалтийско-финских языков. В кольско-саамских диалектах исторически -i был морфологическим показателем множественного числа, однако в результате возникновения формально различных падежно-числовых окончаний в единственном и множественном числе он стал терять свои первоначаль-

³⁸ В кильдинском диалекте в данном случае выступает суффикс -gois, см. Керт Г.М. Саамский язык., с.137.

³⁹ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские..., с.220.

чальные функции и в отдельных падежах перешел в разряд "тематических гласных". Так, в локативе и комитативе множественного числа он выступает перед падежно-числовым окончанием единственного и множественного числа. В названных падежах гласный *-i* "безразличен" к грамматическому числу, поскольку оно выражается падежно-числовыми окончаниями, другими словами, этот гласный является функционально пустым, например, *sūnsist* лок.ед.ч. - *sūnsin* лок.мн.ч., *sūnsin* ком.ед.ч. - *sūnsivuin* ком.мн.ч. от *sūn* 'червяк'.

В формах генитива-аккузатива и датива-иллатива множественного числа произошло отпадение падежного окончания, в результате чего предшествовавший ему показатель множественного числа *-i* взял на себя еще и функции различения по падежам, т.е. стал падежно-числовым окончанием: *šārv* ген.-акк.ед.ч. - *šārv-i* ген.-акк.мн.ч.⁴⁰ - *šārv-a* дат.-илл.ед.ч. - *šārv-i* дат.-илл.мн.ч. от *šārv* 'пешня'.

Таким образом, грамматическая категория находит собственно грамматическое выражение только в абессиве. В остальных падежах *-i* либо стал падежно-числовым окончанием, либо перешел в разряд "тематических гласных". В выражении грамматического числа кольско-саамские диалекты стоят значительно ближе к флективным, чем к агглютинативным языкам.

Категория притяжательности

В сабинском диалекте саамского языка притяжательность выражается как посредством присоединения к слову притяжательного суффикса, так и аналитически: личное местоимение в генитиве + существительное. Нас интересует прежде всего морфологическое выражение притяжательности. В отличие от финского языка, где притяжательные суффиксы могут присоединяться ко всем существительным в случаях, если хотят указать на принадлежность их к одному из трех лиц, в саамском языке притяжательные суффиксы употребляются с ограниченной группой слов: с терминами родства: *jaŋnam* 'моя, наша мать', *ehšat* 'твой, ваш отец', *εīgant* 'ваш сын, сыновья', *viεgram* 'моя сестра,

⁴⁰ В генитиве-аккузативе происходит противопоставление нулевой флексии и падежно-числового окончания *-i*.

мои сестры'; в отдельных случаях со словами, обозначающими части тела человека: *sonn kihtinēs hoifēdj* 'он рукой (своей) помахал', *sonn juoŋinēs likstah̄tj* 'он ногой (своей) пошел'; с возвратным местоимением *jič* 'сам' в косвенных падежах: *viekket ič ičsant* 'спасите себя самих' (ME, I37), *mišt' jičšim pohčj ieiŋiš* 'у нас свои (наши) олени были', *mij kuoŋim jičšimam* 'мы остались сами по себе'.

В западно-саамских диалектах лично-притяжательные суффиксы различаются по трем числам: единственному, двойственному и множественному. В кольско-саамских диалектах двойственное число отсутствует, притяжательные суффиксы имеют формы единственного и множественного числа. Притяжательные суффиксы в бабинском и кильдинском диалектах идентичны: 1 л. ед. и мн. ч. -*m*, -*n*; 2 л. ед. ч. - *t*, мн. ч. -*nt*; 3 л. ед. ч. и мн. ч. -*ä*.

В косвенных падежах притяжательного склонения 1 и 3 л. наблюдается четкое противопоставление гласных основ: в единственном числе выступают основы на -*a* (1 л.) и -*e* (3 л.), во множественном - на -*i*⁴¹. Такая четкая оформленность гласных основ вызвана существованием единых притяжательных суффиксов для единственного и множественного числа. В свою очередь притяжательные суффиксы 2 л. ед. (-*t*) и мн. (-*nt*) числа достаточно ясно различаются по форме и не требуют дополнительного различения основ слова. Они присоединяются к гласной основе на -*a*. В качестве примера просклоняем слово *jannam* 'моя, наша мать':

	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	<i>jannam</i>	<i>jannam</i>	<i>jannat</i>	<i>jannant</i>	<i>jeññes</i>	<i>jeññes</i>
Ген. - акк.	<i>jannan</i>	<i>jannin</i>	<i>jannat</i>	<i>jannant</i>	<i>jeññes</i>	<i>jeññes</i>
Дат. - ил.	<i>jansan</i>	<i>jansnan</i>	<i>jansat</i>	<i>jansant</i>	<i>jeñšes</i>	<i>jeñšis</i>
Лок.	<i>janstan</i>	<i>janstin</i>	<i>janstat</i>	<i>janstant</i>	<i>janstis</i>	<i>janstis</i>

⁴¹ Исключение составляет комитатив, в котором противопоставления гласных основ не наблюдается.

Ком. janninan janninvuim janninat jannintvuim jeññineš jennisg

Аб. jannanta janninta jannatta jannantta jeññesta jeññista

В бабинском диалекте обладатель выступает в единственном и множественном числе, тогда как обладаемое по числам не различается. В кильдинском диалекте обладатель и обладаемое могут быть и в единственном, и во множественном числе⁴². Не исключена возможность, что подобная разветвленная система притяжательного склонения существовала и в бабинском диалекте, а затем утратилась.

Просклоняем также притяжательное местоимение *jič* 'сам', которое, как об этом уже упоминалось, в косвенных падежах употребляется только с притяжательными суффиксами. Распределение гласных основ единственного и множественного числа соответствуют тому, что было определено ранее.

	I лицо		2 лицо		3 лицо	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Ном.	<i>jič</i>	<i>již</i>	<i>jič</i>	<i>již</i>	<i>jič</i>	<i>již</i>
Ген.-акк.	<i>jižan</i>	<i>jižin</i>	<i>jižat</i>	<i>jižant</i>	<i>jižeš</i>	<i>jižiš</i>
Дат.-илл.	<i>jičcan</i>	<i>jičcin</i>	<i>jičcat</i>	<i>jičcant</i>	<i>jičceš</i>	<i>jičciš</i>
Лок.	<i>jižstan</i>	<i>jižst̄in</i>	<i>jižstat</i>	<i>jižstant</i>	<i>jižsteš</i>	<i>jižst̄iš</i>
Эсс.	<i>jičcan</i>	<i>jižñin</i>	<i>jičcat</i>	<i>jižnant</i>	<i>jičceš</i>	<i>jižñiš</i>
Ком.	<i>jižinan</i>	<i>jiženvuim</i>	<i>jižanat</i>	<i>jižantvuim</i>	<i>jižneš</i>	<i>jižñišvuim</i>
Аб.	<i>jižanta</i>	<i>jižinta</i>	<i>jižatta</i>	<i>jižantta</i>	<i>jižešta</i>	<i>jižišta</i>

Как известно, в финно-угорских языках порядок следования падежных окончаний и притяжательных суффиксов не является единым. Достаточно сказать, что в венгерском языке притяжательные суффиксы предшествуют падежным окончаниям⁴³, тогда как в финском они следуют за падежными окончаниями⁴⁴.

⁴² Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык...с.143-147; Керт Г.М. Саамский язык...с.156-160.

⁴³ Майтинская К.Е. Венгерский язык: Ч. I. Введение. Фонетика, морфология. М., 1955, с.123.

⁴⁴ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка: Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1953, с.95.

Саамский язык относится к языкам со смешанным порядком следования притяжательных суффиксов и падежных окончаний, однако он тяготеет к языкам типа финского. В бабинском диалекте только в комитативе и абессиве за притяжательным суффиксом следует падежное окончание, в остальных падежах наоборот. Подобное положение наблюдается в диалектах Колтта⁴⁵ и в кильдинском⁴⁶, в котором, кроме того, в абессиве возможны оба порядка следования. По мнению Б.А.Серебренникова, порядок "притяжательный суффикс + падежное окончание" был первоначальным и более древним в уральских и алтайских языках. В дальнейшем под влиянием послеложных конструкций этот порядок был нарушен и появился новый "падежное окончание + притяжательный суффикс"⁴⁷.

Категория степеней сравнения

В саамском языке качественные прилагательные и некоторые наречия образа действия имеют три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную.

Положительная степень не имеет морфологического признака, т.е. характеризуется нулевым аффиксом. Она является отправной, исходной для построения форм сравнительной и превосходной степени.

Суффиксами сравнительной степени в исследуемом диалекте являются -*mp*, -*r*, имеющие параллели в прибалтийско-финских и венгерском языках. Они присоединяются к гласной основе на -*a*: *siuñiä* 'темный' - *siuñar* 'темнее', *kearpeä* 'легкий' - *kearpar* 'легче', *nurr* 'молодой' - *nuramp* 'моложе', *kjäs* 'толстый' - *kjázar* 'толще', *jonn* 'большой' - *jān^{amp}* 'больше', *miñiä* 'умный' - *miñamp* 'умнее', *reäker* 'горький' - *reäkpar* 'горьше'. В кильдинском диалекте

---

⁴⁵ K o r h o n e n M., M o z n i k o f f J., S a m m a l l a n t i P. Koltansaamen opas ..., s.62-63.

⁴⁶ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.160.

⁴⁷ С е р е б р е н н и к о в Б.А. О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. - Acta Orientalia. Academiæ Scientiarum Hungaricæ, 1962, т. 15, Fasc. 1-3, с. 311-313.

показатель сравнительной степени в настоящее время почти не употребляется, а функцию компаратива взяли на себя внутри-основные чередования согласных и гласных⁴⁸.

Превосходная степень образуется присоединением к согласной основе суффикса превосходной степени *-mus*: *nurr* 'молодой' - *nurtmus* 'самый молодой', *suɛrɛɛ* 'мягкий' - *suɛrɛmus* 'самый мягкий', *ɲarɹ* 'теплый' - *ɲarɹmus* 'самый теплый'. Если на стыке морфем возникают несочетаемые стечения четырех согласных, то перед признаком суперлатива возникает гласный /ɛ/: *ɲaɪgɪs* 'сладкий' - *ɲaɪgɛsmus* 'самый сладкий', *kɪlm* 'холодный' - *kɪlmɛsmus* 'самый холодный', *vɪjk* 'прямой' - *vɪjkɛsmus* 'самый прямой', *mɔɲsaz* 'красивый' - *mɔɲsɛsmus* 'самый красивый'. При присоединении признака компаратива и суперлатива в основе слова происходят качественные и количественные чередования согласных и гласных, которые рассматривались в разделе "Морфологические чередования". В отдельных случаях превосходная степень образуется аналитически: с помощью слова *samɪ* (< самый) и прилагательного в форме положительной или превосходной степени: *veɛɛ* 'чужой' - *samɪ veɛɛ* 'самый чужой', *kuɲk* 'длинный' - *samɪ kuɲk* 'самый длинный', *ɪll* 'крутой' - *samɪ ɪlmus* 'самый крутой', *nurr* 'молодой' - *samɪ nurtmus* 'самый молодой'.

Сравнительная и превосходная степень от прилагательного *ɲiɹ* 'хороший' образуется присоединением показателей компаратива и суперлатива к корню, который отличается от корня положительной степени: *ruɛɪamp* 'лучше' - *ruɛɪmus* 'самый хороший'. В этих случаях говорят о супплетивизме корней или основ. Грамматическое значение сравнительной и превосходной степени передается в такой ситуации грамматическими флексиями (*-mp*, *-p*, *-mus*), супплетивизм же является дополнительным (значительно более важным, чем, например, морфологические чередования) средством передачи названных грамматических значений⁴⁹.

Сравнительная степень указывает на большую степень ка-

⁴⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.167.

⁴⁹ П а н о в М.В. О грамматической форме..., с.32-34.

чества у одного предмета по сравнению с другим: *monn íam úsámp ju* 'я меньше тебя', *roubijn̄ íie kežžar paltsitt̄i* 'медведь толще волка', *ruaž íie fiikk̄ar oumžitt̄i* 'олень быстрее человека'. В отдельных случаях сравнительная степень употребляется безотносительно к какому-либо предмету: *i južámp sám íai* 'и больше ячea была', *šaj valdat̄ jān̄amp* 'чак берут побольше', *porcar lešci ten olmeže šondekeanna* 'лучше было бы этому человеку не родиться' (ME, 132).

Превосходная степень означает высшую степень качества, присущую чему-или кому-либо, выделенному из группы предметов или лиц: *sonn íai roarsamus viiff* 'он был самый старший брат', *vašk mišt̄ íai nurn̄as* 'Вася из нас был самый младший'.

Грамматические категории глагола

В саамском языке к словоизменительным формам глагола относятся спрягаемые (лицо-число, время и наклонение) и неспрягаемые формы (инфинитив, герундий, причастия). Как по морфологическим средствам, так и по технике выражения спряжение глагола не является в саамском языке общим. Восточно-саамские диалекты представляют в этом смысле известное единство: в них существует значительное количество единых морфологических суффиксов, немаловажное значение наряду с агглютинацией имеет внутренняя флексия.

Проанализируем сначала грамматические категории спрягаемых, затем инфинитивных форм глаголов.

Категория лица-числа

В большинстве прибалтийско-финских языков лично-числовые окончания в презенсе те же, что и в имперфекте, например, фин. *tule-n* 'я приду' - *tuli-n* 'я пришел', *tule-t* 'ты придешь' - *tuli-t* 'ты пришел', *tule-mme* 'мы придем' - *tuli-mme* 'мы пришли', *tule-tte* 'вы придете' - *tuli-tte* 'вы пришли'. В саамском языке лично-числовые окончания презенса не совпадают с соответствующими окончаниями имперфекта, за исключением окончаний I и 2 л. ед. числа: *puēhtte-p̄* 'мы придем' - *puidi-m* 'мы пришли', *puētte-p̄p̄'e* 'вы придете' - *puadi-t̄* 'вы пришли', *puad̄a-t̄* '(они) придут' -

ruitti-ä '(они) пришли'. П.Равила объясняет такое несомнение существованием в саамском языке, видимо, когда-то объектного и субъектного спряжений⁵⁰.

Лично-числовые окончания глаголов в изъявительном и сослагательном наклонениях являются единными. Повелительное наклонение имеет свои окончания, которые будут рассматриваться в связи с анализом повелительного наклонения. Инвентарь лично-числовых окончаний в презенсе и имперфекте следующий:

	Презенс		Имперфект	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	-m	-p*	1 л. -m	-m
2 л.	-k	-p*p'e, -vet*t'e	2 л. -k	-t*
3 л.	∅	-t*	3 л. ∅	-ä

Для примера приведем изменение по лицам-числам глаголов $\text{vāñ}^{\text{c}}\text{e}$ 'идти', korrē 'связать'.

Презенс	
Ед.число	Мн.число
1 л. $\text{vāñ}^{\text{c}}\text{am}$, kōram	$\text{vāñ}^{\text{c}}\text{er}^*$, korrer^*
2 л. $\text{vāñ}^{\text{c}}\text{ak}$, kōrak	$\text{vāñ}^{\text{c}}\text{er}^*\text{p}^*\text{e}$, $\text{korrerp}^*\text{e}$
3 л. vāñ^{c} , korr	$\text{vāñ}^{\text{c}}\text{at}^*$, kōrat^*

Имперфект	
Ед.число	Мн.число
1 л. $\text{vāñ}^{\text{c}}\text{im}$, kōrim	$\text{vāñ}^{\text{c}}\text{im}$, kōrim
2 л. $\text{vāñ}^{\text{c}}\text{ik}$, kōrik	$\text{vāñ}^{\text{c}}\text{it}^*$, kōrit^*
3 л. $\text{vāñ}^{\text{c}}\text{ij}$, kōrij	$\text{vāñ}^{\text{c}}\text{is}$, kōris

Лично-числовое окончание -m является окончанием 1 л. ед. числа презенса, 1 л. ед. и мн. числа имперфекта. В первом случае окончание присоединяется к основе презенса, в других - к основе имперфекта. В основах 1 л. ед. числа презенса и 1 л. мн. числа имперфекта выступает слабый коррелят

⁵⁰ I t k o n e n E. Onko itämerensuomessa jälkiä duaalista. Vir., 1955, 2, s. 162.

чередования ступеней согласных, тогда как в основе I л. ед. числа имперфекта представлена сильная ступень. Такое четкое противопоставление гласных и согласных в основах названных форм вызвано тем, что в этих формах выступает единое лично-числовое окончание. В бабинском, а также в нотозерском и йоканьгском диалектах лично-числовое окончание -m стабильно удерживается во всех приведенных формах глагола. В кильдинском диалекте это окончание в формах I л.ед.числа презенса и имперфекта употребляется в настоящее время факультативно⁵¹. Тенденция к исчезновению -m отмечается в работах Т.И. Итконена, который считает это окончание либо сверхкратким согласным, либо согласным полного образования: pōga^m (KKSK,⁵² 255) , pōgam (KKS⁵³, 251) 'я ем', ruada^m (KKSK,255) 'я приду', vuolga^m (KKS,251) 'я пойду'. А.Г.Эндиковский отмечает, что показатель I л.ед.числа -m окончательно исчез из языка молодежи, сохранившись лишь у представителей старшего поколения⁵⁴. Показателен в этом отношении глагол "быть", который в кильдинском диалекте, по-видимому, в силу частотности употребления в формах I л.ед.числа презенса и имперфекта не имеет лично-числовых окончаний: ía 'я есть', íií-je 'я был'⁵⁵.

Лично-числовое окончание -k употребляется в формах 2л. ед.числа презенса и имперфекта. В первом случае оно присоединяется к основе презенса на -a , во-втором - к основе имперфекта на -i. С учетом чередования ступеней согласных ос-

⁵¹ Керт Г., Панфилов В. Типологическая характеристика саамского языка: (по способам выражения грамматических значений) - СИГУ III, 1975, Tallinn, 1975, P. 1, с.443⁵²

I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapin sanakir- ja...

⁵³ I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlappalaisia sa- tuja. Hki, 1931. - (MSFOu:60).

⁵⁴ Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык..., с.155.

⁵⁵ Керт Г.М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова. - Тр.Карел.фил.АН СССР, 1960, вып.23, с. 127.

нова презенса является слабой, основа же имперфекта - сильной.

Формы 3 л. ед. числа презенса не имеют лично-числовых окончаний. Информация о форме слова заключается в сильной согласной основе слова: *saalk* 'он говорит', *joht* 'он думает'. То же можно сказать относительно кильдинского и нотозерского диалектов, тогда как в йоканьгском названные формы выражаются гласной основой презенса: *tseal^oka* (KKS⁵⁶, 282) 'он говорит', *fša^tāka* (KKS, 283) 'он бьет', *ju^rda* (KKS⁵⁷, 283) 'он думает'.

Не имеет также лично-числового окончания 3 л. ед. числа имперфекта. Эта форма маркируется основой имперфекта, в которой представлена слабая ступень согласных (сочетаний согласных).

Формы I л. мн. числа презенса во всех кольско-саамских диалектах имеют окончание *-p**, которое присоединяется к гласной основе презенса на *-ε*. В основе представлена сильная ступень согласных.

Лично-числовыми окончаниями 2 л. мн. числа презенса являются *-p^re*, *-vet^te*. Первый присоединяется к гласной основе на *-ε*, второй - к согласной: *seagterpe* 'вы смущаете' (ME, I3I), *šuiker^re* 'вы идете на лыжах', *a, ntvette* 'вы дадите' (ME, I3I), *jeivet^te* 'вы живете'. В кильдинском диалекте в данном случае выступают лично-числовые окончания *-bbe*, *-bedde*⁵⁸. Анализ лично-числовых окончаний, проведенный М. Корхоненом, показывает, что в диалектах, где имеются два варианта суффиксов, их распределение связано со слоговой структурой глагола, а именно, к четному слогу присоединяется двусложный суффикс, к нечетному - односложный⁵⁹. В

---

⁵⁶ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja...

⁵⁷ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja...

⁵⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.179.

⁵⁹ К о р х о н е н М. Die Konjugation im Lappischen..., I, S. 313.

бабинском диалекте в настоящее время обобщается лично-числовое окончание *-p'p'e*, окончание *-vet't'e* употребляется довольно редко, слоговая структура перестала определять появление того или иного лично-числового окончания. В языке гирвозерских саамов, наоборот, чаще употребляется окончание *-vet't'e*, окончание же *-p'p'e* почти не встречается. Как показали записи диалектов Йоканьгского и Колтта, сделанные еще до первой мировой войны, в состав лично-числовых окончаний 2 л.мн.числа презенса входили аусляутные *t*, *D*, которые исторически являлись признаками множественного числа⁶⁰: (нот.) *ku^ave^tte^dt* 'вы слышите', *je^avre^dt* 'вы не', (йок.) *ta^askrie^dte* 'вы делаете', *je^avra* 'вы не'⁶¹. В очерке И.Халаса эти согласные отмечаются в кильдинском и нотозерском диалектах⁶². Следы названных аусляутных согласных отмечаются в словаре Т.И.Итконена в виде сверхкраткого спиранта δ : *r^ell^ave^rte* (кильд.) (пкс⁶³, 256) 'вы боитесь'. В записях Г.М.Керта этот согласный отсутствует: *sarnvehte* (нот.), *sarnvebre* (йок.), *sarnvebre* (кильд.) 'вы говорите'⁶⁴. В бабинском диалекте аусляутные согласные не отмечаются уже в очерке И.Халаса⁶⁵.

Лично-числовым окончанием 3 л.мн.числа презенса является: в бабинском диалекте *-t*, в кильдинском *-v*, в йоканьгском *-v*, *-b*. Лично-числовые окончания *-v*, *b* К.Б.Виклунд связывает с финским *-vat*, *-vät*, другие исследователи — с окончанием 3 л.дв.числа *-ban*, который в процессе утраты кольско-саамскими диалектами двойственного числа взял на себя функцию окончания 3 л.мн.числа⁶⁶.

⁶⁰ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... 1, s. 315-316.

⁶¹ Ibid., s. 316.

⁶² H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvtany vázlat, 26 old.

⁶³ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja...⁶⁴ K e r t Г.М. Основные сходства и различия..., с.127.

⁶⁵ H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvtany vázlat, 26 old.

⁶⁶ I t k o n e n E. Onko itämerensuomessa jälkiä duaalista, s. 166; K o r h o n e n M. Op. cit., s. 345.

Лично-числовым окончанием 2 л.мн.числа имперфекта в бабинском и кильдинском диалектах является -t', который присоединяется к основе имперфекта. В исследуемом диалекте произошло совпадение лично-числовых окончаний 3 л.мн.числа презенса и 2 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения. Дифференциация этих форм глагола проявляется в различении гласных основ презенса и имперфекта: kuarat' 'они шьют' - kuarit' 'вы шли', rōgat' 'они сверлят' - rōgit' 'вы сверлили'. В отдельных случаях дифференциация основ презенса и имперфекта поддерживается еще и различением гласных первого слога: jāfat' 'они живут' - jīit' 'вы жили', puad'at' 'они придут' - puidit' 'вы пришли'.

Лично-числовым окончанием 3 л.мн.числа имперфекта в бабинском диалекте выступает -s⁶⁷, который присоединяется к гласной основе имперфекта с сильной ступенью согласных (сочетаний согласных).

В понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу, каково бы оно ни было: известное или нет, действительное или фиктивное⁶⁸. Отношение к неизвестному, т.е. неопределенному лицу, выражается в саамском языке неопределенно-личными формами глагола, которые отдельные исследователи называют формами 4 лица. В качестве таковых они употребляются в "Грамматике эстонского языка" Р.Хармса⁶⁹. На наш взгляд, термин "неопределенно-личные формы" следует считать более удачным, поскольку он полностью отражает суть этих форм глагола, подразумевающих неопределенных деятелей, субъектов. Признание же форм 4 л. неизбежно повлекло бы за собой признание системы глаголов, изменяющихся по четырем лицам, чего в действительности нет. В кильдинском, йоканьгском и диалекте Колтта наряду с личными формами глагола существуют

⁶⁷ В кильдинском диалекте окончанием 3 л.мн.числа имперфекта является -n, см. К е р т Г.М.Саамский язык., с. 180.

⁶⁸ П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-2. М., 1958, с. 91.

⁶⁹ H a r m s R. Estonian Grammar. - Bloomington, 1962, Vol. 49, p. 81.

особые неопределенно-личные формы, имеющие два времени: презенс и имперфект. Формы презенса имеют окончание *-t*, имперфекта *-š*⁷⁰. В названных диалектах существует то же положение, что и в финском литературном языке, где глаголы имеют формы актива и пассива. Относительно выражения неопределенно-личных форм глагола бабинский диалект выделяется из всех кольско-саамских диалектов. В нем не существует особых суффиксально выраженных неопределенно-личных форм, а формы 3л. мн. числа презенса и имперфекта употребляются также и в функции неопределенно-личных форм глагола: *tuarek numb palla rästat* 'рыбу по-другому пекут', *v a š k šalk mürj šur'at* 'Вася говорит: деревья рубят', *jarika juumei oškiš* 'раньше в бога верили', *grūzi vozziš tālva rohšigim* 'грузи зимой возили на оленях'. Подобное положение существует также в карельском, вепском, водском и в отдельных диалектах финского языка. По мнению Р.Е.Нирви, эти формы в указанных прибалтийско-финских языках возникли под влиянием форм русского языка типа: читают, поют, несут и т.д.⁷¹ Саамоведы объясняют появление неопределенно-личных форм саамского языка влиянием грамматической структуры карельского языка. Э.Итконен полагает, что *-t* саамского языка возникло из *-tah*, *-täh* карельского посредством апокопы *ah*, *äh*⁷² в формах типа *luajintah* '(они) делают', *vejetäh* '(они) тянут'. В свою очередь *-š* саамского языка возникло из карельского *-ttih*: *luajittih* '(они) делали', *vejettih* '(они) тянули', в которых аусляутный *-h* абстрагировался и заместился в саамском языке согласным *-š*⁷³. На возможное влияние карельского языка

⁷⁰ Керт Г.М. Саамский язык...с.199. Korhonen M., Mosnikoff J., Sammallanti P. Koltansaamen opas..., с.67.

⁷¹ Nirvi R.E. Passiivimuotojen aktiivistumisesta. - Suomi, 1947, 104, с. 7.

⁷² Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne- ja muotorakenteesta. - Vir., 1957, 4, с. 4.

⁷³ Ibid., с.4.

ка указывает также распределение сильной и слабой ступеней согласных в интересующих нас формах глаголов. Как в карельском, так и в саамском языке формы 3 л. мн. числа презенса имеют слабую ступень согласных, тогда как в формах 3 л. мн. числа имперфекта выступает сильная: кар. *lähetäh* '(они) пойдут', саам. *mēnat* '(они) пойдут'; кар. *lähettih* '(они) пошли', саам. *minniš* '(они) пошли'.

Категория времени

Грамматическая категория времени в полном объеме представлена в изъявительном наклонении, в котором имеются две простые (презенс, имперфект) и две составные (перфект, плюсквамперфект) формы времени.

Презенс

Презенс не имеет специального морфологического показателя. Отличие презенса от имперфекта заключается прежде всего в основах: презенс имеет гласные основы на -а, -э, -е, имперфект - на -i: *ōjam* 'я ищу' - *ohscim* 'я искал', *ohscer* 'мы ищем' - *ōjim* 'мы искали' и др. Надо отметить, что лично-числовые окончания презенса формально также отличаются от соответствующих окончаний имперфекта, за исключением окончаний I и 2 л. ед. числа.

В саамском языке формы презенса употребляются для выражения действия, которое совершается в настоящем времени или будет совершаться в будущем: *monn kuaram kalmi* 'я шью каньги', *sonn saŋn mu'n'e* 'он говорит мне', *a maŋŋa monn ruadam tū, garra* 'а потом я приду к тебе', *mij vüŋter' tiiji rēndist* 'мы подождем вас на берегу'.

Имперфект

В бабинском диалекте саамского языка, как и в прибалтийско-финских языках, признаком имперфекта является -i⁷⁴: *juhkiim* 'я шил', *jūgi* 'он шил', *jūgim* 'мы шили'.

Если сравнивать формы I л. ед. числа презенса и имперфекта, образуемые присоединением единого лично-числового окон-

⁷⁴ В кильдинском диалекте признаком имперфекта является -e, см. Керт Г. М. Саамский язык., с. 195.

чания -и, то заметим, что временные противопоставления заключаются в основах презенса и имперфекта (jūgam 'я пью' - juhkkiim 'я пил'). Однако если будем сравнивать формы I л. ед. и мн. числа имперфекта, то увидим, что различие этих форм, базирующееся на различии основ ед. и мн. числа имперфекта (juhkkiim-jūgim), переходит на сильную и слабую ступень согласных (иногда также и гласных первого слога). Предшествующий лично-числовому окончанию признак имперфекта не принимает участия в различении названных форм глагола. Однако в исследуемом диалекте имеется группа производных глаголов, в которых различие указанных форм осуществляется краткостью-долготой признака имперфекта: moičtīm 'я соскользнул' - moičtīim 'мы соскользнули', hiebrtīm 'я украсил' - hiebrtīim 'мы украсили', aštjīm 'я обещал' - aštjīim 'мы обещали', aīvdīm 'я отгадал' - aīvdīim 'мы отгадали'. Вызвано это, вероятно, тем, что сочетание трех согласных (в отличие от сочетания двух согласных) довольно трудно различить по квантитету, и поэтому краткость-долгота признака имперфекта стала в данных случаях дифференциальной. Если принять во внимание указанные формы глагола, то возникает закономерный вопрос: как трактовать долгие суффиксы. Считать ли их наряду с краткими признаком имперфекта или достаточно таковым считать только краткий -i. Следует, во-первых, отметить, что признание краткого и долгого вариантов признаками имперфекта выглядело бы странным и не находящим аналогий ни в одном из диалектов саамского языка. А во-вторых, что, на наш взгляд, самое главное, краткость-долгота гласного i меньше всего имеет отношение к различению временных форм глагола. Независимо от того, является ли гласный i кратким или долгим, он достаточно четко противопоставляется гласным а, а, э, характеризующим основы презенса. Краткость-долгота суффикса имперфекта служит в данных случаях для различения лично-числовых, а не временных форм. Поэтому нет никаких оснований признаком имперфекта считать долгий и краткий i, достаточно таковым признать лишь краткий.

Следует остановиться на формах 3 л. мн. числа презенса и имперфекта. В первом случае выступает лично-числовое окончание -t, которое присоединяется к гласной основе на а, а.

Появление этого гласного в данной форме глагола несколько необычно, так как по линии множественного числа презенса выступает основа на *ε*: *ruǎttar* 'мы придем', *ruǎttar*'*p*'*e* 'вы придете', но *ruad*'*a*'*t*' (они) придут'. Формы же имперфекта 3 л.мн.числа имеют четко выраженные основы имперфекта на *i*, хотя различие названных форм презенса и имперфекта достаточно ясно выявляется из лично-числовых окончаний. Аналогичные формы имеются и в карельском языке. Они в значительной мере схожи с саамскими с точки зрения гласного, предшествующего лично-числовому окончанию, сравни: *ruad*'*a*'*t*' (они) придут', собств.-кар. *luajitah* '(они) делают', *ruǎttis* '(они) пришли', собств.-кар. *luajittih* '(они) сделали'.

По своему значению имперфект выражает действие, которое происходило или произошло в прошлом и является либо незаконченным, либо законченным: *vuornattij kuddis̄ sū i určis̄* (ME, 134) 'ученики оставили его и убежали', *sonn riǎhssa kuorŋŋi*, *kuorŋŋi* 'он на сосну лез, лез', *min ruuttik da tin i rōim* 'что принес, то мы и съели'.

Перфект и плюсквамперфект

Перфект и плюсквамперфект относятся к сложным временным формам глагола. Они образуются из личных форм презенса или имперфекта вспомогательного глагола *íiije* 'быть' и причастия смыслового глагола. Приведем в качестве примера изменение в перфекте и плюсквамперфекте глаголов *tǎhtta* 'знать' и *tuije* 'делать'.

Перфект

	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>íam tǎhtminč, tuijāma</i>	<i>íer' tǎhtminč, tuijāma</i>
2 л.	<i>íak tǎhtminč, tuijāma</i>	<i>íer'p'e tǎhtminč, tuijāma</i>
3 л.	<i>íie tǎhtminč, tuijāma</i>	<i>íet' tǎhtminč, tuijāma</i>

Плюсквамперфект

1 л.	<i>íiijim tǎhtminč, tuijāma</i>	<i>íiijim tǎhtminč, tuijāma</i>
2 л.	<i>íiijik tǎhtminč, tuijāma</i>	<i>íiijit' tǎhtminč, tuijāma</i>
3 л.	<i>íai tǎhtminč, tuijāma</i>	<i>íiijis̄ tǎhtminč, tuijāma</i>

В кольско-саамских диалектах формы перфекта и плюсквам-

перфекта употребляются как в личном, так и в неопределенно-личном значении: *sonn íie (íai) jin pühtminč* 'он уже пришел', *siĵ tšat' maxt küht' íie (íai) tuijāminč* 'они смотрят, как вежа была сделана'. Другими словами, в бабинском диалекте ни в простых, ни в сложных временных формах не существует формального противопоставления глаголов в личном и неопределенно-личном значении. В кильдинском диалекте в простых временных формах (презент и имперфект) такое противопоставление существует, в сложных - нет.

Основным значением перфекта является значение законченного действия в прошлом: *sist íie tuijāma mokom sāniĵ* 'у них такие сани были сделаны', *püčč' íam čēljema ākist eĵ ruohĵim* 'хорошо сделала, у старухи сына отобрала', *siĵ nuohĵist íie pühtminč* 'они с рыбалки пришли'.

Плюсквамперфект обозначает действие, совершившееся в прошлом, до начала другого прошедшего действия. По этой причине плюсквамперфект употребляется обычно в сложном предложении, в котором выступает другой глагол в форме имперфекта: *sonn ĵstĵ čōna a sust íai sudĵst tuijāminč kōrahk* 'он сел в сани, а у него заранее была сделана дубинка', *mišt' íai tuijāminč piĵt a numč piĵt íai kašĵn piĵt* 'у нас был срублен дом, а другой дом был казенный'.

Категория наклонения

В саамском языке имеются четыре наклонения: изъявительное, сослагательное, повелительное и возможностное.

В настоящее время возможностное наклонение во многих диалектах саамского языка употребляется довольно редко, а в некоторых исчезло полностью. Так, в южно-саамских диалектах потенциал имеет только глагол *lae* 'быть'⁷⁵. В грамматике К. Бергсланда, написанной на материале норвежско-саамского диалекта *Ferus*⁷⁶, нет упоминания о возможностном наклонении. В других норвежско-саамских диалектах глаголы в данном наклонении имеют неполную парадигму, за исключением глагола

⁷⁵ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... I, S. 96.

⁷⁶ B e r g s l a n d K. Røros-lappisk grammatikk. Oslo, 1946.

"быть"⁷⁷. В кольско-саамских диалектах возможностное наклонение выступает чрезвычайно редко. Формы потенциала на -п, отмечаемые в кльдинском диалекте⁷⁸, в настоящее время почти не употребляются. В йоканьгском диалекте возможностное наклонение имеет лишь глагол "быть": leñ^dtsim (I л. ед. ч. возм.накл.), leañ^dts (3 л. ед.ч. возм.накл.) (КККК⁷⁹, 203), ľañci, ľañci (3 л.ед.ч. возм.накл.) (ОСР⁸⁰, 183). В сабинском диалекте возможностное наклонение в настоящее время отсутствует. На его былое существование указывают материалы Д.Е.Д.Европеуса: lentschim I л.ед.ч.возм.накл., lentschik 2 л.ед.ч.возм.накл., lentsch 3 л.ед.ч.возм.накл. от ľiije 'быть'⁸¹. В грамматическом очерке И.Халаса приводятся формы конъюнктива на -č, -hč, встречающиеся в сабинском диалекте: ...kon tātvētte, štov man luoštčim tijjit 'кого хотите, чтобы я отпустил бы вам', štovi ujñsiš sijjit olmu 'чтобы узнали бы вас люди', štovo olmu ko,čsišij sijjit 'чтобы люди позвали бы их'⁸². Под термином "конъюнктив" автор очерка понимает, видимо, такое наклонение, которое включает в себя сослагательное, возможностное, волеизъявительное и другие, выражающие субъективное отношение говорящего к действию в противовес изъявительному наклонению⁸³.

И з љ я в и т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

В саамском, как и в других финно-угорских языках, изъявительное наклонение не имеет своего морфологического показателя. В изъявительном наклонении глаголы изменяются по

⁷⁷ К о г н о н е н М. Die Konjugation im Lappischen..., I, s.98.

⁷⁸ К е р т Г.М. Саамский язык ..., с.200-201.

⁷⁹ I t k o n e n Т.И.Koltan- ja kuolanlaria sanakirja...

⁸⁰ К е р т Г.М. Образцы саамской речи. М.;Л., 1961.

⁸¹ К о г н о н е н М. Op.cit., s. 123.

⁸² Н а л а с з I. Cross-lapp nyelvtaqu vaslat, 29-30 old.

⁸³ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus..., s.277.

четырем временам, которые рассматривались нами ранее.

Глаголы в изъявительном наклонении обозначают действие как реальное: *monn jālam juņjist* 'я живу в Ёне', *jarika niĵ jīlim aņkelsījdīst* 'раньше мы жили в Бабинске', *niĵt īie kahtmīš rīēhpkin* 'девушка была накрыта платком', *nīĵb īai sonn vaļtmīš stōlīst* 'он взял со стола нож'.

С о с л а г а т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

В бабинском, как и в других кольско-саамских диалектах⁸⁴, показателем сослагательного наклонения является *-č*, который присоединяется, как правило, к слабой согласной основе: *kuarčim* 'я шил бы', *fazzčip* 'мы тянули бы', *vižzčik* 'ты устал бы'. Если же на стыке морфем появляются три или четыре согласных, употребление которых в бабинском диалекте не принято, то между слабой согласной основой и признаком сослагательного наклонения выступает тематический гласный *i*: *arņičim* 'я попал бы', *tolkjičim* 'он месил бы (тесто)', *koantičit* 'они опрокинулись бы'.

В сослагательном наклонении глаголы имеют только два времени. Относительно временной дифференциации в данном наклонении кольско-саамские диалекты не являются равнозначными, и в этом смысле интерес представляют простие временные формы, так как сложная форма перфект является для всех диалектов единой. В кильдинском диалекте простие временные формы образуются присоединением к основе сослагательного наклонения лично-числовых окончаний имперфекта, за исключением форм 3 л.ед.числа, где признак имперфекта отсутствует: *alkše* 'я начал бы', *alkšek* 'ты начал бы', *algāč* 'он начал бы', *algšēm* 'мы начали бы', *algšēt* 'вы начали бы', *alkšep* 'они начали бы'⁸⁵. В бабинском диалекте к основе сослагательного наклонения присоединяются лично-числовые окончания презенса, за исключением опять же форм 3 л.ед. числа, в которых сохраняется признак имперфекта: *porčim* 'я ел бы',

⁸⁴ К е р т Г.М. Основные сходства и различия..., с.129.

⁸⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.199.

porčik 'ты ел бы', porči 'он ел бы', porčip' 'мы ели бы',
 porčip'r'e 'вы ели бы', porčit' 'они ели бы'. Временная
 дифференциация имперфект-перфект, представленная в кильдин-
 ском диалекте, является в сослагательном наклонении первоначальной и более древней, чем в бабинском диалекте (презенс-
 перфект). Чем же можно объяснить данное положение в исследуемом диалекте? По-видимому, на это решающим образом повлияли формы I л. ед. и мн. числа, имеющие в имперфекте единое лично-числовое окончание -m. Присоединение этого окончания к основе сослагательного наклонения, являющейся неизменяемой во всех формах лица-числа, вело к совпадению в этом наклонении I л. ед. и мн. числа. При присоединении лично-числовых окончаний презенса эти формы имеют разные окончания: I л. ед. числа -m, I л. мн. числа -p': kuondčim 'я нес бы' - kuondčip' 'мы несли бы'. Впоследствии в парадигме сослагательного наклонения стали употребляться лично-числовые окончания презенса, а не имперфекта. Данный процесс поддерживался, кроме того, тем, что семантика форм сослагательного наклонения подразумевает желаемое или обусловленное действие не только в прошлом, но и в настоящем и будущем: monn řačklčim di jim vřačmiř 'я выстрелил бы, да не смог', monn mēnčim řaħssa di řevki ři řa 'я пошел бы в лес, да лыж нет'. В кильдинском диалекте осталась старая временная дифференциация, потому что лично-числовое окончание I л. ед. числа имперфекта -m не употребляется, а это же окончание в I л. мн. числа удерживается стабильно, т.е. совпадения форм I л. ед. и мн. числа не происходит.

Наряду с суффиксальным выражением сослагательного наклонения в кольско-саамских диалектах получили распространение аналитический способ. В этих случаях сослагательное наклонение выражается при помощи личных форм вспомогательного глагола "быть" в имперфекте и инфинитива смыслового глагола⁸⁶: monn řiijim porre tin jesli muřt' řai řāni 'я съел бы это, если бы у меня были зубы', řij řeijiř ruħtte vuik-kiř miiji ġarra 'они пришли бы прямо к нам', monn řeijiim

⁸⁶ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.200.

vaítte sust tēngi 'я взял бы у него деньги'.

П о в е л и т е л ь н о е   н а к л о н е н и е

В диалектах саамского языка различают императив I и II, признаком первого является -k, ke ~ Ø, второго -ko ~ Ø⁸⁷. Отметим сразу, что императив II в кильдинском и в бабинском диалектах отсутствует. Его формы отмечались лишь в йоканьгском диалекте Д.Е.Д.Европеусом⁸⁸. В кольско-саамских диалектах императив получил морфологическое выражение лишь в формах 2 л. ед. и мн. числа.

Формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения выражаются слабой согласной основой глагола, которая может быть твердой или мягкой: čurv 'крикни', man 'иди', vuad 'спи', vuárd 'жди', tažž 'тяни'. В некоторых случаях, в результате усечения конечных согласных, отдельные формы 2 л. ед. числа императива маркируются гласной основой: ruá (pro: ruad) 'приди', ře (pro: řej) 'положи', tie (pro: tied) 'знай' и др. Формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения противопоставляются формам 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения посредством морфологических чередований согласных (сочетаний согласных) и гласных, которые рассматривались нами во II главе.

Признаком 2 л. мн. числа императива в нечетносложных глаголах является -kki⁸⁹: ħurkikki 'свистните', řáinkiki 'поднимитесь', vuájjikki 'поезжайте', vaíjjikki 'кройте'. В четносложных, а также в отдельных трехсложных глаголах названный показатель императива отсутствует. У них во многих случаях инфинитив совпадает с рассматриваемыми формами повелительного наклонения: řáhtte 'прийти, придите', kelstallá 'лгать, лгите', rovtuáá 'работать, работайте', kossá 'косить, косите'. Однако формы 2 л. мн. числа императива и инфинитива совпадают не всегда. Различие проявляет-

⁸⁷ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... I, s. 155-188.

⁸⁸ Ibid., S. 170.

⁸⁹ Данные формы в кильдинском и нотозерском диалектах характеризуются показателем -egke, -egke, в йоканьгском -ke,

ся в аусляутных гласных либо в гласных первого или второго слога: čõxk₂ 'расчешите' (čõxkε 'расчесать'), lüõhtti 'колите' (lüõhtte 'колоть'), vissi 'устаньте' (viëssi 'устать'). Следует отметить, что показатель -kki возник из -kke, -kkeδ в результате отпадения конечного спиранта, а затем сужения аусляутного гласного: kki < kke < kkeδ, на что указывают формы императива, встречающиеся в тексте Евангелия: arrestekke (ME, I32) 'сидите', valvødekke (ME, I33) 'бодрствуйте', vuø₂rtlekkeδ (ME, I33) 'подождите'.

Формы I л. мн. числа презенса изъявительного наклонения в отдельных случаях употребляются для выражения побуждения, призыва: vu₁kker* mānssa 'пойдем в лес', u₁šer* māst 'бежим домой', vuad*jer* vānas 'послим немного'. В тексте Евангелия обнаружена одна форма I л. мн. числа императива, структурно сходная с соответствующей формой финского литературного языка. В ней к гласной основе присоединяется сначала признак повелительного наклонения 2 л. мн. числа -kke, к которому в свою очередь присоединяется лично-числовое окончание I л. мн. числа презенса изъявительного наклонения -p*: va₁no₁lekker* (ME, I33) 'пойдемте' (сравни: фин. lukekaamme 'прочитаем'). Не исключено, что подобная форма императива возникла под влиянием финского языка. В настоящее время эти формы императива отсутствуют.

В отдельных западно-саамских диалектах формы 3 л. ед. и мн. числа повелительного наклонения образуются суффиксально и в этом случае говорят об императиве II. В кольско-саамских диалектах эти формы образуются аналитически, с помощью слова 'пусть': a₁n ma₁ raj mū tat nār 'пусть минует меня эта чаша' (ME, I33), an*n* sij ruad*at* miiji garra 'пусть они придут к нам', an*n* zopp sierr mū mieit 'пусть он поиграет со мной'.

Отрицательное спряжение

В саамском, как и в других финно-угорских языках, отрицательные формы глагола образуются с помощью отрицательного глагола, спрягаемого по лицам-числам, и изменяемого смыслового глагола, что является наследием уральского язы-

ка-основы⁹⁰. Отрицательный глагол изменяется по двум наклонениям: изъявительному и повелительному. В кольско-саамских диалектах внутри указанных наклонений отрицание изменяется по двум числам — единственному и множественному: *jin* 'я не', *jik* 'ты не', *ij* 'он не', *jer** 'мы не', *jer*p'e* 'вы не', *je(t)* 'они не', *jei*, *ei* (2 л.ед.ч.повелит.накл.), *jifi* (2 л.мн.ч.повелит.накл.), в западно-саамских диалектах — по трем числам — единственному, двойственному и множественному (диал.Полмак): *im* 'я не', *ik* 'ты не', *i* 'он не', *am*, *am* 'мы двое не', *ar'pe*, *ak'ke* 'вы двое не', *avva*, *avva* 'они двое не', *ar*, *ar* 'мы не', *erpit*, *ekkit* 'вы не', *ai* 'они не'; повелительное наклонение: *allum* (1 л.ед.ч.), *ale* (2 л.ед.ч.), *allus* (3 л.ед.ч.), *al'lo* (1 л.дв.ч.), *al'le* (2 л.дв.ч.), *alluská* (3 л.дв.ч.), *al'lor* (1 л.мн.ч.), *al'let* (2 л.мн.ч.), *allusek* (3 л.мн.ч.)⁹¹.

В бабинском, как и в кильдинском диалекте, отрицательный глагол, изменяясь по лицам-числам изъявительного наклонения (см. приведенные примеры), присоединяет к себе окончания презенса, а не имперфекта. Лично-числовые окончания единственного числа присоединяются к гласной основе на *i*, окончание множественного числа — к основе на *e*.

В бабинском диалекте лично-числовые формы отрицательного глагола хорошо сохранили *j*-овый анлют. В кильдинском диалекте в формах 1 и 2 л.ед.числа отрицание не имеет этого согласного: *im* 'я не', *ik* 'ты не'. Они возникли в результате автоматического отпадения начального *j* (сравни: диал.Полмак *jubmel* — баб. диал. *jummei* < фин. *jumala* 'бог'). Форма 3 л.ед.числа *ij* 'он не' восходит к *e-je > *ije > *ij*⁹², поэтому здесь и не могло быть *j*-ового анлюта.

⁹⁰ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, с.233. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Keuruu, 1968, s. 210.

⁹¹ Корхонен М. Die Konjugation im Lappischen... I, S. 71.

⁹² Bergsland K. Lapin kieltöverbien taivutukset. Vir., 1960, 4, s. 327.

Следует, однако, отметить, что в исследуемом диалекте в результате выправливания отрицательный глагол 3 л. ед. числа приобретает j-овый анлят: je vizz 'он не устает'.

Отрицательное спряжение в саамском языке распространяется на изъявительное, сослагательное и повелительное наклонения. В изъявительном наклонении отрицательное спряжение имеет три формы времени⁹³: презенс, имперфект, перфект; в сослагательном — две: презенс и перфект, в императиве — презенс.

Формы презенса изъявительного наклонения строятся с помощью лично-числовых форм отрицательного глагола + слабая согласная основа глагола. Приведем для примера отрицательные формы глагола aĭke 'начать', vĭessĭ 'устать'.

Презенс (изъявит.накл.)

Ед. число	Мн. число
1 л. jim aĭg, vizz	jer* aĭg, vizz
2 л. jik aĭg, vizz	jer*p'e aĭg, vizz
3 л. ij aĭg, vizz	jet* aĭg, vizz

В бабинском диалекте слабая согласная основа смыслового глагола часто теряет конечный согласный: jim tie 'я не знаю' (<jim tied*), ij rua 'он не придет' (<ij ruad*). jer* vua 'мы не можем' (jer* vuaĭ).

Отрицательные формы имперфекта изъявительного наклонения образуются из личных форм отрицательного глагола и причастия смыслового глагола.

Имперфект (изъявит.накл.)

Ед. число	Мн. число
1 л. jim aĭkmiñč, vizzmiñč	jer* aĭkmiñč, vizzmiñč
2 л. jik aĭkmiñč, vizzmiñč	jer*p'e aĭkmiñč, vizzmiñč
3 л. ij aĭkmiñč, vizzmiñč	je(t) aĭkmiñč, vizzmiñč

По общим правилам строятся также отрицательные формы в презенсе и имперфекте глагола ĭiije 'быть'.

⁹³ В отрицательном спряжении глаголы бабинского диалекта не имеют форм плюсквамперфекта.

Как уже отмечалось, в сослагательном наклонении отрицательное спряжение глаголов имеет две временные дифференциации: презенс и перфект. Отрицательные формы презенса сослагательного наклонения образуются из личных форм отрицания и основы сослагательного наклонения спрягаемого глагола.

Презенс (сослаг. накл.)

Ед. число	Мн. число
1 л. jim alg̃si	jer* alg̃si
2 л. jik alg̃si	jer*p'e alg̃si
3 л. ij alg̃si	je(t) alg̃si

Отрицательные формы перфекта сослагательного наклонения образуются из отрицательных форм презенса сослагательного наклонения глагола *iiije* 'быть' и причастия смыслового глагола.

Перфект (сослаг. накл.)

Ед. число	Мн. число
1 л. jim iici ałkmiñč	jer* iici ałkmiñč
2 л. jik iici ałkmiñč	jer*p'e iici ałkmiñč
3 л. ij iici ałkmiñč	je(t) iici ałkmiñč

В образовании отрицательных форм повелительного наклонения участвуют личные формы отрицания в презенсе повелительного наклонения: *jei*, *ei* (2 л. ед. ч.), *jii* (2 л. мн. ч.). В бабинском диалекте, как и в вильдинском, имеются формы только 2 л. ед. и мн. числа, которые образуются с помощью указанных отрицаний в повелительном наклонении плюс слабой согласной основы смыслового глагола: *jei riag* 'не плачь', *ei vijn* 'не смейся', *jei tuj* 'не делай', *jii sũg* 'не гребите', *jii vijd* 'не выходите', *jii sir* 'не играйте'.

ГЛАВА IV. ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

В отличие от финитных, или спрягаемых форм глагола, инфинитные формы не имеют категорий лица-числа, времени и наклонения. В саамском языке к инфинитным формам относятся: инфинитив, причастие, герундий, вербальный абессив и отглагольное имя действия. Для того чтобы решить, какие формы глагола следует относить к инфинитным, необходимо, по мнению М. Корхонена, обратиться к пяти критериям: морфологическому, функциональному, синтаксическому, семантическому и критерию продуктивности¹.

Морфологический критерий подразумевает связь однозначной вербальной морфемы с инфинитной основой. Так, например, в причастиях законченного и незаконченного действия можно усмотреть временные противопоставления настоящего и прошедшего времени: *jammi* 'умирающий' - *jammiŋč* 'умерший'.

Функциональный критерий применим в тех случаях, когда инфинитная форма выступает как структурный элемент финитной формы. Так, например, причастия законченного действия выступают компонентом сложных временных форм: *lam riđhtmiŋč* 'я пришел', *sona íe jukmiŋč* 'он выпил'.

Наиболее надежным и общепринятым для выделения именных форм глагола является синтаксический критерий. Инфинитные формы должны иметь типичные синтаксические особенности глагола: требовать постановки зависимых от них слов, выступающих в качестве дополнений или обстоятельств места, времени и образа действия: *sū je val̄tmiš viļsa* 'ее не взяли в лодку'. В приведенном примере отрицательная форма имперфекта строится посредством отрицательного глагола *je* и причастия законченного действия *val̄tmiš*, которое имеет прямое допол-

¹ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. II. Die Nominalen Formkategorien: Hki, 1974.-227 S.-(MSFOU; 155), S.9-49.

нение *vā* и обстоятельство места *vīnsa*. Именные формы глагола выделяются в общем языкознании, в частности в грамматиках финского и венгерского языков, с учетом, главным образом, синтаксического критерия.

Важным признаком выделения именных форм глагола считается семантический критерий, исходя из которого отношение значения именной формы глагола к его основе есть величина постоянная. Функция флексивной морфемы точно ограничена независимо от того, к какой основе она присоединяется. Значение же словообразовательной морфемы может сильно колебаться, и производные могут в семантическом отношении далеко отойти от основного значения глагола, например, норв.-саам. *čal'le* 'пишущий' - *čal'le* 'писатель, секретарь' (nomen actionis), фин. *kantama* (причастие агента) в предложении *miehen kantama taakka* 'мужчиной-несомая ноша' и *kantama* (nomen actionis) в предложении *ruusun kantama* 'дальность выстрела'².

Без сомнения, важным критерием разграничения инфинитивных форм глагола и производных, образованных с помощью словообразовательных суффиксов, является критерий продуктивности. В принципе любой спрягаемый глагол может иметь инфинитивные формы, если только суффикс обладает продуктивностью. И даже если некоторые именные формы употребляются редко или вообще не используются в речи, они все равно могут создаваться в родном языке и будут восприниматься грамматически правильными. И, наоборот, если флексия непродуктивна, то искусственно созданные формы совершенно не воспринимаются. Так, например, в кольско-саамских диалектах непродуктивным является инструменталий I герундия. Он образуется только от глагола *vāñ'se* 'идти' - *vāñ'nešii* 'пешком', от других глаголов эти формы воспринимаются как неестественные.

В отдельности каждый критерий вряд ли сможет вполне оправданно ограничить инфинитивные формы от производных глаголов. Комплексное использование всех критериев разре-

---

² K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... II. S. 13.

шает этот вопрос достаточно надежно.

Инфинитив

Инфинитив, или неопределенно-личная форма, является словарной формой глагола. Он отвечает синтаксическому критерию тем, что получает дополнения или обстоятельства. О принадлежности инфинитива к инфинитным формам свидетельствуют также семантический, функциональный и критерий продуктивности. Характер инфинитива ничего не изменяет в значении его, функции инфинитива одинаковы независимо от глагола. Формы инфинитива можно образовывать от всех глаголов, за исключением отрицательного глагола *ij* 'нет'. С позиции функционального критерия вербальность инфинитива выражается в том, что он выступает как часть сложной формы, образующей сослагательное наклонение.

Инфинитив называет действие безотносительно к лицу-числу, времени и наклонению. Показателем инфинитива является *-e* (*-e*): *vaŋte* 'взять', *jiŋe* 'жить', *suhke* 'грести', *suaŋje* 'свататься'. Первоначально признаком инфинитива были *-et*, *-ed*, *-ed*, которые сохранились в тексте Евангелия: *porret* (ME, I30) 'есть', *sarned* (ME, I23) 'рассказать', *jammed* (ME, I32) 'умереть', *tujjed* (ME, I25) 'делать'. В данном случае произошло отпадение конечных согласных: *-et*, *-ed*, *ed* ≥ *e*. Признак инфинитива с конечным согласным довольно устойчиво сохраняется в йоканьгском и отчасти в нотозерском диалекте, в кильдинском он выявляется либо в виде сверхкраткого спиранта, либо полностью отсутствует: *viŋked* (нот.) 'снести', *niŋked* (йок.) 'плясать', *sãŋze* (кильд.) 'достать', *nieŋke* (KSK, 300) 'моздрить'.

По своему значению и употреблению инфинитив саамского языка соответствует краткой форме I инфинитива и иллативной форме III инфинитива финского литературного языка: *sonn aigi ruhsse* 'он стал болеть' (фин. *hän alkoi potea*), *mij ruidim porra* 'мы пришли есть' (фин. *me tulimme syömään*).

В бабинском диалекте саамского языка инфинитив употребляется в следующих сочетаниях:

1) с личными формами глагола, выражающими начало или побуждение к действию, физическую возможность, психические переживания: *Isus algtij sarned olme₁t* (ME, I23) 'Иисус стал говорить людям', *monn ālgam sū suaŋŋje* 'я стану к тебе свататься', *sij vuŋjiš kōn'di šijfe* 'они пошли охотиться на диких оленей', *ān'n' monn tātam suhkke* 'теперь я хочу грести', *sonn ij vua vañ'ce* 'он не может идти', *mij jer'tust suhkke robba garra* 'мы не смеем грести в сторону медведя', *vūššé ij vua tierra* 'теленочек не может бежать';

2) с модальным глаголом *gijke* 'надо, нужно': *tēn-det tu₁nne ge₁lke₁leaj o₁ntet mu silp kavpjazit* (ME, I30) 'по-сему надлежит тебе отдать серебро мое торгующим', *lešši mu₁nne ga₁gēš i jammed tujn* (ME, I32) 'хотя бы надлежало мне умереть с тобой', *mun'n'e gijak javvi₁ va₁lte* 'мне надо муки взять', *sun'n'e ij gi₁(k) vi₁lke māhssa* 'тебе не надо идти в лес';

3) с прилагательными: *jht hierg₁ lai pūšš₁ vuoije* 'один олень был хороший для езды', *rohcuim si vuoije* 'на оленях хорошо (букв. хороший) ездить'.

4) с личными формами имперфекта вспомогательного глагола *ŋije* 'быть' инфинитив выражает сослагательное наклонение: *i monn ko₁s puttim, lej₁m va₁lte iččan* (ME, I30) 'и я пришел получил бы мое с прибылью', *šhcam jannam ŋejiš ruhtte māst dak sij ŋejiš ruhtte vuikkis miiji garra* 'если бы отец, мать вернулись, то они пришли бы прямо к нам', *ŋejim tihtte kūšš₁ ŋie riehprik dak ŋejim ko₁ne sū* 'знал бы где платок, нашел бы ее'.

Причастные формы

Причастия являются именной формой глагола, заключающей в себе признаки глагола и прилагательного. В саамском языке глагольным признаком participий является признак законченности или незаконченности действия: *vuaddi* 'спящий' - *vūādmiñč* 'проспавший'. Подобно глаголу причастие требует постановки в соответствующих формах зависимых от него слов, выступающих как дополнение или обстоятельство: *tālva vānas kuē₁ lai soldama* 'на зиму мало рыб засолено', *sonn ŋie vjtmjš ougas* 'он вышел на улицу'. Как и прилагательные,

причастия выступают в роли определений: *lieņiś kuormiś sumka* 'веревкой привязанная сумка', *rieņķin' kāntmiś nijt* 'платком накрытая девушка'.

Причастия на -i

По своему характеру причастия на -i являются активными причастиями незаконченного действия: *kaṁmi kuarri nezzaṁ* 'каньги шьющая женщина', *kuadišt vuaddi kalaiś* 'в веке спящий старик'. Подобные причастия характерны для всех кольско-саамских диалектов: *kirij logei pañ* (нот.) 'книгу читающий парень', *naṁ't kon'tei mehsla* (лов.) 'зверя убивающий охотник', *sarn'ii olmii* (йок.) 'говорящий человек'⁴.

С точки зрения синтаксических связей причастие незаконченного действия имеет ту особенность, что дополнение может выступать в номинативе единственного, в аккузативе единственного и множественного числа⁵. М. Корхонен отмечает, что первый компонент конструкции типа *küñfi-väädgai-aijaž* 'рыбу удящий человек', по мнению информантов, может быть лишь в номинативе единственного числа, но не в аккузативе⁶. Появление аккузативных форм в кольско-саамских и финско-саамских диалектах объясняется влиянием соответственно русского и финского языков⁷.

В исследуемом диалекте суффикс причастий незаконченного действия -i возник из -ij в результате отпадения конечного согласного, на что указывают материалы Евангелия: *jilij* (ME, I38) 'живущий', *jamij* (ME, I38) 'умирающий, покойник', *e,ltij* (ME, I39) 'правлящий, правитель'. Причастия на -i употребляются в качестве определяющих, не согласуясь с определяемым словом ни в лице, ни в падеже: *mānd e, lai pu'ii murr* 'на земле лежало горящее дерево', *kuai šijii e,*

⁴ К е р т Г. М. Саамский язык..., с. 205-206.

⁵ Там же, с. 274.

⁶ К о р х о н е н М. Die Konjugation im Lappischen... II. S. 21.

⁷ К о р х о н е н М. Johdatus lapin kielen histori-
aan..., с. 300.

miñč íai viñsist 'рыбу ловящий человек был в лодке'.

В бабинском, как и в других кольско-саамских диалектах, причастия незаконченного действия активно переходят в имена прилагательные и существительные: puífi kiedg, čaŋ 'горячий камень, горячая вода', jammiŋ 'покойник', juŋki 'пьяница'. Функционально причастия на -i соответствуют активным причастиям на -va, -vã и именам действующего на -ja, -jã прибалтийско-финских языков. К последним они восходят исторически.

Причастия на -ma, -m, -miñč (-miñč), -miš (-miš)

Причастия на -ma, -m (последний возник в результате опадения конечного гласного, т.е. ma > m), -miñč(-miñč), -miš (-miš) являются причастиями законченного действия и употребляются в составе аналитических временных форм перфекта и плюсквамперфекта, а также в составе отрицательных форм имперфекта: puazist vualges peif íie čohrama 'у оленя левое ухо надрезано', teif nãht íai koxtam 'там невод был подвешен', jarka mišt' sahar eifama 'раньше у нас не было сахара', sist íie tuijaminc kãht 'у них сделана вежа', zonn íai pũhtmiñč miiji garra 'он пришел к нам', sũ je vaãtmiš viñsa 'ее не взяли в лодку', monn jim kahn tuijaminc tiiji nimin 'я не сделал вам ничего плохого'.

Показатели -miñč(-miñč), -miš(-miš) являются алломорфами. Вариант -miš(-miš) возник в результате деназализации, а также перехода конечной аффрикаты в шелевой шипящий.

В финском литературном языке причастия законченного действия имеют активную и пассивную формы (olen suñnut 'я съел', on suõtu 'съедено'). В кольско-саамских диалектах причастия на -ma, -miñč выполняют те же функции: šã ij viõlkam 'отец не пошел' (сравни: фин. isä ei lähtenyt), nãht íai koxtam 'невод был подвешен' (фин. nuotta on ripustettu), zonn íai pũhtmiñč 'он пришел' (фин. hän on tullut), sũ je vaãtmiš 'ее не взяли' (фин. hänet ei otettu).

Э.Итконен выдвинул предположение о том, что в прасаамском суффиксе причастий -ma присоединялся только к четному слогу слова, а -miñč - к нечетному⁸. Дистрибуция этих алло-

⁸ I t k o n e n E. Das Perfekt des Partizips im Lappländischen. - MSFOu, 1950, 98, s. 294-295.

морфов в восточно-саамских диалектах в целом подтверждает это предположение: *solđa-ma* 'засоленный', *jē-la-m(a)* 'живший', *vuol-ka-m(a)* 'ушедший', *puoh-ta-ma* 'пришедший', *kuļ-miś* 'слышавший', *pij-miś* 'положивший', *vuajñ-miñč* 'видевший', *kaht-miś* 'накрывший'. Следует, однако, отметить, что в бабинском диалекте тип слога перестает играть первоначальную роль. К четному слогу могут присоединяться оба алломорфа: *piñhtama* и *piñhtmiñč* 'пришедший', *šohrama* и *šohrmiñč* 'рубивший', *tuijama* и *tuijamiś* 'делавший'. К нечетному слогу суффикс *-ma* не присоединяется и, таким образом, наблюдается обобщение суффикса *-miñč*, (*-miñč*), *-miś*, (*-miś*).

В суффиксе *-miñč* (*-miñč*) налицо два элемента: *-m* и *-iñč*, *-iñč*, первый из них восходит к суффиксу отглагольных имен *-m* (< *ma/mä*) , второй - к деминутивному суффиксу *-iñč*, *-iñč*, который в свою очередь возник из *-ŋse*⁹.

В бабинском диалекте причастия на *-miñč* (*-miñč*), *-miś* (*-miś*) активно употребляются в качестве адъективного атрибута: *jammiś olmiś* 'умерший человек', *fastimiś hierg* 'запряженный бык', *šiohirmiñč muŋg* 'срубленное дерево', *kuõgmiś sumka* 'привязанная сумка'.

Причастия на *-ma* выступают только в сложных временных формах и в составе отрицательных конструкций в имперфекте. Употребление их в качестве адъективного атрибута не обнаружено, что, вероятно, говорит о слабой функциональной нагруженности этих форм и вытеснении их причастиями на *-miñč* (*-miñč*), *-miś* (*-miś*).

Герундий на *-men** (*-men**)¹⁰

Герундий на *-men** (*-men**) широко распространен в диалектах саамского языка. Как считают многие исследователи, герундий относится к инфинитным формам. Такие примеры, как

⁹ K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan... в.301.

¹⁰ В исследованиях по западно-саамским диалектам его называют II герундием, поскольку существует I герундий на *-ddiin*, *-dēddiin*; см. F o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen...II. S.23-25.

siñhsla lei̯jiš kōn'di šiffimen' 'охотники охотились за дикими оленями', kalsiš lai vār kehtmen' 'старик варил суп', достаточно наглядно свидетельствуют о синтаксических свойствах герундия. В приведенных примерах формы герундия управляют дополнениями: kōn'di (ген.-акк.мн.ч.) 'дикими оленями', vār (ген.-акк.ед.ч.) 'суп'. Герундий на -men' (-men') довольно продуктивен, с ним, видимо, не связаны какие-либо семантические исключения.

При личных формах глагола iije 'быть' он выражает длительность действия: ašam lai juuši juostmen' 'отец ставил зимние сети (букв. был в ставлении), olmiš ruidi, a sonn jeiffimen' eila 'человек пришел, а он неживой' (букв. в жизни нет), sij vuoddattiš rej nuochtmen' 'они всегда ходили неводить' (букв. в невождении), monn lei̯jim kuai šiffimen' 'я был на рыбной ловле' (букв. в ловлении). В данных случаях герундий функционально соответствует инессивным формам III инфинитива финского языка: olin suömässä, ruutämässä, käymässä 'я ел', добывал, ходил'.

Герундий на -men' (-men') может передавать также сопутствующее одновременное действие: min tonn niggik vuoddmen' kuadišt 'что ты видел во сне, проспав я веже', māst van'smen' jeiffes kōuni nied' 'шагая обратно, мать (ее) нашла дочь'.

С глаголами "видеть", "слышать", "заметить" герундий употребляется в качестве предикативной части объектного предложения-эквивалента: sonn kīlī paltsi olvmen' 'он услышал вой волков', olsholma vuajniš lezzan vuoddmen' 'мужчины обнаружили женщину спящей', anjeñ rajest ujnvette olmi e lk ištmen' (ME, I34) 'отныне узрите сына человеческого сидящего', i kovnaš sijjit uo₁dmen' (ME, I33) 'и находят их спящими'.

Исторически герундий восходит к эссивно-локативной форме отглагольного имени на -ma, mā^{II}, т.е. ma, mā + n' > men'.

Вербальный абессив

Относительно места вербального абессива среди ученых нет единого мнения. Он не отвечает требованиям синтаксического критерия, т.е. не имеет дополнений и обстоятельств. В исследованиях К.Бергсланда¹², И.Халаса¹³, Г.М.Керта¹⁴ вербальный абессив не считается глагольной формой в силу названных причин. В этих диалектах зависимые слова не встречаются даже в тех случаях, когда вербальный абессив по своему синтаксическому положению и мог бы их получать. То же самое можно сказать и о бабинском диалекте, в текстах которого мы не обнаружили употребления глагольного абессива с дополнением или обстоятельством. Однако при устном опросе выяснилось, что предложения типа *sonn vučijjī māus* (ген.-акк. ед.ч.) *kežjīkanna* 'он пошел, не спросив об оплате' вполне возможны и синтаксически правильно оформлены. Подобное положение наблюдается в диалекте Колтта, Инари, Луле, норвежско-саамском¹⁵. Помимо этого, вербальный абессив отвечает критерию продуктивности: он образуется от подавляющего большинства глаголов. На основании синтаксического критерия и критерия продуктивности считаем вполне возможным рассматривать глагольный абессив в качестве инфинитивной формы глагола.

В бабинском и нотозерском диалектах показателем глагольного абессива является *-kanna*, *-fanna*, в йоканьгском *-keanna*, *-keann*, в кильдинском *-kanna*.

Вербальный абессив выражает действие, без которого совершается действие основного глагола: *el viiki porkanna* 'не ходите не поев', *ij vua jelle jugfanna* 'нельзя жить без воды (букв. не пив)', *sonn mēnī suarjje šoušafanna nīed* 'он пошел свататься не любя девушку', *põgear lečči ten elmeže*

¹² B e r g s l a n d K. Roros-lappisk grammatikk. Oslo, 1946.

¹³ H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvtany vázlat, 43 old.

¹⁴ K e r t Г.М. Саамский язык..., с.211.

¹⁵ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... II. S. 26.

õendekeanna (ME, I32) 'лучше было бы этому человеку не родиться' (букв. быть не рождаюсь).

Суффикс вербального абессива связывается с функционирующей в западно-саамских диалектах усилительной частицей -gân, -gâlna, -gân(a), -gân, которая употребляется в отрицательных предложениях: ij læh mæn gån štuoere 'это ни в коем разе не большое'¹⁶. И. Халас отмечает, что в шведско-саамском отрицательный глагол может отсутствовать в таких предложениях и, таким образом, усилительная частица берет на себя абессивную функцию¹⁷. В свою очередь усилительная частица была, вероятно, заимствована из прибалтийско-финских языков, на что указывают в частности северно-карельские говоры: kenenkänä kekšimättä, kunkana havattšomatta 'никем не придуманный, никем не замеченный', šitä ei mifeinkänä hüö voija löütüä 'они это никак не могут найти', šanottih, jotta muka ei ketänä haitannun 'говорили, что будто бы никому не мешал'¹⁸.

Отглагольное имя действия

Функционально отглагольное имя действия выражает название действия. В бабинском диалекте оно характеризуется суффиксом -m: roggum 'еда', šuhrim 'рубка' (дров), vuoijim 'езда', sihcim 'крашение'.

Отглагольное имя действия сохраняет промежуточное положение между именем и глаголом. Как имя оно выступает в функции определения: mišt' lai nučkim borrum küäi 'у нас была соленая рыба' (букв. сырой съедаемая рыба), ovsje ruk šahkiš sihcim gopna 'одежду всю закидали в котел для крашения сетей', mišt' lai vuoijim hiērk' 'у нас был ездовой олень'. Подобно именам отглагольное имя действия сочетается с послелогам (suetjn kossim ballist mij šēlm vānas 'во

¹⁶ K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen histori - aan..., s.296.

¹⁷ Ibid., s. 296-297.

¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Osa 2. - Hki, 1974. - (LSFU; 16, 2), s. 44.

время сенокоса мы рыбачили мало', *si j jiffiŝ kaŝŝeŝ puehtim* *raja* 'они жили до прихода мужей'), а также выступают в форме локатива единственного числа для выражения действия, выполнение которого прекращается (*olmolma ruŝttis mŝri ŝunp-
mist* 'люди пришли с заготовки дров', *jalnam eŝŝam ruŝ-
tis puŝtmist* 'отец, мать пришли с невоженья').

Аналогично глаголу отглагольное имя действия выступает в функции причастия-агента: *palttaz koddim ruaz* 'волком убитый олень', *pārnŝ ŝunkim stuol* 'детьми накрываемый стол'. Как и глагол, исследуемые формы имеют при себе прямые дополнения, находящиеся в препозитивной позиции: *kuel* (ген.-акк.ед.ч.) *ŝiffim paiŝkiŝt lai jenni olmi* 'на месте рно-
ной ловли было много людей', *ān'n' mŝrj ussim saijist eŝŝa
robba* 'сейчас на месте сбора ягод нет медведя'.

Следует отметить, что многие имена действия полностью субстантивировались и стали обозначать орудие действия: *ross-
jim* 'дудочка' (*rosse* 'дуть'), *passim* 'корыто' (*resse*
'мыть'), *ŝāŝkim* 'скребок для мездрения' (*ŝāŝke* 'мездрить').

Заключение

Анализ фонологической и морфологической структуры бабинского диалекта саамского языка показывает, что в нем существуют черты, присущие как кильдинскому диалекту, так и диалекту Колтта.

Бабинский и кильдинский диалекты сближают следующие общие признаки:

- сочетания носовых с глухими смычными ($\eta k, nt, mp, ns, n\check{s}$). В диалекте Колтта назальный согласный отсутствует;
- сочетания носовых со звонкими смычными ($\eta g, nd, mb, n\check{z}, n\check{z}$), которым в Колтта соответствуют звонкие геминаты ($gg, dd, bb, \check{z}\check{z}$);
- распространение признака твердости-мягкости на все согласные, за исключением $\check{s}, \check{z}$, не имеющих твердых коррелятов. Согласные t, d, n коррелируют, кроме того, по признаку "полумягкости";
- существование долгих согласных фонем, которые в бабинском диалекте могут быть только первыми компонентами сочетаний двух согласных ($\check{X}\check{u}$), в кильдинском же — и первыми ($\check{X}u$), и вторыми ($ch\check{u}$). В диалекте Колтта указанные долгие согласные считаются позиционно обусловленными;
- отсутствие противопоставления гласных единственного и множественного числа существительных. В диалекте Колтта такое противопоставление проходит по всем падежам, кроме комитатива;
- отсутствие форм генитива единственного числа существительных на $-u$, а также глаголов с основой имперфекта на $-u$, которые имеются в диалекте Колтта;
- отсутствие двойственного числа. Дуалий функционирует в языке сонгельских саамов;
- существование единых притяжательных суффиксов;
- существование причастий на $-i, -ma$, отглагольного име-

ни действия, герундия на *-men*°;

Признаки, которые сближают диалекты бабинский и Колтта:

- существование гласной фонемы /*a*/ и согласных фонем /*u*, *ü*/, отсутствующих в кильдинском диалекте;

- насыщенность дифтонгами (в бабинском диалекте их насчитывается 23 единицы, в Колтта - 18, в кильдинском - 8);

- отсутствие глухих сонантов, имеющих в кильдинском диалекте;

- существование единых чередований интервокальных смычных взрывных: *hp* ~ *b*, *v*; *ht* ~ *d*; *hk* ~ *g*. В кильдинском диалекте чередования имеют иную природу: *Br* ~ *b*, *Dt* ~ *d*, *Sk* ~ *g*;

- чередование первого компонента сочетаний согласных *K*, *x̄* + *s*, *š*, *t*, *c*, *č* с неслоговым /*u*/, тогда как в кильдинском диалекте на его месте выступает /*v*/ ([*u*]);

- существование единых гласных основ личных местоимений (*mū-*, *tū-*, *sū-*), в кильдинском диалекте - *monē-*, *tonē-*, *vonē-*;

- наличие единых грамматических флексий:

а) падежно-числовое окончание генитива множественного числа *-i*. В кильдинском диалекте данный падеж имеет нулевую флексию;

б) окончание абессива *-ta* (в кильдинском диалекте *-ха*, *-xta*);

в) признак косвенных падежей, а также признак имперфекта *-i* (в кильдинском диалекте *-e*).

В бабинском диалекте, однако, имеются специфические признаки, не находящие отражения ни в кильдинском, ни в диалекте Колтта:

- сравнительно большое количество дифтонгов и трифтонгов;

- четкое противопоставление кратких и долгих гласных первого слога. Во втором слоге по краткости-долготе противопоставляются *e* и *i*;

- наличие чередований сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по квантитету, второй - по глухости-звонкости (*x̄u* ~ *xz*);

- различие основ единственного и множественного числа комитатива относительно представленных в них ступеней со-

гласных. В кильдинском диалекте и диалекте Колтта падежно-числовне окончания комитатива присоединяются к единой основе (слабой);

- совпадение генитива и аккузатива в едином падеже - генитиве-аккузативе;

- существование форм датива-иллатива единственного числа указательных и вопросительных местоимений на -к, отсутствующих в кильдинском диалекте и диалекте Колтта;

- отсутствие грамматически выраженного противопоставления личных и неопределенно-личных форм глагола в презенсе и имперфекте, что имеет место в кильдинском диалекте и диалекте Колтта. В бабинском диалекте, как и в отдельных прибалтийско-финских языках, формы 3 л.мн. числа презенса и имперфекта употребляются одновременно в функции неопределенно-личных форм глагола. В данном случае налицо влияние карельского языка.

В бабинском диалекте имеются, таким образом, черты, присущие кильдинскому диалекту и диалекту Колтта, а также специфические особенности, характеризующие бабинский диалект. Все это позволяет нам говорить о том, что в целом бабинский диалект является переходным между кильдинским и диалектом Колтта.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА БАБИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Приводятся тексты на исследуемом диалекте, записанные на магнитную пленку и расшифрованные с использованием упрощенной финно-угорской транскрипции. При расшифровке были учтены индивидуальные особенности произношения информантов. Переводы на русский язык максимально приближены к текстам на саамском языке. Записи были произведены во время лингвистических экспедиций в п.Ена Апатитского района Мурманской области в 1971-1974 гг. от следующих информантов:

Сергин Федор Романович, 1924 г. рожд. (текст I);

Сергин Денис Константинович, 1907 г. рожд. (тексты 2,3,4,5, 6,7);

Молникова Федосья Михайловна, 1910 г. рожд. (текст 8);

Сергина Мария Прокофьевна, 1925 г. рожд. (текст 9);

Черных Ирина Кузьминична, 1905 г. рожд. (тексты 10,11).

1. ti košt' jīli

- tiedak v e t t a r r o m m a n s i k k o š t ' j i l i i š
jarka sām kassa?

- fassa ti košt' jīli / mūmtam jāurin' jīli // k a n d'
i s j o ũ r i s t ' j i l i s i r k i k a s s i š // s o n n t u n ' d e -
č i n ' j o ũ r ' j i l i // a m a ũ ũ j i l i k a n ' d i s j o ũ r i s t /
s i j č u o ũ m e s t t o ž e k a s s a j i l i ' // m a ũ ũ l e i j i š v a s
č u a l m j ā ũ r // č u a l m j ā ũ r i s t / t o k j i k v u a j / t i n
r a i j a / č a l m t i n d a r a i j a / t i t s u a ũ j i n t a s
s i r k i j o u g r i š j i l i // a s a m i j č u o l m t i n d a s
j i l i i š k o ũ m a s / k o ũ m v i l i j i l i i š / j ā r s i n
o h n a s l ā i i l ē ũ k // t ' ā l a s t ' ā k i š t o l i j / t i t
l ē ũ k ā k i š l i / s i r k i k a s s i n i j d t // m a ũ ũ p a j -
č o a l m j ā ũ r i s t t o B j i l i i š t o ž e t o B j i l i j ā r -
s o m // j o r m p o r o g l a i m o k o m / n u i ā n n i t o B //
t o B i t i n d l i t o B i n v i r t k u a l s i l i i š // m a ũ ũ p a i j e t o B k a s -
j ā ũ r // t o B j i l i d e n n i s a n / s ũ r r u o d j i l i i š //
s i s t l a i k o š t i n l a i / v i l i š a s j i m m o š t / j i l i i š k o ũ -
j o ũ r i s t // a m a ũ ũ p e r i n o j o ũ r i s t t a B
t u ā l v j ā ũ r i s t . j i l i p e t r i š / l ũ n k p e t -
r i š j i l i // t o ž e k a s s a j i l i t o B // a v ũ š l i p i e r i n o -
j o ũ r i s t l ā r s e m m e n k i r G u a d i s i s t //
a p ā j č u l m j ā ũ r i s t t o B f o k j i l i // v i r t -
č u o ũ m i s t f o k j i l i // a m a ũ ũ ē v e r i s t ' / t o B j i l -
i š r o m m a n // a v ũ n d a s j o G a s t j i l i f e -
d o s j i m i x ā n n i j ā k s i // m a ũ ũ t i s t ' t ē r e n -
t i j i l i ē v e r i s t // m i t r i j i l i ē v e r i s t /
i r i š k k a l i e s / k u g a n n i j a n n .

¹ pro jīliš

2. hiissi i vuamp

jarka leiijis / t'älest' / samma celkiis / hiissi i vuamp //
 van'ces samma kon'd'at' / labo oama // da valttis tom / gra-
 bat' oumat' / menda ossji D'am / i kon'd'at' a lai ixt //
 jiiis s¹ kuodist / labo tam piirt lai // a tik siissi puif-
 fis / omzitti tij kuoxtlogg omzitti // a sij te tittis su /
 j^uttin^c // celgat' / nu j^uttin^c / ved miije kost' li sijdt //
 j^uttin^c calk / mo²vegam vinsin' // i kassa puittis // sonn
 kuod^e vihsa piiji siiji / i vuagi sugge // sukkiis sukkiis
 sukkiis // puidi jonn su^{aa} // lai caxca // su^{uu} j^uttin^c
 puodt // v^udas / jim vuok viGka / aikep' t'älest' vuodde /
 suonjast // sij v^odde piijis / i j^uttin^c korris kind / sto-
 bi sonn ij men // murra kind / murren' // a sist lai ixt nez-
 zan/piijis varffe // j^uttin^c vun'det' vun'den' / calk / vad
 tonn jik selles mu / xot' tonn luost menDa / monn vet' jim
 Kahn tuijami^c tiije nimin // monn jim vuol nikoZ // a nez-
 zan liije nez-^zan // selissskuodi i cowdi menDa / a tij v^uad^e //
 sonn / calk / vuolttip vihsa // puk aksij valttis menDa / i
 vinsij puk udah // i curvi / sto j^uttin^c vulg / sij Go j^ud-
 tep // min // j^uttin^c minⁱ min // cuera^ht' / sto pua pua mast //
 mij xot keittim / da ruc_vuoj pijat'tun'n'e ontep' // Iyen
 kihtta pestam // net // j^uttin^c vulji sugge / sugi sugi / do-
 moj puⁱdi kuhtta // naatei kuht j^uli vulgi // dak sij puk
 kaamin^c utt saija // i puk .

3. j^uttin^c i sissi

j^uttin^c doma j^uli j^uli // sist lai / jijis semja lai //
 ku^{uu} sumat' / pua^d'at' // opet' tik sissi // nu min tik lak //
 poa^d'at'tak poa^d'at' / jik tik li nimin // davaj vuordam // i
 puiffis convek desat' / boise / lai // i ixt / fedak / kost'
 sijdt li lit // viG miiji sijtta // j^uttin^c / nu fedam / voi-

kēp* // vuok vān* cje // jīwtinč vānc / toB jōrt / nu maxt /
 kon siije vījht // jūrD / potom m^uōstaj / što jōnn kūšk
 íi / kūškist íij teřm / íamí teřm // davaj monn sij tok //
 vānzi / vānzi // čalk / ān* n* uuDas jep* puoíd(?) / toGda
 síjD^a puōdt // síjD^a puōdt ēhka // mēni síjta / tomB íij
 jennij oumžittí // sij vuojat* miiji kōntte // nu ārstap* /
 inn šeqηiškuōD / maŋŋa vułkip* // nu vot // jīwtinč āri āri /
 šeqηíD ālges // sonn čak³ šeqηin Gok / nurrin* korri / puk
 ōumi / štoBí jep kattiš // i puk korriš nūōren* // sonn vāíDí /
 piēšš pōhtí / i vūlgi uuDas vānž // čalk monn voŋGam / kak
 piēšš toam Go vuōk jāhtlínna / tom tanna vūrši / puk fan
 na síjt íi nuin* // sij Go sonn mīni mīni / Go ūrci ūrci
 kūk / piēšš kuhk kuška síhppje / sonn jāhtlínna vułk // sij
 vuorčak kuška / vōnas vūjvi tok / tieřm íamí // maŋŋa kušk
 vūlgi tiešša / dak sij jāhtlínna vūlkiš / íj Gam ni ūrčta /
 a jīwtinč čalk / monn t^alēst // ježli maxkl / tiažti jīw-
 tinč mājlínta // mīn puk mīnniš.

4. jīwtinč

jīwtinč jíli // čūxč pūadi / čōxča // muot kuōDí // sonn
 pōhčí puk kāuní / pū^odi pūwtí čičkara // čiek^erist leijš
 pōhčí // ēhka pōadtā // ošat puittiš / kuoxtaojj māt ōamist //
 nu jīwtinč / tēDak košt síjD^t íi // vījD mīj // fiedam fiedam
 fiedam // jīwtinč íai / mokom xitrij ōamíš íai // tušt íi mejn
 vīhka // nu pōhčí mušt íiš // davaj mēn čikara // pūwt poh-
 čí // vot sonn mēni čikara / tāvtí pōhčí jenní // a íht hérg
 íai / pūērr vuojet* / vūj hérg // ōekinč mokom // nu jōDílist /
 sonn vāíDí da tīn pūltí / puk síksim / štoBí je vāltči //
 vot pūwtí sílilí // sij ūrciš / puk fāstíš / fāstíš / a tīn
 šérg je vāltmíš / čūd rátt íi // sonn jíccíš kástí // a sust
 íai jo oūdest tuijāmíč / mokom kōrahk / piēšš kōrahk / íj
 šur / nu košk kōrahk / štoB vuoj / Go nuōšt / vūājva / dak
 srazu... // híkasta kíērša píjš / što je ōrč // nu koŋ-

Garran' íie síjt // vot tijn čuhku mélt // vot vujješ vujješ
 vujješ // sonn ée mélt mēnit vuoj hīlkasta // i nut't' vuoj-
 jat' // jāṅk^a puidi / kū^hkkis jāṅk^a // a sij^{to} ūwta klčat/
 kogda íi síjDt pūōdt // sonn mājlint / tijn hērg ruohti / rāj
 vūlgi / da kor^hken' luōšt vūājva // numB ōlm / a sij mājlint/
 je kīč / što pūādt // a sonn pej vuaj^{da} / i puk taže t:íí
 korhki // sírgi vāldin puk // sijji kuīdi jāṅk^a / i sírgi
 vāldi / i domoj puidi.

5. kaíles jādi kōn'di šijle

Vot jarka sāmāa jilíiš jowri mélt / miehōst jilíiš /
 jilíiš paihkist / jannam paihk zovut / cilkit' / i jxt kaíles
 kažni čuxča jāttā miehōsušse kōn'di šijle / vīzne baíí to-
 da kak ras mokom čuac̄k āāk da mūt nemnoška / a toda íejp al-
 minč tijn / vot son vāldi kuol' mélt i kan'diskuntti hierk íai
 píji kandsi / i vūlgi māhōsušse / a pēss íai sutt pēss jarka
 vot vānzi vānzi pej niāttel i nikošt ij vuoj kaūne kōn'd' /
 maṅṅa ūwt jōnn jāṅk^a / jāṅk^a rinttu puodi / jūrt' /
 vot jarka íejjīš tut kōn'D^a maxt ān'n' ij jāla / vuadi id-
 díint kohcaj opat' / kač tuntrāst luōštānt' jāṅk^a / kōn'd
 jenni / ni min / sonn vāldi da kaṅpra píji / lūdi pistonī /
 a sutt pēss^{to} kakk eíla maxt patrōn huika / sij jād'at'
 jeṅg mélt / vūlkkis raj i son algi rāskti / rāskti rāskti /
 a jenni mān dak je ni kūn nimin maṅṅa nu / minniš puk /
 jenni kōn'di / tist algi sijji teškti da pūrnī jarka tuijīš/
 pūrn što bi kaht ij kuondča vuonzi ji suondiči da vujvsi paš-
 ti' / māst kuīdin' vūōlk / kak vujvsi pašti' / da íddmī / nu
 vot / son puk tejt čūṅṅi tuiji i domoj vūlgi kuīdin't māst /
 kanccī píji / vuonž da puādi domoj / a tašt je kuṅkkin' jea-
 minč nump sāmja / koštlinča sij jāvvi vūnččiš i āhk tuiji
 riešk' / riešk' tuiji što košt' pūōdtā xozzin dak xot kuos-
 tam íejbin' / son puidi puwti mujttiūše jarka kočat' muit-
 tiūšī / puwti vuonž píji stōn^{en} / vujvsi pašminč da puk /
 a āhk íejb puwti tože stōn^{en} / nu vot sonn kīci kaíles čalk
 kuēíí íi čaj / vūānč íi kuajhoiv a íejp kolí puāv / i jíč

āigi riēkke / nu lējbe zē sonn vuoinminč / kuohht niäffel son
vān̄ji / dak i nutt i puk .

6. kōn'd

jiliiš kūõxt šām̄j ūwtist / cēlk'at vūlgim moittiušše /
vul̄kkiš togda pīnnin' vānc̄liš i mūt ēlminč čoxča vīzn̄j i
ēlt vīzn̄j t̄jt / vot piēnnij kiezzi kiezzi / kūõxt ēli kolm
pējv vīggi vīggi / čalk no ān̄n kōn'd jāla kuūkkin' / vār
vāicnap da iād̄l̄int man̄na vul̄kkep' ūwdas / sij vūj̄ddiš iād-
l̄int koh̄c̄jiš pīn'n'a opat' nūorra / vul̄kkiš vān'čce vān'-
cc̄iš / nu tun̄ttar vielk vielk tab viehk piēnnaj sij vān'-
cc̄iš kižat' tum̄biel kōnd vuon̄j̄aht' / tun̄tr̄ist vuon̄j̄aht /
kuostj̄aht vuon̄j̄aht / nu pīn'n'a nunn kūõhtta piij̄iš / j̄ič
nōkki vul̄kkiš / kižat nū šorbus īī / vot kičc̄iš kičc̄iš vot
tut jonn s̄er̄viš vān̄aj / nu ku řāšk̄lap' / sij ku riš̄kliš
mī t̄jt řāšk̄lim / a ni ixt l̄ikstām̄inč nū t'āl̄ak īi čūdo /
sij numb vuoro / i puitt̄iš / nōkkiš s̄uz / tūdi je l̄ikk̄at' /
mī t̄jt ven̄ īai / puitt̄iš tak p̄ajd'at' jam̄inč / maxt vud-
diš kōn'd nutt i īai jam̄inč puk / t̄igo tun̄ttar vul̄kkiš cē-
n̄i tuhkk / sij riāgst̄iš riāgst̄iš vul̄kkiš māst / putt̄iš cēl-
kat' ēl īa boīše kōn'd / mīlin̄ža boīzn̄ īai .

7. kuohht viiliiš vul̄kkiš kōdd̄j̄ šij̄iā

- n ā u r gānsiš / tēlī īai sonn nūrr // vul̄ji pobb̄j̄
šij̄iē // i tēlī lēj̄jiš mokom pēss / tok p̄ajak tafen / nu tok
maxt̄iōat lem̄m̄it p̄ajat' man̄na ēn̄ p̄ajat' pistōn // pistōn
īli maxt // jāl̄miš nutt ān'n' / āto drōb' īie di puk // nu i
sonn vūl̄ji / sij̄t īai viil̄i tože // nu viil̄jiš / kuohht viil̄ji
vul̄kiš // ixt īai o ī s e a nuBB n ā u r // vul̄kiš īaht
p̄i, īš // monn, ve iūt̄aj̄st p̄ādam tak tōn p̄ā, ēn̄ t'āl̄est kav̄siš /
čāj hāudam // a tonn p̄ādek iūt̄aj̄st, tak / tonn tōn p̄ā, ēk // a
sij vul̄kkiš kōdd̄j̄ šij̄iā // kōdd̄j̄ šij̄iā vūl̄kiš // nu i sonn
v̄aj̄i / v̄aj̄i // pobb̄iš pūōdt // nu sonn v̄aj̄di t̄ijn̄ pōbba řāšk-

íi // pobba ráškli di pobba núuti // i ānk opet tin pessa sonn
 lemme // a eí lak máxt to ánn ráškli jesli maŋŋa nubb vuara
 pí,ik i opat ráškŋak // sonn áljí piĕss lemme tōko tok //
 pí,i tet patrōni da poka pistōn⁴ pí,i // a tít pobbjš puđi/
 sunⁿ a táuti vuějv^a / talen garra nuít vikíi / náŋŋ nuít
 i rūntji / i maŋŋa vāldi sū tíđđi máttā i ŋūnivuujm kānti /
 kānti kānti // i kūⁿtes / ij,jeílak / dísit ješo // opat^a
 peijit peijit // i vūlji // a rānmjš íai tažōlo // sonn kūtes //
 mist íi / ík vej // sonn tin vāldi máxtlínža poaidi nemnōgo //
 a sist íeijjš pírr čapt řehppik // sonn pírr čapt řehpkin
 vāldi tin kori / i kāhč // āri āri āri // kuĕk āri / i tít pob-
 bjš vūlji // maŋŋa kíhči kíhči káđi // sonn pájne / d,í,vūlji
 řeíjekasta // sūst kíđi káčki tin máxtlínža i to ješo sonn
 vāđi // kuantkan ij koštniš dak // puđi tōl saija // tōl pí,i
 ij vua nimin // a íeijjš sist mokom vāđjeⁿ toB íie // spālni
 meški tok // rōv kō^hčēt tom túšíí // tok čāŋi āssis še dak //
 a maŋŋa víllis puđi // nū jūrt máxt íie eí, ía vā puōtmjš /
 uže vrēma nuít íie jenni // sonn puđi // kōđđ tam kōđđi //
 vuōž pūuti / tōl pí,ji // nu jūrt mā⁴ kōz onn⁵ šintí // a
 maŋŋa tač / máxt tít íi āssi nuít íeijjš péjmjš // dak tíčam
 možet taB ōamjš vonnij // a sonn poajđi taBⁱⁿ / nu sust víl-
 íis taB ānⁿ // čālk / mīn tonn puĕttik / ni tōl jix péj-
 miš / nimin / íežak // sonn čālk / mī íi tōl / monn... // tonn
 kíč monn mīntim íām // pobbjš puk káčki // nu i sonn tōl pí,i /
 čāj hāudi / i tin vuj pé,i di // i teíí vrāč jeííamjš // vuějv
 máxtlínža kōri // vūijin^a jūhtti / tít sist íekarstvo íi //
 maŋŋa kuoxt híeri pūuti / páđi pé,i // sāvaz kōri tok /
 pírr nuōrívij^m // i sāvaz ēl pí,i / nuít i pūuti domoj.

8. pobbjš i číímbíeíí níjđis

- je kēadišijn pārna čirstalat^a / vuomas vířest // a pār-
 ni sārnet^a / čēlk / mīn tij čirstan véđ vuomas vířest to

⁴ pro maŋŋa

⁵ pro kōz sonn

pobbjš jōnn ļau^hk pōht / pēj tok vuomas / i čirstak vujkkis
 ļau^hkkj // nu i pārna čirstališ // ixt čirast / nuBB čirast/
 pēj tom ļau^hkkj mēnit* // pobba ļauk tīD pārni čirstēliš //
 pobbjš vīlma vāidi ļau^hkk skaDi / vāidi siiji // kūddi kūd-
 di // vūji / pējiif vīdt vāri kūddi // i vūji piškiD // piēc-
 ca koztj / no tij test ārre / čalk / monn pējiif vīD vāri
 jāmam / di poadam // a ixt nījdiš lai čilmbiēli nījdiš // a
 pārnist lai nījB / neūi lai / sūn lai // pārna vāittiš i ļauk
 čāistiš / kīdgi māttiš māttiš // ixt nīDa kūddiš / i ļauk
 kurruš // i sonn puidi / pobbjš puidi / kā^hc puk ēī la puk //
 puk la puk // vāidi ļau^hk di vāidi // vāji vāji // vāji vāji /
 puidi domoj // i čalk āhki / āhki āhki / koziš pišs kiem^a /
 pišs kōlin* // āhki pī, i / kiem^a kōztj tīn / pišs kiem^a
 pišs kōlin* // sonn kuad ēll kuor^h / i tok īškī tejt /
 toB kiem^a siz // kiediš kihččiš // i kođe ixt nījdiš // i son
 čalk / mīn ān^htonn jīlīht* / pišs kiem^a mūrtek / pišs
 kōlin* / kīdji pūhtik // i ixt nījdiš kōdji // tīn nījda vāi-
 tiš sij pōurin* // i kozličat vīlkkis // šāla vīlkkis na, er-
 no // i čelkat* tīn nījdzs / tonn tieht miiji vār // i tīt
 nījdiš kuodji // a sist leiijiš pierna / kuost pierna / pobba
 pārna // sonn tōjt pī, i / kīhti kīhti // kīhti kīhti // sij
 poadet* // sonn vāidi tejt / tok pī, i kuost* pārni vūdiš /
 tok pī, i takadi Go vāidi tōmast / i pī, i tok // a tob sūviš
 tuamad // sij puittiš / puk īi vāmas // puk la puk // īstis
 pōriš // a āhki pōri pōri / jānes // a mī čalk īi togo max^a
 mū pierna ļā^hppiš // mū pārna kāpēi // nu pōriš ma^h // a
 tīt nījdiš ūrōti // nu i sij pōriš // ma^h tīt nījdiš ūrōti
 di vāji vāji / vāji / i leutaj /

jannam ēhčam / tōi^a pōidat //

vīljam / voepam hāudčēdat //

nījdiš vāji / pōrkanna //

kīmlōgi / pōrstog //

i ma^h / rist_ēhčat vūji oxotničat* // vāji / vāji / di tīt
 nījda kō^hni / rist_ēhčat // i pūati domoj .

9. čažnījdīst

mij suggim nuo^htīst / a lai juññ jehkēndiš / je nuoht
pājva e jehklint / i mõnn ārrim vīnsist tobīn / jim tie mij-
mēlt inhki lai šās īi šēm / kīdī pījjim tob čažmēlt i nu^t
sij suggat / a monn kihčiškuūtīm / čažnījt vījdī / a monn
jim tiētmiš što čažnījt mī īi / mõnn jansam čēlcam kihč / mī
tīt īī / vaejv vīdi i vuo^pt nu^t īinnoī tok / ješo čaž mēlt
boatajecca / sij vustī kihčēt je vaejn / je vaejnmiš / a
mõnn māḡḡa aīkkim riḡgiškūūtīm / sij kihčiškuūtīš tahttiš
tok vīlki kihčē vā īltnā što sōndī sū garra / a sonn si-
ji mēlt vuīji / sij māḡḡa nu^t vūlkiš suhkke jāhtajin'n'a /
suirkriš / a nemoško kihčētēstīm juññ ēīā / nu^t īiča sīst /
vīkīš ārr mūāh't tīgo ōumīš / vīsta mījji mēlt vuīji māḡḡa
mīēda vērnūāš / a krohš lai juññ ēīālak / tīgo maxt ēī-
mīš nīkuāsē.

t'ālest māinstiš / p i e n o gñč māinstī / sij nuūt-
tiš s ē j d j o w r i s t' / kuāsē āññ īi s ē j d j a ū r' /
rās kissiš jāhppa ij pua nīmī / nubb vuara kissiš / nubb vua-
ra kissiš puīdi čažnījt / sīmiš tīgo parniš / nu i sij sār-
net' čēlkat' kōz ānn sū gēlk piiji / gēlk suōdēd / sonn
riḡnk / čēlkat' gēlk svīšni mādē ēlā / son tōzē riḡnk / a
čēlkat' gēlk sībīji jāḡra sonn siinad / i sij māḡḡa vūl^ttiš
nūjštīš / i vīlkiš o^pēt kīnuī o^pēt nēvod / nu^t čēlkat'
jānni puīdi kuēī / pu^jccē kuox^t īi kōlā.

a mījji ondrei suāmīst kričā / sonn čālk sājmi kič-
čim čālk puūtīm tōl piijim aīkkim pāstkuēī pāstī / īxta
īam ēīā nīkī / ruoāna je vuo kam čālk mū mēlt / kūlām
čūōrv v u n t r i pua mū garra / monn čālk vūjštī taht-
tīm čūōrvī što jim pua / o^pat čūōrv pua mū garra / monn čālk
lēša pāstkuēlžin ruohfjim nūcken' kiemna čālk piijim / mīēd-
da sōndīm / čālk āīji vū^pt pajniš puk / čūddēdi / māḡḡa
čālk boīšē tīn suānu garra jim vuoakmīš.

A māḡḡa čālk mōn ārrim jērk puīdi / jōnn jērk puīdi mū

nuz / ton saija / lieštēdi / mōnn tok sārnam / no min kan
tonn lak jierk k u e s i m g a n s i š i f a n p a n g a n
s i š / kihčtim dak e i l a n i m i p u a y j i n č u d d ē d i .

10. āyist*

āy dek āy i l i i / neznan jīli // ixtin kahpešt* īai
pārñ / āyist īai nījdt / āy piīji // āy vāldi di / vai^htti
sist / jicciš ro^htji pārna / a sun*n'e sūn*edi nieDa / ī
vijftiis nu tok // nu tut / kō māḡa nu kōz // sušt* nījt / ā
vai^htti / āy vāldi pārñ miecišt* / sin⁶ ūudi nieD / i jic
vūjdi miēdda // jīli jīli / di pārñ* šiddi jōnn pārñ* / nu /
vōddat* miec mieft // puk vēs i / šēḡḡ // pōxti / min toiko
ij pūti jānsiis / n'utt i kōddi šēḡḡ / da puk vuož pōht //
tūjī kuad / tuī kuad / tūjī / i sonn tūēī kuadest* i jā
nast // i tīt pārñ* vūjji opešt* šēīla miāhcca // puidi i kūta /
āy¹ leu^hta / pūšrī lam deljema / ākist eij^a ruohtjim // tūēī
ī kuadest āram / ī oris kođđ čelgiš īi dan / kiicc seccim
piimiš i puejd pōram da puk // pūšrī deljim / čalk / mon pārñ*
sušt ruohtjim // tot kūta / nu / min monn / e i l a m ū j e n ' n /
jīli tīst* / epešt* vūjji māhcca // mēni mēni / kūāht / jōur -
reddist kūāht // tok mēni / i sij nuohttišt* īie pūohtmiš /
kueī čistiš / paškuīli pāstet* / kuad*est // nu nipōivijim
pāstet* / paškuīli i vār tiz koztī // sonn vāldi tok reāhp
pin ēḡ kuorḡi / fā^hč // i tot nieDin i jānast tin ayi nie
Din / jan*n'is // i sonn vālt vūjji kusk toB / vālt / i nuēš
šāḡ tok tōmna // a tot nījdiš fāhč tok / jannam jannam vūj
maxt vuo^hč // a čalk / vūj vuo^hč / ī / maxt sonn čalk / jen
nak piēdišt / māḡa vuo^hč vūj // čalk / mušt* pārñ* ujtta //
a mišt* mī li vūojj / mij kueī šēīlap* da kueī pāstet // nu
vot / e i l a vūjj // jannam jannam / vūj vuo^hč / a tīt oḡmiš
kūutai kūutai / tūdi / naverno / mū jen*n* taīak īi // i
nuoštēdi // sij tīst* tihttiš // i pūidi kūāhtta / no kūāhtta
puidi / nu maxt jēīvette // puk n⁷ oḡmiš puāht tok // nuoh-

sonn taŕam / Go čejbr to kün čilmi vüššta / oslepa // ruoht-
 ji ton niškim / šellj šellj šellj / i kođđi / nu vot // no
 min tist jella boše / ruotjis // maxt ton čelka to /
 kōjtt / kōDDi tāvtaš pijli sū / korctettiš / i nūštiš //
 vūlji // koz vejv kuodji / tis šiddi aš miēxt / lie āš
 miextⁱ piēktat^{*} / āšmiēxt / koz juokⁱ t^e kōdje / tij kōd-
 je da čuāce / čuāš // i maxt vj^m tam sārneš / što boše
 jim mōštam // a koz mīxt sārniš vot mist lai / i vōt jēnēš
 vāldi / āš nutt i mēni / i tom nīD dak jim fie koz sij pi-
 jiš tom nieD / a sū nut^{*} t^{*} i vūjhciš .

11. ruc

ruc puōht / kuōht k^hppi iut saijest vilis ližit
 jāstīt i sīm^a pārna lēijis / di jualet^{*} jehkint^a čelkkiš
 ruc puōht tak mij čūt^{*} vuoddep^{*} lossenji dak miiji kodd srā-
 zu / a iht āhk čalk mon jim vuad monn nutt vuadam dak mistiš
 kahč dak tin kūlam ježli puōht tak monn tū nežtam / sonn
 čalk monn jim kūl / monn čūt^{*} mōssini vuadam puōht tak kodt
 kammiz eī^{la} dōma / miecist lie / vuadjīs li / a kammaj ruoc
 puāht^a / jēd^a t^{*} / kēnat^{*} / sonn mōrni / son mēn nut^{*} t^{*} noš
 noš tin kušimīs što kohcca puāht kod^a t^{*} / vuūt^{*} t^{*} ep^{*} urč^{*}-
 ep^{*} mēdda / ij / ij kōl / ruohtji t^{*} aled pultki vuaeč
 kuškinis talie / nutt i ruohtji / i tin rehppik čihkke čol-
 mi i sist roddist tin pārna ruohtji i jājis ruohtji di urč^{*}-
 ti mēdda tik puhti a tok puhttiš son mōrni / tierht /
 sonn morni / a mōrni tiānc tak eī^{la} tit āhki di jāla ni
 pārnj / i ruc puidi junⁿ piřtta / sust junⁿ pēj čotti
 čickkiš / nu ixt āhki dak min tist / tist^{*} jenni jē / eī⁻
 la jenni kojtta / son ūrci ūrci ūrci di tok pijji jēđđi di
 našerno viggtōvi eī tiēdt što tin garren^{*} sist kammiz puāht-
 ta / di ij vuaeč nikož hoifēdi i miut ēl / kuōht pārna nie-
 mat^{*} / kued biel / rēd tin biela što je riečca / a tut na-
 šerno ruc ūjdi / i kak ras sist kammiz jēd^a t^{*} / pijji
 jēđđ vūālte tobn karnaz ili mik lobjaš / gjak jella kinc-
 men mī li ili min sij poira / minniš āhk ārr / pārnin^{*}

puidi / nu maxt jēlvette // puk⁷ n⁷ oamjš pūht tok // nu
 tim nutt jēlīp* // monn jīlīm jīlīm čalk / mušt* īai
 pērn* // mun*n*a huĵkiš nīda īi / āy huĵkiš / jim fie // da
 monn jāstam faxandīn*n*a vot // no koz tok nījt / min šēll
 jēlīp* nūčttēp* kuēl / vajccēp pōrrap* i jēp* ēl // i so
 tēj / kījētēlī / kījētēlī / a maŋŋa sonn tiedstī / sonn vuj
 kiš sārni / što mušt* āy ujtīe nīēD /?/ // no sonn tonn
 to ēlīlak mū jen*n* / nō / monn tū pārn* // a tonn kuo⁸ // a
 monn tom āhčjin* jēlam / fiŋfin* tīn // āy īie // no maxt /
 a mī nutt tuijēp / tonn mēn čelkiš / što minn kovses kou⁹
 jennis čelk // čuxč šōDD / i vūss mū^ot kuontit / čelk / kov
 sas kouⁿim vōGam // pou^htam kovsīs / ēkip* jēlīa tīst* /
 tū^jn // nū vot // ēpet ī mēnī tok / sonn o^pet* i leu^taj / pūēr
 lam dēljema / ākīst* ēlī^ā ruohtjām / tūēlī kuadēst* āram
 a ōriš koDD čēgīš mušt* īi / kicc sēččim / i puejt pōram
 da puk // a sonn kūtēl / tū^odī ēlīa mū jan*n* / tut i īi m
 jan*n* // i puidi // puidiⁿ āy^o jāst tīst / no vot / no
 košt* īa^hk // no nutt no nutt // monn jīlīm toB kōvsēs /
 kouⁿim / mon ām¹⁰ ženissa // no naj^htāē naj^htāēD // jālāš
 kū^htt pōrastī // mēn da naj^htāēD / vāld kōhpi² da pūut tok
 kōhpi² da // vot cēr ce ce rēlāma ēkēp* jēlīa // nū / āy dak
 āy // nu jēlīa jēlīa // nu vot mū^ot kuondī / vōGam kōvsīs
 puhtīD // a tonn vuarD mū // tonn min čīnīš ij čīnža vuōrd /
 čalk / vōGam keysīs // puhtī / vuolje / tok mēnī jennis
 vāldī // jennis i^žēs to leijīš ferīš // fērsa tīstī pī² i tē
 lēs kū^onēD i nēškem kuŋŋa // tīz / i pūht // sonn čelk što
 ōj / pūht mušt* pērn / pōht ōD Gāppi // nū / puidi tīz jō
 Dī puidi // no mēn / čalk / tirvtēD // sonn īi kāhtmīš / piē
 Gēl tēlīe māda / što ōD Ga^hpūn kāht*et* piije rēh^hpken* //
 nū sonn tok vuaejvīs to sōn / što sūGtēllī sū^o / ōD Gāpp

7 pro puk naŋŋa

8 pro kuošt*

9 pro kouⁿim

10 pro ālgam

kuu^utiⁿ p^ärniⁿ / ni^miⁱ v^uajⁱ niⁱ jo^al^ade / sustⁱ p^ukⁱ v^äri^d p^ärna
miⁿni^s / ke^lli^s c^älkⁱ gⁱakⁱ r^än^al^adⁱ k^odd^ste / diⁱ v^ärⁱ u^uttiⁱ j^uk-
ke / ru^oftⁱisⁱ äⁿdⁱ diⁱ k^odd^sti^s diⁱ tⁱnⁱ äⁿh^kkaⁱ v^ärⁱ j^ukkⁱdiⁱ / äⁿ-
kiⁱ j^uggⁱ v^ärⁱ diⁱ ä^riⁱ ä^riⁱ diⁱ maⁿnaⁱ j^ong^uidiⁱ / ijⁱ v^uai^jimⁱ niⁱ
sä^rni^d / diⁱ maⁿnaⁱ v^ärⁱ j^uggⁱ diⁱ maⁿnaⁱ ä^lgiⁱ c^älkⁱ votⁱ tinⁱtt^a
tinⁱtt^a / ti^stⁱ c^älkⁱ j^ekⁱ ö^skⁱ dakⁱ votⁱ ti^stⁱ piⁿhtⁱkiⁱ lie / ru^oh-
t^jimⁱ ijⁱ koh^oj^ama / aⁱ monⁱ ü^rctⁱmⁱ / sonnⁱ ku^ark^ediⁱ štoⁱ sonnⁱ kol-
lä / aⁱ monⁿ jⁱm / c^älkⁱkimⁱ štoⁱ monⁿ jⁱm k^ull^a / ijⁱ koh^oj^am /
s^u c^älkⁱ koⁱtti^s / maⁿnaⁱ monⁿ c^älkⁱ p^ärnaⁱ ru^oht^jimⁱ diⁱ ü^rctⁱmⁱ.

1. КТО ГДЕ ЖИЛ

- Знаешь /ли/, Федор Романович, где прежде жили саамы летом?

- Летом кто где жил, на разных озерах жили. На Кандасозере жил Сергей-старик, он жил на этом конце озера, летом они жили также в салме на Кандасозере. Еще было Чалмозеро. На Чалмозере, (туда) не доезжая до Чалма-кентица, рядом с островом жил Егор Сергеевич. А в самих Чолмушах, на Чалмакентице, жили трое, три брата жили: Герасим, Афанасий и Леонтий. Здесь вот бабушка есть - это Леонтия жена, дочь Сергея-старика. Еще на Верхнем Чалмозере жили. Там жил Герасим /Там/ был такой Ермпорог и теперь там есть. И там кентице было, там ходовую рыбу ловили. Потом выше, там Каложное озеро. Там жил Денис, большой род жил. У него брат Константин был, братья /были/, сейчас вот не помню /кто/, жили на Каложном озере. А еще на Пирингском озере и на озере Тальвъявр жил Петр, Петр Лукнич жил, тоже летом там жил. А на Нижнем Пирингском озере /жил/ Семен Ларионович, на /кентице/ Кыркуад. А на Верхнем Чалмозере жил Фока. Фока жил /на кентице/ Виртчуоым. А еще на Имандре, там жил Роман. А на Вундас-реке жил Федосы Михайловны Герасим. Потом еще, Терентий жил на Имандре. На Имандре жил Дмитрий (муж Ирины), который будет Ганин дядя.

2. РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Раньше, так рассказывали саамы, были разбойники и /их/ сестра. Они ходили саамов и других людей убивать. Грабят людей, одежду забирают и убивают... А был один /саам/. Саамы жили в веже или же в избе. Пришли разбойники, двадцать человек. Они знали его, проводника, говорят: "Ну, проводник, веди нас туда, где деревня". Проводник говорит: "Я отвезу вас на лодках". А они пришли летом. Он их в две лодки рассадил, и /они/ погребли. Гребли, гребли, гребли. Поплыли к большому острову. Была осень. Проводник пристал к острову. "Дальше не поедем, - /говорит он/, - будем здесь ночевать,

на острове". Они легли спать, а проводника привязали веревкой, чтобы он не ушел. К дереву привязали. У них была женщина, ее приставили сторожить. Проводник молчал, молчал /и/ говорит: "Неужели тебе не жалко меня? Отпусти хоть ты меня, ведь я вам ничего плохого не сделал. Я никуда не уйду". А женщина есть женщина, пожалела его и развязала. А они /разбойники/ спят. Он говорит: "Пойдем в лодку". Они все топоры взяли с собой, /он/ лодку оттолкнул /от берега/ и крикнул: "Проводник уходит!" Они прибежали. "Что?". Проводник далеко отплыл. Они кричат: "Возвратись, возвратись обратно! Мы кашу сварили, масло в кашу положим, тебе дадим. Дадим ложку (в руку)". - "Нет". Проводник греб, греб, греб, приехал домой, в вежу. Недели две жил, поехал /посмотреть/. Они все в кучу /сбились/ и замерзли. И все.

3. ПРОВОДНИК И РАЗБОЙНИКИ

Проводник дома жил, жил. У него своя семья была. /Он/ слышит: шумят, идут. Снова эти разбойники /идут/. "Ну что поделаешь? Идут, так пусть идут, ничего не поделаешь. (Давай) подожду". Больше десяти человек пришло. И один /говорит/: "Знаешь, где ближайшая деревня? Веди нас в деревню!". Проводник говорит: "Знаю, пошли". Идут. Проводник идет, думает: "Как их провести?". Думает, потом вспомнил, (что) есть большой порог, в пороге большая крутая скала. Давай я их туда /отведу/. Шли, шли. Он говорит: "Давайте дальше не пойдем, иначе деревня покажется. Если в деревню пойдем вечером, то там много людей, они могут нас убить. Давайте отдохнем, ночь настанет, потом пойдем". Ну вот. Проводник сидел, сидел. Стало темнеть, он и говорит: "Так как темно, /надо/ привязаться друг к другу, чтобы не потеряться". Все связались веревкой. Он взял бересту, зажег и пошел впереди. Говорит: "Я пойду, /а/ как березовый факел /станет/ быстро двигаться, тогда все бегите: деревня близко". Они за ним шли, шли, /потом/ долго бежали. /Он/ факел в порог швырнул, сам быстро отошел /в сторону/. Они - в порог вниз головой, скала-то крутая. Потом порог стал затягивать /их/, и они быст-

ро исчезали /в воде/, не надо и бежать. А проводник говорит: "Я здесь! Если можете, тяните и проводника за собой!". Так все утонули.

4. ПРОВОДНИК

Жил проводник. Пришла осень, осенью выпал снег. Он /проводник/ оленей собрал, пригнал их на кегору. Олени были на кегоре. Настал вечер. Опять /разбойники/ пришли, около двадцати человек. "Ну, проводник, знаешь, где деревня? Веди нас!". - "Знаю, знаю, знаю". Такой хитрый человек был проводник! "Есть ли на чем ехать?". - "Олени у меня есть". - "Давай, иди на кегору, пригони оленей!". Вот он на кегору пошел, поймал много оленей. А один бык был ходкий (букв. хороший бежать), передовой бык. Такой маленький. Он взял и подпалил ему шерсть чтобы его не взяли. Вот /он/ пригнал /оленей/. - "Выбирайте!" (букв. ловите). Они бегали, запрягали, запрягали, а того быка не взяли: очень большой. Он /проводник/ себе /его/ запряг. А у него заранее была приготовлена такая дубинка, березовая дубинка, небольшая сухая дубинка, что если /его/ ударит по голове, так сразу... /Он/ незаметно положил ее в кережу, чтобы /разбойники/ не убежали. - "Ну, в какой стороне деревня?" - "Вот по этой дороге /поезжайте/". Ехали, ехали, ехали. Он за ними потихоньку едет. И едут. Подъехали к болоту, длинному болоту. Они вперед смотрят: когда деревня покажется. Он сзади едет, /он/ быка веревкой ударил, /последнего/ стал обгонять и ударил его по голове дубинкой. Второго человека /убил, а они назад не смотрят, /не видят/, что он приближается. А он одного за другим дубинкой всех убил. Оленей всех собрал. Он их /разбойников/ в болоте оставил, быков забрал и приехал домой.

5. СТАРИК ОХОТИЛСЯ ЗА ДИКИМИ ОЛЕНЯМИ

- Вот раньше саамы жили по озерам, в лесу жили, на своем месте. Материнское место называют, - рассказывают. Один

старик каждую осень в Свизенье ходит на охоту, на диких оленей. Тогда как раз мороз стал /ударять/ и снегу /было/ немножко. А в то время хлеба не было. Вот он взял рыбы с собой, нагрузил на оленя и пошел на охоту. А ружье у него было пулевое. Вот он ходил, ходил всю неделю и нигде не может найти дикого оленя. Потом пришел к одному большому болоту. К краю болота подошел и думает: "Вот раньше были здесь олени, а теперь почему-то нет". Лег спать, проснулся утром и видит, что с горы спускаются на болото много оленей. Ну что? Он взял ружье, положил в шапку пули, патроны. А пулевое ружье, так не то что сейчас: патрон сунул... Они идут вдоль болота. Прошли мимо, и он стал стрелять. Стрелял, стрелял, много оленей, так они не слышат ничего. Потом олени ушли. Много оленей /убил/. Он стал тут их свежевать. Лы раньше делали со срубом, ямы, чтобы россомаха не таскала бы, не воровала мясо. /Он/ печень изжарил да мозги. Ну вот. Он все собрал и пошел домой. Поклажу собрал, мясо и пошел домой. А там недалеко - другая семья жила. Они откуда-то муки достали, и жена охотника испекла рыськи. Испекла рыськи, что хозяин придет, так угощу его хлебом. Он пришел, принес добычу. Принес мясо, положил на стол. Печень испекли и жена хлеб принесла на стол. Ну вот, он старик посмотрел и говорит: "Рыба - всегда, мясо - ветки, а хлеб - золотое колено". И сам заплакал. Хлеба ведь они не видели. Две недели он ходил. Вот и все.

6. ДИКИЕ ОЛЕНИ

Были две семьи вместе. /Мужчины/ говорят: "Пойдем на охоту. Они пошли. Тогда на охоту с собаками ходили. Снега не было. Осенью, в Свизенье, почти в Свизенье /пошли/. Вот собака тянула, тянула. Два или три дня вела, вела. /Один/ говорит: "Ну теперь дикие олени недалеко. На гору заберемся, а утром дальше пойдем". Они заночевали, проснулись, собаку опять на поводок. Пошли. Шли, шли, шли. На сонку собака ведет. Они шли, шли. Смотрят - на той стороне дикие олени отдыхают. На сопке отдыхают. Они видят, /что/ олени отдыхают. Собаке намордник

надели, сами стали подкрадываться. Смотрят - огромное стадо Смотрели, смотрели. Вот большой гирвас отдыхает, которого застрелим. Они выстрелили, а ни один /олень/ не пошевелился. Что за чудо! Они второй раз выстрелили и стали подкрадываться к ним. Верно, не двигаются /олени/. Что такое? Они тогда встали. А /олени/ мертвые. Как лежали дикие олени на земле, так и умерли. Олени на сопку только забрались, целое стадо. Они /охотники/ плакали, плакал. Пошли домой. Говорят: "Нет больше диких оленей". Какая-то болезнь была.

7. ДВА БРАТА ПОШЛИ ОХОТИТЬСЯ НА ДИКИХ ОЛЕНЕЙ

Лаврентий-старик тогда был молодой. Пошел /он/ на медведя охотиться. А раньше были такие ружья: туда сначала засыпают /порох/, как-то заряжают, кладут пистон. Пистон или что? Не так, как сейчас, что дробь есть да все. Ну и он пошел. У него брат был. Братья, два брата, пошли /охотиться/. Один был Алексей, а другой - Лаврентий. Пошли. Пошли, расходятся. /Один говорит/: "Если я раньше приду, то разведу огонь в куваксе, чай согреть. А ты придешь раньше, так ты огонь разведешь". Они пошли охотиться на диких оленей. На диких оленей пошли охотиться. И он /Лаврентий/ шел, шел, шел. /Вдруг/ навстречу медведь идет. Он в него выстрелил. Выстрелил в медведя и ранил его. Стал ружье заряжать. А не так, как сейчас, что если выстрелил, так /быстро/ другой раз зарядишь и опять выстрелишь. Он стал заряжать ружье. Вложил патрон, да пока пистон вставлял. А (этот) медведь на него пошел, схватил его за голову, дернул на себя, так кожу и содрал. Потом повалил его на землю, земли кидал, кидал, кидал /на него/. /Медведь/ слушает: живой, дышит еще. Еще накидал земли и ушел. А рана была тяжелая. Он /человек/ слушает. "Что это со мной? /Ничего/ не видно". Он кое-как поднялся. А у него вокруг шеи платок был /повязан/. Он платок снял /и/ им завязал /рану/ и смотрит. Сидел, сидел, сидел, долго сидел. Медведь ушел. Он смотрел, смотрел, пропал /медведь/. Он поднялся и пошел потихоньку. У него рука была покусана, все равно как-то он шел. Сердца /медведь/ не повредил. Пришел к костру

развести огня никак не может. А у них были такие постели, спальные мешки, рова называется. Там шкуры... /Он/туда вполз в одежде. А потом брат пришел, думает: "Почему /он/ еще не пришел, времени уже много". /Он/ дикого оленя убил, мясо принес. Развел огонь, думает: "Куда он подевался?". А потом посмотрел: "Какая-то одежка положена. Посмотрю, может там человек". Посмотрел. А он поднялся — это его брат. Он говорит: "Что это ты пришел, огня не развел, лежишь". Он отвечает: "Какой огонь, посмотри какой я. Медведь всего покусал". Ну и он /Алексей/ огонь развел, чай согрел, жиром /рану/ смазал. Тогда врачей не было. Кое-как голову перевязал. Жиром /его/ напойл — это и лекарство. Потом двух быков /олений/ привел, рядом поставил. В брезент /брата/ завернул, обвязал веревкой. И /его/ (букв. брезент) на оленей положил, и (так) привез домой.

8. МЕДВЕДЬ И ОДНОГЛАЗАЯ ДЕВОЧКА

Каждый вечер дети катаются с горы. А детям говорят: "Почему вы катаетесь с горы, ведь медведь большой мешок принесет, внизу оставит и скатитесь прямо в мешок". И вот дети катались, катались. Раз скатились, другой раз скатились — все в мешок скатились. Медведь набрал полный мешок детей. Медведь под горой мешок завязал и забрал их. Нес, нес. Унес, за пять сопок. И пошел сходить по-большому. /Мешок/ повесил на дерево. "Вы тут сидите, — говорит, — я за пять сопок схожу и приду". А одна девочка была одноглазая. У ребят был ножик, игла и нитки. Ребята мешок разрезали, /туда/ камней накидали. Одну девочку оставили, а мешок зашили. И он пришел, медведь пришел. Спрашивает: "Все ли там?". — "Все, все". /Он/ взял мешок и пошел. Шел, шел. Шел, шел. Пришел домой и говорит жене: "Жена, жена, повесь /на огонь/ березовый котел с березовыми ручками". Жена повесила котел. Березовый котел, березовые ручки. Она на берлогу взобралась и съпала содержимое мешка в котел. Туда камни упали. Осталась одна девочка. /Медведица/ говорит: "Что теперь делать? /Ты, медведь/ березовый котел, березовые ручки сломал. Камней принес". И одна девочка оста-

лась. Они взяли эту девочку поваром. И куда-то пошли. Рыбу ловить, наверно, пошли. И говорят той девочке: "Ты свари на суп". И эта девочка осталась. А у них были медвежата, два медвежонка. Она их бросила /в котел/, варила, варила. Они /медведи/ возвращаются. Она взяла и туда, где медвежата спали, положила головешки, которые вытащила из огня. Там дымок поднимается. Они /медведи/ пришли: "Все ли приготовила?" - "Все, все". Сели есть. А медведица ела, ела. Мать их. "Что это, - говорит она, - похожее на лапу моего медвежонка?" Дальше едят. А девочка тем временем убежала. Они съели /медвежат/. А девочка убежала. Пла, пла. Идет и поет:

Мать, отец огонь разжигают.

Братья, сестры чай греют.

Дочь идет голодная.

Холодно, есть хочется".

А после крестный отец пошел охотиться. Шел, шел и девочку нашел. И привел домой.

9. О РУСАЛКЕ

- Мы неводили, а был уже вечер. Там неводят не днем, а вечером. Я сидела в лодке. Не знаю, сколько лет мне было: шесть или семь. Руки опустила в воду, а они /родители/ гробут. Я взглянула - русалка вышла из воды. А я не знала, что это русалка. Я маме говорю: "Смотри! Что это?". Голова видна и волосы длинные по воде разошлись. Они смотрят, не видят, не увидели. А я потом стала плакать. Они стали смотреть, хотели приблизиться туда: посмотреть еще поближе, стали грести к ней. А она к нам поплыла. Они /родители/ потом стали быстро грести прочь, напугались. А потом посмотрели - русалки уже не было. Да и была ли? Лицо было белое, как у человека. Навстречу нам плыла, а потом прочь уплыла. А ближе подплыли уже и не было. Будто никогда и не было ее.

Здесь рассказывали, отец Плено рассказывал. Они неводили на Сейдозере, где сейчас Сейдозеро. Один раз витянули невод, ничего не пришло. Другой раз забросили, другой раз вытащили - пришла русалка маленькая, как ребенок. Ну и они го-

ворят: "Куда ее теперь девать? Надо засолить". Она плачет. Говорят: "Надо оставить на земле". Она опять плачет. Говорят: "Надо бросить в озеро". Она смеется. Они потом взяли и отпустили ее в озеро. И опять забросили невод. Так говорят, много рыбы поймали, бочки две или три.

А нашему Андрею с острова кричали. Он говорит: "Сеи посмотрел, приехал, костер разложил, стал жареницу печь. Один был, никого не было. Русские, - говорит, - не поехали со мной". Слышу, кричит: "Андрей, езжай ко мне". Я, говорит, хотел в ответ крикнуть, что не поеду. Опять кричит: "Езжай ко мне". Я, говорит, сразу схватил сырую жареницу, в котелок бросил и прочь погреб. Волосы, говорит, стали подниматься. Чудилось. Потом, говорит, к тому острову не подъезжал.

А еще, говорит, я сидел, подошел ко мне олень-бык. Большой бык. К костру подошел, улегся. Я ему говорю: "Ну что? Чей ты бык? Кузьмы-старика или Степана-старика?". Взглянул, а ничего и нет. Оленем чудился.

Ю. ПРО ААДЗ

Жила одна женщина, /а/ была Аадз. У женщины был сын, у Аадз - дочь. Аадз решила подменить: себе взяла сына, а ей подсунула дочь и ушла. Ну что тут делать? Аадз подменила, в лесу себе взяла сына, а ей оставила дочь, и сама ушла прочь. /Она/ жила, жила. Сын стал большой, ходит по лесу, охотится. Придет, чего только не приносит своей матери, на диких оленей охотится, мясо приносит. Построил вежу, покрыл ее шкурами, и она в веже из шкур живет. И этот сын опять пошел на охоту. Пришел домой и слышит - Аадз поет: "Хорошо я сделала у женщины сына украла. В теплой веже сижу, ем спинной мозг дикого оленя-самца, все время сало ем. Хорошо (говорит) сделала, сына у нее украла". Он слушает: "Не моя /это/ мать". Жили так, опять он пошел на охоту. Шел, шел. Вежа, на берегу озера вежа /стоит/. Пошел в ту сторону. А они пришли с рыбной ловли, рыбу почистили, жареницу готовят в веже. На нип-часах жареницу готовят и уху подвесили /варяться/. Он взял на

вежу залез, смотрит вниз. А там девушка живет, дочь Аадз, и его мать. Он взял кусок масла и бросил в котел. Девушка посмотрела туда: "Мама, мама, масло плавает". Она /мать/ так говорит: "У твоей матери масло плавает. Она у меня сына украла. А у нас какое масло? Мы рыбу ловим да рыбу жарим. Нет /у нас/ масла". - "Мама, мама, масло плавает". А этот человек слушал, слушал: "Верно, это, наверно, моя мать". И спустился /с вежи/. Они /еду/ готовили. Вошел в вежу, в вежу вошел: "Ну как живете?". Вошел, как и все люди. "Неводим, так /и/ живем. Я жила, жила, - говорит, - у меня был сын. Мне девочку подсунули, Аадз подсунула, не знаю /где сын/. Я живу плохо. Ну куда девушка пойдет, что принесет? Живем, неводим. Рыбу поймаем - едим, и больше ничего /нет/". Он все расспрашивал, расспрашивал, потом узнал, (она правду сказала/, что у нее Аадз сына унесла. Он /говорит/: "То не моя мать, я твой сын". - "А ты откуда /знаешь/?". - "А я там вместе с Аадз живу". Так мол и так. Ну что? "Что теперь будем делать?" - /спрашивает сын/. - "Ты езжай и скажи, что нашел невесту", - его мать говорит. - "Осень придет, первый снег выпадет, скажи: "Поеду за невестой. Привезу невесту, станем здесь, с тобой жить". Ну вот. Приезжает /он/ опять /домой/, она снова поет: "Хорошо сделала, у женщины сына украла. В теплой веже сиди, ем спинной мозг дикого оленя-самца, все время сало ем". Он слушал: "Верно, это не моя мать, та - моя мать". И вошел. Вошел. Аадз сидит: "Где был?". Так и так. - "Я был там-то, нашел невесту, я буду жениться". - "Женись, женись". Будем хорошо жить. Езжай и женись, возьми в жены, да привези ее сюда. Вот припеваючи будем жить". Вот Аадз, так Аадз! Жили, жили. Выпал первый снег. "Поеду за невестой, а ты жди меня. Приготовишь /что/, не приготовишь - жди, невесту привезу". Поехал, приехал туда, забрал свою мать. У матери были кережи. /Он/ посадил /мать/ в кережу, положил золь (мешочек с золой/ и скребок рядом /положил/. И приезжают. Она /Аадз/ говорит: "Ой, едет мой сын, едет новая хозяйка". Приехали, /Аадз/ подходит. "Ну что, - говорит /сын/, - поздоровайся". Она /его мать/ была накрыта платком, тогда был обычай, что новой хозяйке голову покрывали платком. Она /Аадз/ сунула туда /под платок/ голову, чтобы поцеловать ее, нову

хозяйку. Она в это время как нажала на мешочек с золой и прямо в глаза ей. /Аадз/ ослепла. Схватила скребок, била, била, била и убила. Ну вот. Что тут жить дальше? Они поймали диких оленей, ее /Аадз/ привязали к ним и пустили. Пошли! Где голова осталась — там осока выросла, где ноги остались, — там трухлявые березовые пни встали. И как там еще рассказывали, не помню. Вот у нас рассказывали, что осока выросла... Вот он свою мать забрал, а Аадз так и пропала. А эту девушку, так не знаю, куда они дели эту девушку.

II. РУЦЫ

Руцы идут. Жены двух братьев вместе живут и маленькие дети с ними. Вечером они разговаривают: "Руцы придут, а мы очень крепко спим, так нас сразу убьют". А одна из женщин говорит: "Я не сплю, я так сплю, что листочек /с дерева/ упадет, так я услышу. Если /руцы/ придут, так я тебя разбужу". Она /другая/ говорит: "Я не слышу, я очень крепко сплю. Придут, так убьют, мужей нет дома, они в лесу". Они заснули. Одна слышит — руцы идут. Идут, шумят. Она встала, пошла, будит, будит, будит золовку. /Говорит/: "Проснись! Идут! Убьют! Пойдем, убежим!". Нет, не слышит! Вырвала у нее из ушей серьги с мяса. Так дернула, завязала их в платок на узел, выхватила ребенка от груди /спящей/, своего ребенка схватила и убежала. Те руцы пришли. Она проснулась. Проспала! Она встала, смотрит — нет ни женщины, ни ребенка. А руцы уже в избу пришли и ей горло перерезали. (Одна женщина, так что им? Не многих и убивать). Она бежала, бежала, бежала через болото, да, наверно, устала или знала, что к тому месту их мужья придут. Не может никуда /идти/, и упала на кочку. Двое детей с двух сторон груди сосут, чтобы не плакали. А тут руцы, наверно, ушли. И как раз их мужья идут. Идут через болото /и видят/ — вороны или какие-то птицы клюют /что-то/. Надо пойти посмотреть, что там, что они клюют. Пришли. Жена /одного из них/ сидит с двумя детьми. Не может говорить, у нее всю кровь дети высосали. Ее муж говорит: "Надо яловую важенку убить и дать ей напиться крови". Взяли убили важенку да напоили женщину кровью. Женщина по-

пила крови, лежала, лежала, потом пришла в себя. Не могла
ворить, а когда выпила крови, то стала говорить: "Вот так
так, если не веришь, так вот серьги. Я вырвала серьги. Она
встала, а я убежала. Она хвасталась, что она услышит. А я
сказала, что я не услышу. Не проснулась /она/. Ее - гово-
убили. Я потом схватила детей и убежала".

Список сокращений

аб.	- абессив
англ.	- английский язык
баб.	- бабинский диалект саамского языка
букв.	- буквально
возм.накл.	- возможностное наклонение
ген.-акк.	- генитив-аккузатив
гирв.	- гирвозерский говор саамского языка
дат.-илл.	- датив-иллатив
дв.ч.	- двойственное число
дем.	- деминутив
диал.	- диалект
ед.ч.	- единственное число
изъявит.накл.	- изъявительное наклонение
илл.	- иллатив
йок.	- йоканьгский диалект саамского языка
кар.	- карельский язык
кильд.	- кильдинский диалект саамского языка
ком.	- комитатив
л.	- лицо
лов.	- ловозерский говор саамского языка
лок.	- локатив
мн.ч.	- множественное число
накл.	- наклонение
нем.	- немецкий язык
ном.	- номинатив
норв.-саам.	- норвежско-саамский диалект
нот.	- нотозерский диалект саамского языка

- парт. - партитив
- повелит.накл. - повелительное наклонение
- саам. - саамский язык
- сб. - сборник
- сер. - серия
- собств.кар. - собственно карельский
- ФИН. - финский язык
- эсс. - эссив
- эст. - эстонский язык
- этногр. - этнография
- CIFU II - Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I, Helsinki, 1965.
- CIFU III - Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I, Tallinn, 1975.
- FUF - Finnisch-ugrische Forschungen, Helsinki.
- KKS - Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja. MSFOu, 60, 1931.
- KKSK - Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlappin sanakirja. I-II. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 15, 1958.
- LMF - Lapin murteiden fonologiaa, Helsinki, 197
- LSFU - Lexica Societatis Fenno-Ugricae, Helsinki
- MyK - Nyelvtudományi Közlemények, Budapest.
- SKS - Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, 1981.
- TRUT - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Tartu.
- UAJb - Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden.
- UAS - Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Bloomington - The Hague.
- Vir. - Virittäjä. Helsinki.

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Из истории исследования бабинского диалекта	5
Современная языковая ситуация у бабинских саамов ..	13
Глава I. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БАБИНСКОГО ДИАЛЕКТА ..	19
Некоторые теоретические вопросы фонологического описания	19
Фонемный инвентарь бабинского диалекта	28
Состав гласных фонем и их основных аллофонов	28
Дифтонги и трифтонги	37
Состав согласных фонем и их основных аллофонов ...	43
Позиционные чередования фонем в бабинском диалекте ..	57
Чередования ступеней согласных	61
Чередования интервокальных взрывных, аффрикат, целевых и сонантов	65
Чередование сочетаний согласных	68
Фонемная структура слова	72
Структура начала слова	73
Структура абсолютного конца слова	75
Сочетания двух согласных в конце слова и на стыке слогов	77
Сочетания трех и четырех согласных	85
Структура слога	89
Глава II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СИСТЕМЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ БАБИНСКОГО ДИАЛЕКТА	93
Морфологические чередования согласных и гласных фонем	94
Морфонологические чередования согласных и гласных фонем	99
Глава III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА	III
К проблеме грамматической категории	III
Именные и глагольные основы в бабинском диалекте ...	III
Грамматические категории имени	III

Категория падежа	I16
Категория грамматического числа	I28
Категория притяжательности	I35
Категория степеней сравнения	I38
Грамматические категории глагола	I40
Категория лица-числа	I40
Категория времени	I47
Категория наклонения	I50
Отрицательное спряжение	I55
Глава IV. ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА	I60
Инфинитив	I62
Причастные формы	I63
Причастия на -i	I64
Причастия на -ма, -м, -minč(-minč), -miš(-miš) ..	I65
Герундий на -men' (-men')	I66
Вербальный абессив	I68
Отглагольное имя действия	I69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	I71
ПРИЛОЖЕНИЕ	I74
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	I98